КНУТЪ ГАМСУНЪ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ВЪ 12 ТОМАХЪ

ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ УЧАСТІИ

К. БАЛЬМОНТА, Ю. БАЛТРУШАЙТИСА
и С. ПОЛЯКОВА

Т. XI

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ.
1909

Р 10/2183

801-15
2551

КНУТЪ ГАМСУНЪ

МЕЧТАТЕЛЬ

Пер. К. Д. БАЛЬМОНТА

ВОИНСТВУЮЩАЯ ЖИЗНЬ

Пер. К. Д. БАЛЬМОНТА

69410

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ.
1909

2010380246

Государственная
ордена Ленина
Библиотека СССР
им. В. И. Ленина
73774-42

Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К⁰), Фонтанка, 117.

МЕЧТАТЕЛЬ

Пер. К. Д. БАЛЬМОНТА.

МЕЧТАТЕЛЬ.

У кухоннаго окна пасторскаго дома стоитъ Мари ванъ-Лоосъ, дѣвица, завѣдующая хозяйствомъ, и смотритъ черезъ дорогу высоко вверхъ. Она знаетъ тѣхъ двухъ тамъ, у забора, это не кто иной, какъ телеграфистъ Роландсенъ, ея собственный женихъ, съ Ольгой, дочерью кистера. Этою весной она уже второй разъ видитъ ихъ обоихъ вмѣстѣ; что бы это могло означать? Если бы дѣвица ванъ-Лоосъ въ эту минуту не была такъ занята, она бы прямо взошла къ нимъ туда и потребовала бы объясненія.

Но гдѣ ей было взять времени? Съ часу на часъ ждали новаго пастора съ его семьей, и въ большомъ домѣ дѣлались спѣшныя приготовленія. Маленькаго Фердинанда поставили сторожить у слухового окна, онъ долженъ былъ не спускать глазъ съ бухты и возвѣстить о прибытіи, чтобы успѣть приготовить горячій кофе для пріѣзжающихъ. Имъ вѣрно придется подкрѣпиться: ихъ доставятъ на лодкѣ изъ Росенгаарда, мѣсто остановки пароходовъ въ милѣ отсюда.

Въ поляхъ еще кое-гдѣ лежитъ снѣгъ, и подморозило слегка, но на дворѣ уже май и погода хорошая, и день въ Нордландѣ длинный, свѣтлый. Сороки и вороны усердно вили гнѣзда, и на обнаженныхъ холмикахъ трава уже зазеленѣла. Въ саду на ивахъ, несмотря на снѣгъ, уже завязались почки.

Теперь весь вопросъ былъ въ томъ, какого рода человѣкъ былъ новый пасторъ. Весь приходъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ его появленія. Правда, что это былъ только временный замѣститель пастора до назначенія сюда постоян-

наго; но замѣщеніе въ этомъ приходѣ могло длиться очень долго, рыбацкое населеніе было бѣдно, и поѣздки въ заштатную церковь, черезъ каждыя три воскресенья, были очень затруднительны. И желающихъ было немного въ этотъ приходъ.

Говорили, что капелланы богатые люди, которые не дрожали надъ грошами. Уже наняли завѣдующую хозяйствомъ и двухъ горничныхъ; не пожалѣли и на дворню, поставили двухъ работниковъ, къ нимъ сподручнымъ маленькаго Фердинанда, который долженъ былъ быть у нихъ на побѣгушкахъ и исполнять порученія для всѣхъ. Въ приходѣ произвело очень благопріятное впечатлѣніе, что пасторъ слылъ такимъ состоятельнымъ. Онъ, значитъ, не будетъ черезчуръ требовательнымъ къ пожертвованіямъ, а напротивъ поможетъ хоть немного бѣднымъ. Ожиданіе было напряженное. Оба помощника пастора и нѣсколько другихъ рыбаковъ собрались внизу, у лодочнаго сарая, для встрѣчи, они стояли въ своихъ тяжелыхъ сапогахъ, жевали табакъ, отплевывали и разговаривали.

Къ нимъ, наконецъ, подошелъ большой Роландсенъ, спокойно спустившись къ нимъ съ дороги, гдѣ распростился съ Ольгой, и дѣвица ванъ-Лоосъ отошла отъ кухоннаго окна. Она ему позднѣе объ этомъ напомнитъ; нерѣдко, по правдѣ сказать, ей приходилось требовать объясненій отъ Ове Роландсена. Она была голландскаго происхожденія, говорила по-бергенски, и была такъ остра на языкъ, что ея собственный женихъ былъ принужденъ дать ей прозвище дѣвицы Вопросъ.—Вообще большой Роландсенъ былъ остроумный и развязный человѣкъ.

Куда это онъ направлялся? Неужели же онъ, въ самомъ дѣлѣ, возымѣлъ намѣреніе встрѣчать семью пастора? Онъ сегодня нисколько не былъ болѣе трезвъ, чѣмъ обыкновенно, въ петличкѣ у него была заткнута вѣточка нераспустившейся вербы, и шляпа его сидѣла нѣсколько криво:

такимъ онъ хотѣлъ быть при встрѣчѣ! Помощникамъ пастора внизу, у сарая, было бы, конечно, пріятнѣе всего, если бы въ эту минуту, въ эту важную минуту, его совсѣмъ не было.

Прилично ли имѣть такой видъ, какъ былъ у него? Его большой носъ былъ черезчуръ выдающимся для той незначительной должности, которую онъ занималъ въ жизни; да и къ тому же, онъ всю зиму не притрогивался къ своимъ волосамъ, такъ что голова его стала все больше и больше походить на голову артиста. Его невѣста говорила, чтобъ ему отомстить, что онъ похожъ на художника, который кончилъ жизнь фотографомъ. Теперь этому молодчику, холостяку, было тридцать четыре года; онъ игралъ на гитарѣ и пѣлъ низкимъ голосомъ тамошнія пѣсни; на чувствительныхъ мѣстахъ онъ хохоталъ, такъ что слезы текли. Онъ былъ просто безподобенъ въ такихъ вещахъ. Онъ былъ станціоннымъ смотрителемъ и десять лѣтъ состоялъ въ этой должности. Роландсенъ былъ большого роста и крѣпкаго сложенія, и не медлилъ принять участіе въ дракѣ, разъ къ этому представлялась возможность.

Маленькій Фердинандъ вздрагиваетъ. Изъ своего слухового окна онъ видитъ, какъ бѣлая лодка купца Мака огибаетъ мысъ, въ слѣдующій моментъ онъ въ три скачка спускается съ лѣстницы и кричитъ, вбѣгая въ кухню: „Ну, вотъ, они и пріѣхали!“

„Господи, пріѣхали!“ кричатъ ошеломленныя дѣвушки. Но дѣвица, завѣдующая хозяйствомъ, не теряетъ присутствія духа, она уже служила здѣсь у прежняго пастора, и знаетъ свое дѣло, такая она расторопная и практичная. „Несите кофе“ — вотъ все, что она говоритъ.

Маленькій Фердинандъ бѣжитъ дальше со своею новостью, къ рабочимъ во дворѣ. Тѣ бросаютъ все, что у нихъ въ рукахъ, быстро натягиваютъ на себя воскресныя куртки, и спѣшатъ внизъ къ сараю, чтобъ помогать. Тутъ внизу ихъ собралось десять человѣкъ для встрѣчи пріѣзжающихъ.

„Здравствуйте“, говоритъ пасторъ со своего мѣста въ лодкѣ, слегка улыбается и снимаетъ свою мягкую шляпу. И всѣ люди, стоящіе на берегу, почтительно обнажаютъ головы, и помощники кланяются такъ низко, что ихъ длинные волосы падаютъ имъ на глаза. Большой Роландсенъ придаетъ всему событію меньше значенія, чѣмъ другіе, онъ стоитъ выпрямившись, какъ палка, но и его шляпа опускается очень низко.

Пасторъ еще молодой человѣкъ, съ красноватыми бакенбардами и съ веснушками на лицѣ; его ноздри почти заросли свѣтлыми волосами бороды. Жена лежитъ больная морской болѣзнью въ крытомъ помѣщеніи лодки.

„Мы пріѣхали“, говоритъ пасторъ, раскрывая дверь, и помогаетъ своей женѣ. Оба одѣты въ какія-то странно-старыя, толстыя платья, которыя не очень-то хороши на видъ. Это вѣрно только верхнее платье, которое они надѣли въ дорогу, а богатое платье они везутъ съ собой въ сундукахъ. У жены шляпа съѣхала на затылокъ, ея блѣдное лицо и большіе глаза привлекаютъ вниманіе присутствующихъ. Помощникъ Левіонъ отправляется за ней, и переноситъ ее на рукахъ на берегъ, въ то время какъ пасторъ справляется одинъ.

„Мое имя Роландсенъ, я телеграфистъ“, говоритъ большой Роландсенъ и выступаетъ впередъ. Онъ весьма пьянъ и у него стеклянные глаза, но потому что онъ знаетъ обращеніе, онъ выступаетъ очень твердо. Го, го, чортовъ Роландсенъ не имѣлъ обыкновенія дѣлать ошибки, когда надо было вращаться среди избраннаго общества и употреблять самые изысканные обороты рѣчи, которые при этомъ полагались. „Если бы я могъ“, продолжалъ онъ, обращаясь къ пастору, „позволить себѣ представить вамъ всѣхъ насъ. Эти два, кажется, помощники пастора. А вотъ эти два — рабочіе у васъ во дворѣ. Это Фердинандъ“.

И пасторъ и жена его киваютъ этимъ людямъ. „Здравствуйте!

Здравствуйте!“ Они скоро всѣ перезнакомились. Да, да, а теперь, значитъ, нужно снести багажъ на берегъ.

Но помощникъ Левіонъ все смотритъ на лодку и собирается еще разъ отправиться туда. „А гдѣ же дѣти?“ спрашиваетъ онъ.

Ему не отвѣчаютъ и всѣ смотрятъ на супруговъ.

„А дѣти гдѣ же?“ настаиваетъ помощникъ.

„Нѣту“, отвѣчаетъ со своей лодки хозяинъ.

Лицо жены покраснѣло. Пасторъ сказалъ:

„Мы только... Значитъ, вы потомъ придете наверхъ получить“.

Конечно, онъ былъ богатъ. Онъ не такой человѣкъ, чтобы задерживать уплату; прежній пасторъ никогда бы и не подумалъ говорить о платѣ за перевозъ вещей, онъ говорилъ только: „Благодарю пока“.

Они стали подниматься въ гору, Роландсенъ показывалъ дорогу. Онъ шелъ въ снѣгу около дороги, чтобы всѣмъ было мѣсто; на немъ были красивые лаковые башмаки, но это его не смущало, и куртку онъ разстегнулъ на холодномъ майскомъ вѣтрѣ.

„А вотъ и церковь“, сказалъ пасторъ.

„Какая она старая. Вѣрно въ ней и печки нѣтъ?“, спросила жена.

„Ну ужь этого я, право, не знаю“, отвѣтилъ Роландсенъ. „Но думаю, что нѣту“.

Пасторъ смутился. Значитъ, это былъ человѣкъ, не посѣщающій церкви, даже напротивъ, человѣкъ, не дѣлающій разницы между буднями и праздниками. И пасторъ сдѣлался нѣсколько сдержаннѣе по отношенію этого чужого.

Дѣвица, завѣдующая хозяйствомъ, стояла на лѣстницѣ, и Роландсенъ опять представилъ ее. Когда это было сдѣлано, онъ поклонился и хотѣлъ уйти. „Подожди немножко, Ове“, прошептала дѣвица ванъ-Лоосъ. Но Роландсенъ не подождалъ, онъ снова поклонился, и пятясь сталъ спу-

скаться съ лѣстницы. „Странный молодчикъ“, подумалъ пасторъ.

Жена вошла въ домъ. Она стала отходить отъ своей морской болѣзни и пошла осматривать помѣщеніе. Она попросила, чтобы самая свѣтлая и красивая комната была рабочимъ кабинетомъ пастора, а себѣ она взяла маленькую комнату, въ которой прежде жила дѣвица ванъ-Лоосъ.

II.

Да, Роландсенъ не подождалъ: онъ зналъ дѣвицу ванъ-Лоосъ, и зналъ, что̀ предстояло. А онъ такъ неохотно дѣлалъ что бы то ни было, кромѣ того, что онъ самъ хотѣлъ.

Вверху на дорогѣ онъ встрѣтилъ одного рыбака изъ прихода, который опоздалъ встрѣтить пастора. Это былъ Енохъ, смышленый и добронравный человѣкъ, который всегда ходилъ съ опущенными глазами, и, изъ-за болѣзни ушей, обвязывалъ голову платкомъ.

„Ты опоздалъ“, сказалъ Роландсенъ, поравнявшись съ нимъ.

„Онъ пріѣхалъ?“

„Пріѣхалъ. Я ему руку пожалъ“. И, уже отойдя, Роландсенъ черезъ плечо закричалъ ему: „Замѣть себѣ, что̀ я скажу, Енохъ: мнѣ завидно на его жену“.

Его смѣлое и легкомысленное сообщеніе, конечно, дошло по адресу. Ужъ Енохъ позаботится о томъ, чтобы всѣ объ этомъ узнали.

Роландсенъ шелъ дальше и дальше вдоль лѣса, и пришелъ къ рѣкѣ. Здѣсь находилась фабрика рыбьяго клея купца Мака; работало тутъ нѣсколько дѣвушекъ, съ которыми Роландсенъ любилъ пошутить, когда проходилъ этой дорогой. Онъ въ этомъ отношеніи дѣйствительно былъ прямо огонь, это всѣ объ немъ говорили. Кромѣ того, сегодня онъ былъ

въ отличнѣйшимъ расположеніи духа, и болталъ съ ними дольше обыкновеннаго. Дѣвушки, конечно, замѣтили, что онъ порядкомъ былъ выпивши.

„Ну, Рагна, какъ ты думаешь, почему я такъ часто бываю здѣсь?“ сказалъ Роландсенъ.

„Почемъ я знаю“, отвѣтила Рагна.

„Ты, конечно, думаешь, что меня чортъ носитъ“.

Дѣвушки засмѣялись.

„Говоритъ про чорта, а разумѣетъ дьявола“.

„Я тебя спасти хочу,“ сказалъ Роландсенъ. „Ты остерегайся здѣшнихъ молодыхъ рыбаковъ, они скверные соблазнители“.

„Вы сами соблазнитель“, сказала другая дѣвушка. „У васъ два ребенка, вы бы постыдились“.

„И! Николина, что ты говоришь? Ты, Николина, всегда меня доконаешь. А тебя, Рагна, я спасу, хочешь ты этого или не хочешь“.

„Вы бы лучше пошли къ дѣвицѣ ванъ-Лоосъ“, говоритъ Рагна.

„Ну и глупа же ты“, продолжаетъ Роландсенъ. „Ну, сколько ты часовъ, напримѣръ, варишь рыбьи головы, прежде чѣмъ завинтишь отдушину?“

„Два часа“, отвѣчаетъ Рагна.

И Роландсенъ киваетъ. По его расчету тоже такъ выходитъ. О, этотъ чортовъ Роландсенъ очень хорошо зналъ почему онъ изо дня въ день продѣлывалъ эту дорогу сюда на фабрику, всюду тутъ рыскалъ и выспрашивалъ дѣвушекъ.

„Чего это ты крышку подняла, Пернилла?“ закричалъ онъ, „Съ ума сошла!“

Пернилла краснѣетъ. „Фрэдрикъ сказалъ, чтобы я помѣшала“, отвѣчаетъ она.

„Будешь крышку поднимать, все тепло уйдетъ“, говоритъ Роландсенъ.

Но, когда тотчасъ же за этимъ къ нимъ подошелъ Фрэд-

рикъ Макъ, сынъ купца, Роландсенъ опять заговорилъ своимъ обыкновеннымъ дурачливымъ тономъ.

„Это ты, Пернилла, служила цѣлый годъ у начальника округа? Ты такая была у него злющая, говорятъ, что все переколотила, кромѣ однѣхъ только перинъ".

Всѣ вокругъ стоящіе захохотали. Пернилла была дѣвушка самаго кротчайшаго нрава. И несчастненькая она была, и кромѣ того, она была дочерью раздувальщика мѣховъ въ церкви, такъ что и святости пристало къ ней нѣсколько.

Когда Роландсенъ опять вышелъ на дорогу, онъ снова увидалъ дочь кистера, Ольгу. Она вѣрно была въ мелочной лавкѣ. Она зашагала насколько могла скоро, чтобы только уйти, срамъ былъ бы ей, если бы Роландсенъ подумалъ, что она его ждала.

Но Роландсенъ этого не подумалъ, онъ зналъ: если они не встрѣчались носомъ къ носу, эта молодая особа имѣла привычку убѣгать отъ него и прятаться. И Роландсенъ отлично понималъ ее и понималъ, что онъ отъ нея ничего не добьется. Не *она*, во всякомъ случаѣ, занимала его.

Онъ вернулся домой на станцію. Онъ сдѣлалъ высокомѣрное лицо, чтобы держать въ отдаленіи помощника телеграфиста, которому страхъ какъ хотѣлось поболтать съ нимъ; Роландсенъ въ такое время бываетъ непріятнымъ сослуживцемъ. Онъ запирается въ своей отдаленной комнатѣ, куда никто не входитъ, кромѣ одной старой женщины и его самого. Здѣсь онъ живетъ и здѣсь онъ спитъ.

Эта комната—царство Роландсена. Роландсенъ не только занимается водкой и вздоромъ, онъ большой мыслитель, изобрѣтатель. Въ его комнатѣ пахнетъ кислотами, настойками и лѣкарствами. Запахъ проникаетъ въ прихожую, и всякій посторонній не можетъ не замѣтить его. Роландсенъ не скрываетъ, что онъ всѣ эти снадобья держитъ у себя въ комнатѣ лишь для того, чтобы заглушить запахъ водки, который у него не вывѣтривается. Но въ этомъ случаѣ Ове Роландсенъ лгалъ отъ своей безмѣрности.

Напротивъ, всѣ эти снадобья въ склянкахъ и банкахъ онъ употреблялъ для своихъ опытовъ. Онъ путемъ химіи нашелъ способъ приготовлять рыбій клей; и этотъ способъ долженъ былъ устранить совершенно способъ купца Мака. Макъ устроилъ свою фабрику съ большими затратами, доставка была очень неудобна и добываніе сырого матеріала было ограничено временемъ улова; кромѣ того, онъ предоставилъ завѣдываніе производствомъ своему сыну Фрэдрику, который не былъ знатокомъ этого дѣла. Роландсенъ добывалъ рыбій клей изъ множества другихъ вещей, не только изъ рыбьихъ головъ, и, кромѣ того, онъ доставалъ клей изъ тѣхъ обрѣзковъ и остатковъ, которые выбрасывалъ Макъ. А изъ самыхъ послѣднихъ отбросовъ онъ умѣлъ добывать удивительное красящее вещество.

Если бы телеграфисту Роландсену не приходилось бороться съ такой крайней нуждой и безвыходностью, изобрѣтеніе его было бы давно осуществлено. Но тутъ, въ этомъ мѣстечкѣ, нельзя было достать денегъ иначе какъ, черезъ купца Мака, а у Роландсена было достаточно основаній не обращаться къ нему. Однажды онъ возымѣлъ смѣлость намекнуть ему, что клей тамъ наверху съ фабрики, у водопада, обходится слишкомъ дорого; но тогда Макъ только рукой махнулъ, этотъ вліятельный развязный господинъ, и заявилъ что фабрика эта золотое дно. Тогда Роландсену загорѣлось выступить съ результатомъ своихъ размышленій. Онъ разослалъ химикамъ своей страны и за границу образцы своего товара, и получилъ удостовѣреніе въ томъ, что начало хорошо. Но дальше онъ не подвигался. Ему еще надлежало представить чистую прозрачную жидкость и взять патентъ на нее для всѣхъ странъ.

Не даромъ же Роландсенъ появился внизу у сарая, чтобы встрѣтить пастора? У негодяя Роландсена были свои соображенія. Если пасторъ дѣйствительно былъ богатъ, то онъ очень легко могъ дать немного денегъ на это значи-

тельное изобрѣтеніе съ несомнѣннымъ будущимъ. „Никто другой не дастъ, такъ дамъ я!“ скажетъ навѣрное пасторъ. Роландсенъ надѣялся.

Ахъ, Роландсенъ такъ легко надѣялся, онъ воспламенялся при каждомъ ничтожномъ поводѣ. Но и разочарованіе онъ привыкъ сносить мужественно, онъ былъ сильнымъ и гордымъ, и не поддавался. Тутъ, напримѣръ, была дочь Мака, Элиза, и ей онъ не поддался. Она была высокая и красивая, у нея была смуглая кожа и красныя губы и было ей двадцать три года. Шла молва, что капитанъ Генриксенъ съ береговаго судна ея тайный поклонникъ; но годы шли, и годы проходили, и ничего изъ этого не выходило. Что это было? Уже три года тому назадъ, когда Элизѣ Макъ минуло двадцать лѣтъ, Роландсенъ въ совершенномъ безуміи бросилъ свое сердце къ ея ногамъ. Она была настолько любезна, что не поняла его. Тутъ Роландсену слѣдовало остановиться и стойти, но онъ пошелъ дальше, и въ прошломъ году онъ началъ ей говорить все. Она могла только засмѣяться въ лицо этому самообольщенному телеграфисту, прежде чѣмъ она ему разъяснила разницу между ними. Она, которая цѣлые годы заставляла ждать своего согласія самого капитана Генриксена. Тогда и случилось, что Роландсенъ стремглавъ отправился къ дѣвицѣ ванъ-Лоосъ и обручился съ ней. Онъ докажетъ; не такой онъ человѣкъ, чтобы отказъ со стороны этой высокой убилъ его.

А теперь снова была весна. И прямо было не выдержать весны его большому сердцу. Она возбудила весь міръ до крайнихъ предѣловъ, да, въ самыя цѣломудренныя ноздри прянымъ вѣтромъ дула она.

III.

Съ моря идетъ первая весенняя сельдь. Рыболовы лежатъ въ лодкахъ и цѣлый день смотрятъ въ подзорныя

трубки въ воду. Гдѣ птицы кружатся стаями, и то здѣсь, то тамъ бросаются въ волны, тамъ сельдь и есть; въ глубокихъ водахъ ее уже можно ловить сѣтями, но весь вопросъ въ томъ, пойдетъ ли сельдь на мелкія мѣста и въ заливы и фіорды, гдѣ цѣлыя стаи можно отводить неводами. Только тогда на этомъ мѣстѣ собираются ловцы, только тогда тутъ кипитъ жизнь, раздаются громкіе возгласы, и только тогда появляется здѣсь народъ и показываются торговыя суда. И тогда заработокъ будетъ неисчислимъ, какъ песчинки на берегу морскомъ,

Рыбакъ—игрокъ. Онъ закидываетъ сѣть и ждетъ результатовъ, забрасываетъ неводъ и судьба рѣшаетъ. Часто неудача слѣдуетъ за неудачей, добыча сокращается, или вовсе уничтожается бурей; но рыбакъ снаряжается снова въ путь, и снова выѣзжаетъ въ открытое море. Иногда онъ ѣдетъ долго до мѣста, гдѣ другимъ посчастливилось, и онъ мучается, гребетъ въ продолженіи недѣль, по большимъ морскимъ пространствамъ, и въ концѣ концовъ пріѣзжаетъ на мѣсто слишкомъ поздно: игра кончилась. Но иногда бываетъ, что на его пути подстерегаетъ его и счастье, и лодка его наполняется талерами. Никто не знаетъ, кому улыбнется счастье и всѣ надѣются съ одинаковымъ правомъ.

Купецъ Макъ былъ на посту, въ лодкѣ его уже лежалъ неводъ, и онъ не отнималъ зрительной трубки отъ глазъ. У Мака въ бухтѣ стояли двѣ яхты и двухмачтовое судно, ходившія за треской на Лофотенскіе острова, и выгруженныя; теперь онъ хотѣлъ грузить ихъ сельдями, если бъ былъ уловъ,—его амбаръ былъ полонъ пустыми бочками. Онъ бы и скупать сталъ сельдь, сколько бы только могъ ее получить; съ этой цѣлью онъ приготовилъ деньги наличными, чтобы поспѣть захватить сельдь, прежде чѣмъ повысятся цѣны.

Въ серединѣ мая Маку удалось вытащить неводъ въ первый разъ. Уловъ былъ неважный, всего полсотни бочекъ, но объ этомъ немедленно заговорили кругомъ, и черезъ

нѣсколько дней на эти мѣста явились и пришлые рыболовы. Здѣсь имѣлись виды на добычу.

Въ это же время, ночью какъ то, на фабрикѣ, въ конторѣ Мака, произведена была кража. Это былъ безумно-смѣлый поступокъ, потому что ночи были свѣтлыя, яркія, отъ вечера до утра, и все что ни дѣлалось, видно было на громадное разстояніе. Воръ взломалъ двѣ двери и укралъ двѣсти талеровъ.

Для всего прихода это было неслыханное происшествіе, и никто его не понималъ. Чтобы совершить кражу со взломомъ у самого Мака, этого и старики не слыхивали въ своей жизни. Мелкіе грѣшки водились за прихожанами, но чтобы совершить кражу со взломомъ, съ этимъ они бы не справились. Поэтому немедленно были заподозрѣны пришлые рыбаки.

Но у этихъ пришлыхъ было доказательство, что они всей партіей въ ночь кражи были на милю отъ фабрики въ открытомъ морѣ, гдѣ высматривали сельдь.

Купца Мака это чрезвычайно огорчало. Значитъ, одинъ изъ своихъ въ приходѣ совершилъ этотъ проступокъ.

Не столько денегъ жалѣлъ купецъ Макъ, нѣтъ, онъ такъ прямо и говорилъ, что глупъ былъ воръ, не взявшій больше. Но что *у него* совершилъ кражу одинъ изъ своихъ, вотъ что оскорбляло всего больше всемогущаго владыку Мака, этого всеобщаго покровителя. Не онъ ли покрывалъ половину расходовъ общины налогами на свои разнообразныя дѣла? И случилось ли хоть разъ, чтобы въ его конторѣ было отказано въ помощи истинно-нуждающемуся въ ней?

Макъ обѣщалъ награду тому, кто разыщетъ вора. Почти ежедневно въ ихъ мѣстечкѣ появлялись новые пришлые рыбаки, и на всѣхъ этихъ чужихъ людей странное впечатлѣніе должно было производить, что купецъ Макъ былъ въ такихъ отношеніяхъ со своими людьми, что его обокрали. Ему, какъ торговому тузу, это было нестерпимо, и онъ увеличилъ обѣщанную награду до четырехсотъ талеровъ. Весь свѣтъ долженъ былъ видѣть, что для него дѣло было не въ деньгахъ.

Новый пасторъ воспользовался происшествіемъ съ кражей, и въ Троицынъ День, когда онъ долженъ былъ говорить о Никодимѣ, ночнымъ временемъ посѣтившемъ Іисуса,—напустился на вора. „Они входятъ къ намъ ночью“,—сказалъ онъ,—„и врываются въ нашъ домъ и похищаютъ наше добро. Никодимъ не содѣлалъ зла, онъ былъ человѣкъ боязливый, онъ выбралъ ночь, чтобы пойти къ учителю; но онъ шелъ души своей ради. А что дѣлаютъ они въ нынѣшнее время? Ахъ, безстыдство обуяло міръ, и ночью пользуются для грабежа и для грѣха. Пусть кара постигнетъ виновнаго, пусть обнаружится онъ!“

Новый пасторъ являлся бойцомъ. Это было въ третій разъ, что онъ говорилъ проповѣдь, и уже многихъ въ приходѣ онъ призвалъ къ покаянію. Когда онъ стоялъ на каѳедрѣ, онъ былъ такъ блѣденъ, и видъ у него былъ такой странный, что онъ походилъ на сумасшедшаго. Были люди, которые, послушавъ его одно воскресенье, не рѣшились вернуться больше. Да, даже дѣвица ванъ-Лоосъ была потрясена, эта дѣва, бронированная своей рѣзкостью и зазубринами своего характера. Обѣ дѣвушки, подчиненныя ей, съ великой радостью замѣтили въ ней эту перемѣну.

Много народа находилось въ бухтѣ. Обстоятельства сложились такъ, что нѣкоторые изъ этихъ людей злорадствовали потерѣ, понесенной купцомъ Макомъ. Макъ, казалось, забиралъ слишкомъ много власти своей торговлей въ двухъ мѣстахъ, своимъ неводомъ, своей фабрикой и своими многочисленными судами; пришлые рыбаки держались своихъ торговцевъ, которые были обходительны и пріятны, и не носили бѣлыхъ воротниковъ и замшевыхъ перчатокъ, какъ Макъ. При его самомнѣніи, по-дѣломъ ему это воровство. Милѣйшему Маку не слѣдъ бы также предлагать нѣсколько сотъ

талеровъ за такое, ему бы эти денежки пригодились на покупку сельди, если бы уловъ былъ удаченъ. Ужъ не такъ онъ богатъ, чтобы денегъ у него было какъ звѣздъ на небѣ. Богъ знаетъ, кто еще укралъ деньги, можетъ быть, онъ самъ, или его сынъ Фрэдрикъ, чтобы показать видъ, что у него денегъ куры не клюютъ, несмотря на то, что на самомъ дѣлѣ, онъ находился въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. И пересудамъ не было конца и на морѣ и на сушѣ.

Макъ понялъ, что, при такомъ положеніи дѣлъ, ему надо показать себя. Здѣсь собралось народу изъ пяти приходовъ, и всѣ эти люди повезутъ домой свои впечатлѣнія, въ семьи свои и къ торговцамъ. И всюду разнесется молва, что такое за человѣкъ Макъ изъ Росенгаарда.

Когда Маку пришлось въ слѣдующій разъ ѣхать на фабрику, онъ нанялъ пароходъ для этой поѣздки. Отъ мѣста остановки была миля, и не мало ему это стоило, но Макъ денегъ не считалъ. Это обратило на себя большое вниманіе, когда пароходъ съ шумомъ вошелъ въ бухту, съ Макомъ и его дочерью Элизой на палубѣ. Онъ былъ хозяиномъ парохода, такъ сказать, когда онъ стоялъ въ шубѣ, опоясанный широкимъ краснымъ шарфомъ, несмотря на то, что было лѣто. Когда отца съ дочерью высадили на берегъ, пароходъ немедленно повернулъ и отправился назадъ: всякій могъ видѣть единственную цѣль, съ которой онъ пріѣзжалъ. И тогда многіе изъ пришлыхъ рыбаковъ склонились передъ могуществомъ Мака.

Но Макъ сдѣлалъ больше. Онъ не могъ забыть позора кражи со взломомъ. И онъ вывѣсилъ новое объявленіе, въ которомъ обѣщалъ награду въ четыреста талеровъ самому вору, если онъ объявится. Ничего подобнаго никогда не видали. Теперь уже каждый долженъ былъ признать, что дѣло было не въ тѣхъ несчастныхъ краденыхъ грошахъ, которые Макъ хотѣлъ спасти. Но сплетни смолкли не на всѣхъ устахъ: Если воръ тотъ, который я думаю, то ужъ онъ не объявится, даже и теперь, и разговору конецъ!

Великій Макъ попалъ въ невыносимое положеніе. Дѣло шло къ тому, что онъ утрачивалъ всякое значеніе. Двадцать лѣтъ онъ былъ великій Макъ и всѣ почтительно уступали ему дорогу; теперь, казалось, съ нимъ люди раскланивались не такъ почтительно, какъ прежде. И, кромѣ всего прочаго, онъ же былъ кавалеромъ одного королевскаго ордена. Какую онъ власть имѣлъ! Онъ былъ первымъ въ приходѣ, рыбаки боготворили его, мелкій торговый людъ сосѣднихъ мѣстечекъ ему рабски подражалъ. У Мака была желудочная болѣзнь, вѣрно слѣдствіе его барскаго образа жизни, и какъ только дѣлалось свѣжѣе, онъ повязывалъ себѣ животъ широкимъ краснымъ шарфомъ. Такія красныя повязки на животѣ стали носить и торговые люди по сосѣдству, эти ничтожныя выскочки, которымъ Макъ давалъ жить изъ милости. И имъ хотѣлось подняться до тѣхъ высшихъ существъ, которыя такъ обильно и изысканно питались, что вслѣдствіе этого страдали желудкомъ. Макъ появился въ церкви въ скрипучихъ сапогахъ и прошелъ по среднему проходу высокомѣрно скрипя ими; такъ что это онъ же научилъ людей носить скрипучіе сапоги. Многіе ставили обувь свою въ воду и высушивали ее къ воскресенью, чтобы она хорошенько скрипѣла въ церкви. Во всѣхъ вещахъ Макъ былъ великимъ образцомъ.

IV.

Роландсенъ сидитъ въ своей комнатѣ и дѣлаетъ опыты. Изъ своего окна онъ видитъ, что опредѣленная вѣтка на опредѣленномъ деревѣ въ лѣсу двигается вверхъ и внизъ. Кто-нибудь, должно быть, трясетъ дерево, но листва уже такъ густа, что за нею никого не видно. И Роландсенъ продолжаетъ заниматься своими опытами.

Но работа сегодня что-то не подвигается. Онъ пытается играть на гитарѣ, запѣваетъ смѣшныя чувствительныя пѣсни,

но и это у него не выходитъ. Весна пришла, и сердце Роландсена въ волненіи.

Элиза Макъ пріѣхала, онъ встрѣтился съ нею вчера вечеромъ. Онъ былъ гордъ и высокомѣренъ, зналъ, какъ повести себя; было такъ, какъ будто она хотѣла обрадовать его привѣтливыми словами, но онъ не принялъ ихъ.

„Я привезла вамъ поклонъ отъ телеграфиста въ Росенгаардѣ“, сказала она.

Роландсенъ не дружилъ съ телеграфистами, у него не было товарищей. Она хотѣла опять подчеркнуть разницу между ними, ого, онъ ей за это отплатитъ.

„Поучите меня какъ-нибудь играть на гитарѣ“, сказала она.

Это могло смутить хоть кого, и отказываться нельзя было; но Роландсенъ отказался. Напротивъ, теперь онъ ей отплатитъ. Онъ сказалъ:

„Хорошо. Когда захотите. Вы можете взять мою гитару“.

Вотъ какъ онъ съ ней обращался. Какъ будто она совсѣмъ не Элиза Макъ, какъ будто она не дама, которая можетъ имѣть тысячи гитаръ.

„Нѣтъ, благодарю“, сказала она. „Но поучиться немножко я бы могла на ней“.

„Я вамъ ее отдаю совсѣмъ“.

Тогда она закинула голову и сказала:

„Но, позвольте, я вовсе ея не желаю“.

Его дерзость задѣла ее. Онъ отказался отъ мести и пробормоталъ:

„Я только хотѣлъ вамъ отдать единственное, что у меня есть“.

Онъ низко поклонился и пошелъ.

Онъ пошелъ къ дому кистера. Онъ хотѣлъ встрѣтить Ольгу, его дочь. Была весна, и сердцу Роландсена нужна была возлюбленная. Не легко было управлять такимъ боль-

шимъ сердцемъ. При этомъ у него была своя цѣль, когда онъ ухаживалъ за Ольгой. Шла молва, что Фрэдрикъ Макъ обратилъ вниманіе на дочь кистера, и Роландсенъ хотѣлъ вытѣснить его. Фрэдрикъ былъ братъ Элизы, и такой отказъ получить было бы очень хорошо для семьи. Впрочемъ, Ольга сама по себѣ стоила того, чтобы за ней ухаживать. Роландсенъ зналъ ее совсѣмъ еще дѣвочкой; доходы у нихъ дома были весьма тощіе, такъ что платья свои она должна была донашивать до тла, прежде чѣмъ она получала новыя, но она была свѣжая и красивая, и ея застѣнчивость шла къ ней.

Роландсенъ два дня подрядъ встрѣчался съ ней. Это было только возможно потому, что онъ приходилъ къ ней прямо въ домъ и приносилъ ея отцу книги. Ему приходилось навязывать кистеру эти книги, которыхъ старикъ не просилъ и которыхъ не понималъ. Роландсену приходилось настаивать и проявлять большой жаръ изъ-за этихъ книгъ. Это полезнѣйшія книги на свѣтѣ, говорилъ онъ, и я непремѣнно хочу распространять ихъ; прошу васъ.

Онъ спросилъ кистера, не умѣетъ ли онъ стричь волосъ. Но кистеръ никогда въ жизни не занимался стрижкой волосъ, скорѣе это умѣла Ольга, которая подстригала волосы всѣмъ въ домѣ. Тогда Роландсенъ принялся умолять восторженно Ольгу подстричь ему волосы. Она покраснѣла и спряталась; я не могу, сказала она. Но Роландсенъ отыскалъ ее и произнесъ рѣчь, такой великолѣпный наборъ словъ, что она уступила.

„Какъ же васъ подстричь?“ спросила она.

„Какъ вы хотите“, отвѣтилъ онъ. „Какъ же иначе?“

Онъ обратился къ кистеру и сталъ приставать къ нему съ пустыми вопросами и такъ надоѣлъ старику, что тотъ удалился въ кухню.

Роландсенъ оживился и заговорилъ высокопарно. Онъ сказалъ Ольгѣ:

„Когда вы зимой, вечеромъ, находитесь въ темнотѣ, и

входите послѣ того въ освѣщенную комнату, свѣтъ отовсюду вливается въ ваши глаза".

Ольга не поняла, что онъ хотѣлъ сказать, но она отвѣчала: „Да".

„Да", сказалъ Роландсенъ. „Такъ и со мной бываетъ, когда я прихожу къ вамъ".

„А здѣсь мнѣ больше не снимать?" спросила Ольга.

„Нѣтъ, нѣтъ, стригите себѣ спокойно. Вы сами должны рѣшить. Вотъ видите, вы подумали сейчасъ, какъ бы вамъ уйти и спрятаться, а каково было бы мнѣ? Вѣдь это словно какъ молнія тушитъ искру".

Онъ, очевидно, совсѣмъ былъ сумасшедшій.

„Еслибъ вы только голову держали спокойно, я бы лучше могла", сказала она.

„Мнѣ, значитъ, нельзя смотрѣть на васъ. Послушайте, Ольга, вы помолвлены?"

Къ этому Ольга не была подготовлена. И не достаточно она была стара и опытна, чтобъ то или иное могло ее вывести изъ равновѣсія.

„Я? Нѣтъ", былъ весь ея отвѣтъ. „Ну, теперь, я думаю, такъ будетъ хорошо. Только вотъ нужно еще немножко подравнять". Она хотѣла уговорить его, потому что она подозрѣвала, что онъ пьянъ.

Но Роландсонъ былъ не пьянъ, онъ былъ трезвъ; онъ много работалъ послѣднее время; всѣ чужіе рыбаки, пріѣхавшіе съ неводами, задали много работы телеграфисту.

„Нѣтъ, только не кончайте", просилъ онъ; „подстригите меня кругомъ еще разъ, или два, тогда вы будете добрая".

Ольга разсмѣялась;

„Нѣтъ, этого никакъ нельзя".

„Ахъ, ваши глаза, какъ звѣзды", сказалъ онъ. „А ваша улыбка заливаетъ меня какъ солнцемъ".

Она сняла съ него простыню, почистила его платье щеткой, и стала собирать волосы съ пола. Онъ бросился и сталъ помогать ей, ихъ руки встрѣтились. Она была юная дѣвушка, ея дыханіе пахнуло на него и прошло горячей струей по нему. Онъ схватилъ ея руку. Онъ замѣтилъ, что ея платье у шеи было застегнуто одной обыкновенной булавкой. Это имѣло очень убогій видъ.

„Что вы—зачѣмъ вы это?" проговорила она, запинаясь.

„Я просто такъ. Нѣтъ, впрочемъ, я хочу васъ поблагодарить за вашу работу. Если бы я не былъ обрученъ крѣпко и неразрывно, я бы влюбился въ васъ".

Она встала съ пола съ волосами въ рукахъ, онъ оставался на полу.

„Вы испачкаете себѣ такъ платье", сказала она и вышла за дверь.

Когда вернулся кистеръ, Роландсенъ притворился оживленнымъ, онъ протянулъ къ нему свою голую голову и стащилъ шляпу до ушей, чтобы показать, насколько она ему теперь стала велика. Потомъ вдругъ посмотрѣлъ на часы, сказалъ, что ему нужно въ контору, и ушелъ.

Пошелъ Роландсенъ въ мелочную лавку. Онъ просилъ показать ему брошки, булавки, и самыя дорогія. Онъ выбралъ поддѣльную камею и просилъ повѣрить ее ему въ долгъ. Ему не повѣрили, онъ и безъ того слишкомъ много былъ долженъ тутъ. Тогда онъ взялъ дешевую стеклянную булавку, похожую на агатовую, и заплатилъ за нее нѣсколько монетъ. И Роландсенъ унесъ съ собой свое сокровище.

Это было вчера вечеромъ...

Теперь Роландсенъ сидитъ въ своей комнатѣ и не можетъ работать. Онъ беретъ шляпу и выходитъ изъ дому, чтобы посмотрѣть, кто тамъ въ лѣсу трясетъ деревья. Онъ попадаетъ прямо въ пасть ко льву. Это дѣвица ванъ-Лоосъ подавала ему знаки, и теперь она стоитъ и ждетъ его. Отчего онъ не укротилъ своего любопытства!

„Здравствуй“, говоритъ она. „Что это ты сдѣлалъ со своей головой!“

„Я обыкновенно подстригаю себѣ волосы весной“, отвѣчаетъ онъ.

„Это ты мнѣ поручилъ сдѣлать въ прошломъ году. А теперь я недостаточно хороша для этого“.

„Мнѣ не хочется съ тобою ссориться“, сказалъ онъ.

„Не хочется?“

„Нѣтъ. И тебѣ нечего здѣсь стоять и трясти цѣлый лѣсъ, чтобы тебя всѣ видѣли“.

„А тебѣ здѣсь вообще нечего сегодня стоять и шутить“,— сказала она.

„А тебѣ, наоборотъ, надо на дорогѣ внизу стоять и махать масличной вѣткой мира“, продолжалъ Роландсенъ.

„Ты самъ себѣ волосы подстригъ?“

„Ольга мнѣ ихъ подстригла“.

Да, она, которая, быть можетъ, однажды станетъ женою Фрэдрика Мака, она подстригла ему волосы. Онъ не хотѣлъ этого скрывать, напротивъ, онъ хотѣлъ возгласить это всему міру.

„Ольга, сказалъ ты?“

„А то какъ же? Не отцу же ея было это дѣлать“.

„Ты такъ далеко заходишь, что въ одинъ прекрасный день все между нами будетъ кончено“, говоритъ дѣвица ванъ-Лоосъ.

На одно мгновеніе онъ задумался.

„Можетъ быть, это будетъ лучше всего“, отвѣтилъ онъ.

Тогда она воскликнула: „Что ты говоришь!“

„Что я говорю? Ты весной совсѣмъ голову теряешь, говорю я. Посмотри на меня, замѣтно ли во мнѣ весной малѣйшее волненіе“.

„Ты на это и мужчина“, отвѣтила она коротко. „Но я не желаю этихъ исторій съ Ольгой“.

„Правда, что пасторъ богатъ?“ спросилъ онъ.

Дѣвица ванъ-Лоосъ вытерла глаза. и стала вновь практичной и находчивой, какъ всегда.

„Богатъ? Я думаю онъ бѣденъ, какъ церковная крыса“.

Еще одна надежда погасла для Роландсена.

„Ты бы на его гардеробъ посмотрѣлъ“, продолжала она, „а потомъ гардеробъ его жены. У нея нижнія юбки какъ... Но онъ удивительный пасторъ. Ты слыхалъ его проповѣди?“

„Нѣтъ“.

„Онъ говоритъ, какъ лучшіе проповѣдники, которыхъ я слышала,“ говоритъ дѣвица ванъ-Лоосъ по-бергенски.

„Ты увѣрена, что онъ не богатъ?“

„Во всякомъ случаѣ, онъ ходилъ наверхъ въ мелочную лавку и просилъ кредита“.

Тутъ на минуту весь свѣтъ померкъ въ глазахъ Роландсена, и онъ хотѣлъ уйти.

„Ты уходишь?“ спросила она.

„Да, а что собственно тебѣ отъ меня нужно?“

Такъ вотъ какъ! Новый пасторъ уговорилъ ее отчасти и она вооружилась большой кротостью, но ея настоящая натура опять взяла верхъ.

„Одно только я тебѣ скажу“, сказала она, „ты заходишь слишкомъ далеко“.

„Хорошо“, сказалъ Роландсенъ.

„Ты меня смертельно оскорбляешь“.

„Тоже хорошо,“ продолжалъ Роландсенъ.

„Я не выдержу, я положу этому конецъ“.

Опять задумался Роландсенъ. Онъ сказалъ:

„Я когда-то думалъ, что это навсегда. Но съ другой стороны, я не Богъ, помочь не могу. Дѣлай какъ знаешь“.

„Да будетъ такъ!“, сказала она горячась.

„Въ первый вечеръ здѣсь въ лѣсу ты не была такъ равнодушна. Я цѣловалъ тебя и ничего не слыхалъ отъ тебя, кромѣ одного маленькаго, миленькаго вскрика“.

„Я вовсе не вскрикивала“, протестовала она.

„Я любилъ тебя больше всего въ жизни и думалъ, что ты будешь моей, что ты слишкомъ хороша для меня. Гм... гм...“

„Не безпокойся обо мнѣ“, сказала она съ горечью. „Но съ тобой что будетъ?“

„Со мной? Почемъ я знаю, мнѣ это не интересно“.

„Потому что ты, пожалуйста, себѣ не воображай, что у тебя съ Ольгой что-нибудь выйдетъ. Она достанется Фрэдрику Маку“.

Ахъ, вотъ какъ, подумалъ Роландсенъ, весь свѣтъ это уже знаетъ. Онъ задумчиво зашагалъ впередъ, и дѣвица ванъ-Лоосъ послѣдовала за нимъ. Они сошли на дорогу внизъ и продолжали идти.

„Къ тебѣ идутъ короткіе волосы“, сказала она. „Но какъ плохо они подстрижены, совсѣмъ не гладко“.

„Можешь ты мнѣ дать въ долгъ триста талеровъ?“

„Триста талеровъ“?

„На шесть мѣсяцевъ“.

„Я бы все равно ихъ тебѣ не дала взаймы. Между нами все кончено“.

Онъ кивнулъ и сказалъ: „Да будетъ такъ!“

Но, когда они сошли внизъ, къ забору пасторскаго двора, гдѣ Роландсену надо было повернуть, она сказала: „Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ для тебя трехсотъ талеровъ“. Она протянула ему руку, и сказала: „До свиданья, до скораго“. Когда она отошла на нѣсколько шаговъ, она еще разъ повернулась и спросила: „У тебя нѣтъ еще бѣлья, которое я могла бы для тебя намѣтить?“

„Какъ такъ“, отвѣтилъ онъ. „Я съ тѣхъ поръ не получалъ новаго“.

Она ушла. Роландсенъ почувствовалъ облегченіе и подумалъ: „Хоть бы это въ послѣдній разъ было!“

На угловомъ столбѣ забора было приклеено объявленіе, и Роландсенъ прочелъ его. Это было объявленіе торговца Мака: Четыреста спеціэсдалеровъ за открытіе воровства.

Самому вору даже должно было достаться вознагражденіе, если бы онъ объявился.

„Четыреста спеціэсдалеровъ!“ подумалъ Роландсенъ.

V.

Да, не богатъ былъ новый пасторъ съ пасторшей,—все, что хотите, но не богатъ. Это только его бѣдная молодая жена, привезшая изъ родительскаго дома безсмысленныя претензіи, привычки къ роскоши, пожелала имѣть такое количество прислуги. Ей самой было нечего дѣлать, дѣтей въ домѣ не было, хозяйничать она не умѣла, и такимъ образомъ эта маленькая дѣтская головка заполнялась всякимъ вздоромъ. Она была очень милымъ и красивымъ домашнимъ крестомъ своего мужа.

Господи Боже мой, съ какимъ мужествомъ добрѣйшій пасторъ велъ эту комическую борьбу со своей женой, чтобы хоть немножко пріучить ее къ какому-нибудь порядку, къ какой-нибудь осмотрительности. Четыре года онъ работалъ надъ нею напрасно. Онъ подбиралъ съ полу нитки, бумажки, ставилъ всѣ вещи на свои мѣста, запиралъ двери за ней, смотрѣлъ за печами, открывалъ душники. Когда его жена уходила, онъ обходилъ квартиру, чтобы посмотрѣть, въ какомъ состояніи она оставила ее: всюду валялись шпильки, гребенки были полны волосъ, платки носовые были раскиданы по угламъ, платье разбросано по стульямъ. Пасторъ огорчался и приводилъ все въ порядокъ. Въ свои холостецкіе дни, когда онъ жилъ въ своемъ убогомъ жалкомъ углу, онъ чувствовалъ себя менѣе безпріютнымъ.

Въ началѣ его просьбы и выговоры дѣйствовали, его жена сознавалась, что онъ правъ, и обѣщала исправиться. Тогда, бывало, она на слѣдующее утро вставала раньше, и начинала наводить порядки во всемъ домѣ съ верху до низу; ребенокъ этотъ проникался серьезностью жизни: онъ

выросталъ и становился преувеличенно взрослымъ. Но вслѣдъ затѣмъ она тотчасъ же ослабѣвала, и черезъ нѣсколько дней хозяйство приходило въ прежнее состояніе. Она не удивлялась нисколько, что опять всюду былъ безпорядокъ, напротивъ, она была удивлена, когда мужъ начиналъ опять выражать ей свое недовольство. „Я нечаянно разбила эту чашку, она не дорого стоитъ“, говорила она. „Но осколки лежатъ съ сегодняшняго утра“, отвѣчалъ онъ.

Какъ-то разъ жена пришла къ нему и сказала, что ихъ служанкѣ, Олинѣ, надо отказать: Олина сдѣлала замѣчаніе фру, что она уноситъ разныя вещи изъ кухни, и что онѣ валяются тамъ, гдѣ она ихъ оставила.

Потомъ пасторъ постепенно очерствѣлъ и пересталъ ежедневно упрекать ее, и съ поджатыми губами, и уже почти молча, прибиралъ самъ безчисленные предметы. И жена не возражала, она привыкла, чтобы за нею кто-нибудь стоялъ и прибиралъ. И часто мужъ находилъ, что она достойна состраданія. Она ходила добродушная, исхудавшая, плохо одѣтая, и никогда не жаловалась на бѣдность, несмотря на то, что привыкла къ большому достатку. Она сидѣла и перешивала уже столько разъ перешитыя платья, и могла радоваться и распѣвать, какъ молодая дѣвушка. Потомъ, вдругъ въ ней воскресалъ опять ребенокъ, и хозяйка бросала свою работу, бросала все какъ попало и уходила на волю. Столы и стулья стояли покрытые распоротыми платьями день, два. Куда уходила она? Съ дѣвичьихъ лѣтъ она любила ходить по лавкамъ, ей доставляло удовольствіе покупать что-нибудь, ей всегда нужны были кусочки матерій, остатки лентъ, гребенки, духи, зубной порошокъ, бронзовыя бездѣлушки вродѣ спичечницъ и свистулекъ. Лучше бы купила какой-нибудь одинъ большой предметъ, думалъ пасторъ, пусть дорогой, и ввела бы меня въ долги. Я бы попробовалъ написать краткую исторію церкви для народа, и покрылъ бы этимъ долги.

А годы шли. Часто бывали столкновенія, но все же супруги любили другъ друга, и когда пасторъ не во все вмѣшивался, то все обходилось хорошо. Но у него была скучная особенность внимательно слѣдить за тѣмъ и другимъ, даже издали, даже изъ окна своего рабочаго кабинета. Вчера онъ замѣтилъ, что нѣсколько одѣялъ, которыя висѣли во дворѣ, мокли подъ дождемъ. Поднять тревогу? подумалъ онъ. Вдругъ онъ видитъ, что жена его возвращается; она выходила и теперь прячется отъ дождя домой. Она не захватитъ съ собой одѣялъ! подумалъ пасторъ. И жена прошла къ себѣ въ комнату наверхъ. Пасторъ закричалъ въ кухню; тамъ никого не было, онъ слышалъ, какъ дѣвушка возилась въ кладовой. Пасторъ сошелъ самъ и внесъ одѣяла.

Такъ бы оно и могло остаться. Но пасторъ не могъ молчать, такой ворчунъ. Вечеромъ жена хватилась одѣялъ. Ихъ принесли. „Они мокрыя“, сказала жена. „И были бы еще мокрѣе, если бы я не принесъ ихъ“, сказалъ пасторъ. Тогда жена перемѣнила тонъ. „Ты ихъ принесъ? Этого совершенно не надо было, я бы приказала сама дѣвушкамъ это сдѣлать“. Пасторъ горько усмѣхнулся: „Тогда бы одѣяла висѣли до сихъ поръ во дворѣ“. Жена обидѣлась. „Изъ за нѣсколькихъ капель дождя тебѣ нечего брюзжать. Ничего съ тобой не подѣлаешь. Ты всюду суешь свой носъ“! „Я-бы очень былъ радъ, еслибы я могъ не дѣлать этого“, возразилъ онъ. „А ты видишь, что твой умывальный тазъ стоитъ на постели“? Жена отвѣтила: „Я его туда поставила потому, что нигдѣ нѣтъ мѣста“. „Если бы у тебя былъ еще умывальникъ, то и на немъ бы валялись вещи“, сказалъ онъ. Жена потеряла терпѣніе и сказала: „Господи, какъ гадко ты говоришь, ты вообще боленъ. Нѣтъ, я больше не могу этого выносить!“ И она сѣла и задумалась, глядя передъ собой.

Но она это вынесла. Мгновеніе спустя, она все забыла,

ея доброе сердце прощало всякую несправедливость. Это была такая счастливая натура.

А пасторъ все дольше и дольше оставался въ своемъ dабочемъ кабинетѣ, гдѣ незамѣтенъ былъ безпорядокъ, царившій въ другихъ комнатахъ. Онъ былъ упоренъ, силенъ и выносливъ, настоящая рабочая лошадь. Онъ выспросилъ своихъ помощниковъ о нравахъ своихъ прихожанъ, и то, что онъ узналъ, было больше чѣмъ неутѣшительно. Тогда пасторъ сталъ писать увѣщательныя, карательныя письма то тому, то другому члену общества; это не помогало, онъ самъ ѣхалъ навѣстить грѣшниковъ. Онъ сталъ опаснымъ лицомъ, внушающимъ страхъ. И онъ не щадилъ никого. Ему самому удалось узнать, что у одного изъ его помощниковъ, Левіона, была сестра легкаго нрава, которая была ласкова къ молодымъ мальчишкамъ рыбакамъ; она тоже получила письмо. Онъ позвалъ къ себѣ ея брата по этому случаю, и съ нимъ послалъ ей письмо съ слѣдующимъ наставленіемъ: „Передай ей его. И скажи ей, что я буду слѣдить за ней неусыпнымъ окомъ...“

Купецъ Макъ посѣтилъ его, и пастора вызвали въ гостиную. Визитъ былъ короткій, но многозначительный: Макъ предлагалъ пастору руку помощи, если она ему нужна будетъ для бѣдныхъ въ приходѣ. Пасторъ благодарилъ и былъ въ восторгѣ. Если бы онъ раньше этого не зналъ, то теперь онъ получилъ увѣренность въ томъ, что Макъ въ Росенгаардѣ былъ покровителемъ всѣхъ. Какъ онъ былъ благороденъ и могущественъ, этотъ старый господинъ; онъ импонировалъ даже женѣ, которая сама была городская; онъ былъ изящный господинъ; навѣрное, въ его булавкѣ въ галстукѣ блестѣлъ настоящій камень.

„Уловъ сельдей очень хорошій“, сказалъ Макъ, „мнѣ очень удалась запруда. Конечно, большого значенія это не имѣетъ, всего два десятка тоннъ какихъ-то; но все же это маленькая добавка къ прошлому улову. Вотъ я и подумалъ,

что не надо пренебрегать своими обязанностями относительно своихъ близкихъ“.

„Это правильно“, сказалъ пасторъ. „Такъ надо поступать!—Двадцать тоннъ, это небольшой уловъ? Я такъ мало понимаю въ этихъ вещахъ“.

„Да, тысячи двѣ, три—это больше“.

„Подумай-ка, двѣ, три тысячи“! говоритъ жена.

„А что я не самъ наловлю, я скупаю у другихъ“, продолжалъ Макъ. „Какимъ-то чужимъ рыболовамъ посчастливилось съ уловомъ, неводомъ; я тотчасъ же его купилъ. Я хочу нагрузить всѣ свои суда сельдью“.

„Вы стоите во главѣ большого промысла“, сказалъ пасторъ.

Макъ согласился, что промыселъ ростетъ. У него, собственно, старое дѣло, доставшееся ему по наслѣдству, сказалъ онъ, но онъ его расширилъ и прибавилъ новыя отрасли. Все это онъ дѣлаетъ ради дѣтей своихъ.

„Господи Боже мой, сколько у васъ собственно мастерскихъ, фабрикъ и лавокъ?“ спросила увлекшаяся восторженная жена пастора.

Макъ засмѣялся и отвѣтилъ:

„Этого ужъ я, правда, не знаю, фру. Надо будетъ сосчитать“.

И Макъ во время этого веселаго разговора забылъ на минуту свои заботы и огорченія; ему совсѣмъ не непріятно было, когда его разспрашивали о его дѣлахъ.

„Если бы мы жили поближе къ вашей большой пекарнѣ въ Росенгаардѣ“, сказала фру, и выказала этимъ свою освѣдомленность въ хозяйствѣ. „Мы печемъ здѣсь такой плохой хлѣбъ“.

„Да вѣдь у начальника округа живетъ пекарь“.

„Да, но онъ не продаетъ хлѣба“.

Пасторъ сказалъ:

„Онъ, къ сожалѣнію, пьетъ неумѣренно. Я ему письмо написалъ“.

Макъ посидѣлъ молча съ минуту. „Тогда я устрою пекарню здѣсь“, сказалъ онъ.

Онъ былъ всесиленъ, онъ дѣлалъ, что хотѣлъ. Одного слова его было достаточно, чтобы устроилась пекарня.

„Подумай-ка только“, вырвалось у жены пастора, глаза которой стали круглые отъ удивленія.

„Будетъ у васъ хорошій хлѣбъ, фру, я сейчасъ телеграфирую относительно рабочихъ. Это очень недолго продлится, всего нѣсколько недѣль“.

Но пасторъ молчалъ. Если бы дѣвушки пекли дома хлѣбъ, который потреблялся? Теперь хлѣбъ станетъ дороже.

„Мнѣ надо еще васъ поблагодарить за то, что вы открыли мнѣ кредитъ въ вашей лавкѣ“, сказалъ пасторъ.

„Да“, сказала и жена его, и опять этимъ выказала свою освѣдомленность.

„Это само собой разумѣлось“, возразилъ Макъ, „все что бы вы ни пожелали, къ вашимъ услугамъ“.

„Это удивительно, какъ все въ вашей власти находится“, сказала жена.

Макъ возразилъ: „Нѣтъ, въ моей власти далеко не все. Вотъ я не могу найти вора, обокравшаго меня“.

„Это какая-то невѣроятная исторія“, воскликнулъ пасторъ. „Вы даже обѣщаете вору высшую награду, цѣлое состояніе, и онъ не объявляется“.

Макъ покачалъ головой.

„*Васъ* обокрасть—это же, надо сказать, черная неблагодарность“, сказала жена.

Макъ съ этимъ согласился: „Это вы сказали, фру,—я этого тоже не ожидалъ. Нѣтъ, правда нѣтъ. Я не зналъ, что ко мнѣ мои служащіе такъ относятся“.

Пасторъ замѣтилъ: „Всегда ужъ такъ бываетъ, что крадутъ у того человѣка, у котораго есть что украсть. Воръ зналъ, куда ему пойти“.

И пасторъ тутъ совсѣмъ простодушно сказалъ очень вѣрное

слово. Маку стало легче на душѣ. Если это такъ понимали, какъ понималъ пасторъ, то позоръ кражи очень умалялся.

„Но люди толкуютъ объ этомъ“, сказалъ онъ. „Это мнѣ вредитъ и огорчаетъ меня. Здѣсь теперь такъ много чужихъ, они не щадятъ меня, а дочь моя, Элиза, принимаетъ это все такъ близко къ сердцу. Ну-съ,“ сказалъ онъ и всталъ. „Это вѣрно переходный моментъ. И, такъ, какъ я говорилъ, если господинъ пасторъ натолкнется на нужду въ приходѣ, то пожалуйста, подумайте обо мнѣ“.

Макъ ушелъ. Пасторъ съ женой произвели очень хорошее впечатлѣніе на него, и онъ будетъ ихъ хвалить всѣмъ, куда онъ ни придетъ. Повредить же имъ это не могло? Или могло? Насколько далеко зашли сплетни о немъ? Вчера его сынъ, Фрэдрикъ, пріѣхалъ и разсказалъ, что одинъ пьяный рыбакъ изъ своей лодки закричалъ ему: „Что же ты самъ объявился, и получилъ награду?“

VI.

Дни становились теплѣе, запруженныя сельди должны были оставаться въ неводахъ, чтобы онѣ не пострадали, и только въ дождливую погоду, или въ холодныя ночи, уловъ можно было сложить на берегу. Потомъ поступленіе совсѣмъ прекратилось, приближалась весна и рыболовы уѣзжали одинъ за другимъ. Дома ихъ ждали полевыя работы и тамъ не было рукъ, которыя были бы лишними.

И ночи тоже стали свѣтлыя и солнечныя. Погода, чтобы мечтать и гулять. И молодежь ночи напролетъ ходила по дорогамъ и пѣла и размахивала въ воздухѣ ивовыми вѣтками. И со всѣхъ островковъ стали слышны птичьи голоса: кайры, кулики-сороки, гаги, и чайки. И тюлень вынырнулъ изъ воды съ своей гладкой мокрой головой, оглядѣлся кругомъ и нырнулъ опять внизъ въ свой міръ.

И Ове Роландсенъ мечталъ по своему. Ночами изъ его

комнаты доносилось пѣніе и игра на гитарѣ, и это было больше, чѣмъ можно было требовать отъ человѣка его лѣтъ. Онъ пѣлъ и перебиралъ струны отнюдь не отъ чрезвычайнаго восторга, а наоборотъ, чтобы развлечься, чтобы отдохнуть отъ большого умственнаго напряженія. Роландсенъ думаетъ и думаетъ, онъ попалъ въ тупикъ, и ему надо найти выходъ. Разумѣется, дѣвица ванъ-Лоосъ вернулась къ нему, она не любила давать портиться отношеніямъ, она изо всѣхъ силъ цѣплялась за свою помолвку. Съ другой стороны Роландсенъ же не Богъ, онъ не умѣлъ обуздывать своего большого сердца, весной оно вылетало у него. Не легко было имѣть невѣсту, которая не могла понять, что можно разойтись здорово-живешь.

Роландсенъ опять отправился внизъ къ дому кистера. Ольга сидѣла передъ дверью. Сельди теперь были въ цѣнѣ, шесть ортъ бочка, — двадцать четыре шиллинга, — времена были хорошія и въ приходъ притекли деньги. Ольга по этому случаю очень много себѣ воображала. Или что ей взбрело въ голову? Развѣ Роландсенъ былъ человѣкъ, безъ котораго такъ ужъ вовсе можно было обойтись? Она взглянула на него вскользь и принялась снова за свое плетеніе.

Роландсенъ сказалъ: „Какъ вы посмотрѣли! Ваши взгляды выстрѣлы, вы раните меня“.

„Я васъ не понимаю“, сказала Ольга.

„Вотъ какъ. А вы думаете, я лучше себя понимаю? Я голову потерялъ. Ну вотъ, я стою теперь и помогаю вамъ вскружить мнѣ голову на сегодняшнюю ночь“.

„Тогда бы вамъ лучше здѣсь не стоять“, сказала Ольга.

„Сегодня ночью я прислушивался къ словамъ внутри себя. Слова, которыя не скажешь. Однимъ словомъ, я принялъ великое рѣшеніе, если вы думаете, что вы можете мнѣ посовѣтовать привести его въ исполненіе“.

„Я? Мнѣ-то что до этого?“

„Такъ“, сказалъ Роландсенъ. „Вы сегодня весьма озлоблены, сидите тутъ и обороняетесь отъ меня. Впрочемъ, ваши волосы скоро не будутъ помѣщаться на головѣ, такъ они пышны“.

Ольга молчала.

„Вы знаете, у Бёрре есть дочь, которую я могу получить?“

Тутъ Ольга расхохоталась и посмотрѣла на него.

„Нѣтъ, только не улыбайтесь. Я окончательно потеряю голову“.

„Вы безумный!“ сказала Ольга тихо, и лицо ея вспыхнуло.

„Иногда я думаю: можетъ быть она смѣется въ лицо мнѣ, чтобы еще больше смутить меня. Развѣ, когда рѣжутъ утокъ или гусей, имъ не дѣлаютъ маленькаго укола въ голову, отъ котораго они пухнутъ, и отъ котораго дѣлаются вкуснѣе!“

Ольга возразила обиженно: „Я не такая, напрасно вы такъ обо мнѣ думаете“. И она встала и хотѣла уйти.

„Если вы въ домъ войдете, я пойду за вами и спрошу вашего отца, прочелъ ли онъ мои книги“, сказалъ Роландсенъ.

„Отца нѣтъ дома“.

„Такъ. Я его и не хочу видѣть. Но вы, Ольга, какая вы сегодня жестокая и неприступная! Мнѣ невозможно добиться отъ васъ ласковаго слова. Вы меня не замѣчаете. Вы уничтожаете меня“.

Ольга опять засмѣялась.

„Такъ вотъ у Бёрре есть дочь“, сказалъ Роландсенъ. „Дѣвушку зовутъ Пернилла. Я всюду побывалъ и разузналъ о ней. Отецъ ея раздуваетъ мѣхи въ церкви“.

„А вамъ надо, чтобы на каждомъ пальцѣ у васъ по возлюбленной было?“ спросила Ольга просто.

„Мою невѣсту звали Марія ванъ-Лоосъ,“ отвѣтилъ онъ;

„но мы теперь порѣшили, что между нами должно все кончиться. Можете ее спросить. Она теперь навѣрное скоро уѣдетъ".

„Да, мама, я сейчасъ иду", закричала Ольга въ окно.

„Ваша мать васъ не звала, она только на васъ посмотрѣла".

„Да, но я знаю, что ей нужно".

„А... Хорошо, я сейчасъ уйду. Видите, Ольга, вѣдь вы тоже знаете, что мнѣ нужно, а мнѣ вы ни за что не скажете да, и уходите".

Она отворила дверь. Теперь она, конечно, получила такое впечатлѣніе, что онъ, Роландсенъ, совсѣмъ не надменъ. Надо было это поправить. Но, возможно ли было проиграть такъ грубо? Онъ началъ говорить о смерти и говорилъ о ней шутливо: ему предстояло теперь умереть, и нельзя сказать, что умереть ему было бы ужь очень непріятно. Но онъ бы хотѣлъ, чтобы похороны были устроены на его манеръ. Онъ бы самъ сдѣлалъ колоколъ для похоронаго звона, языкъ былъ бы изъ кости бычачьей ноги,— такъ глупъ онъ былъ. И пасторъ долженъ былъ бы сказать самую короткую надгробную рѣчь на свѣтѣ, просто наступить на могилу и сказать: Симъ признаю тебя мертвымъ и безсильнымъ во вѣки вѣковъ!

Но Ольгѣ было скучно и она перестала робѣть. На воротникѣ у нея сегодня была надѣта красная шелковая ленточка, такъ что она выглядѣла, какъ дама, и теперь ужъ никто не могъ видѣть ея булавки.

„Нужно мнѣ получше реабилитироваться", подумалъ Роландсенъ. Онъ сказалъ: „Я думалъ, что изъ этого что-нибудь выйдетъ. Моя прежняя невѣста съ пасторскаго двора намѣтила мнѣ такъ много вещей изъ бѣлья, такъ что все, что у меня есть, помѣчено именемъ Ольги Роландсенъ. Это было какъ бы указаніемъ свыше. А теперь я съ вами прощусь, и поблагодарю васъ за сегодняшній день!"

И Роландсенъ поклонился, низко снявъ свою шляпу, и ушелъ. Такъ надменно закончилъ онъ. Было бы правда странно, если бы она хоть немного не помечтала о немъ теперь,

Что такое случилось? Даже дочь кистера пренебрегла имъ. Хорошо! Но не указываетъ ли многое на то, что это лишь игра? Зачѣмъ она сидѣла передъ дверью дома, если она не видала, что онъ проходилъ? И зачѣмъ она надѣла красную шелковую ленту, какъ какая-нибудь благородная дама?

Но черезъ нѣсколько дней уже Роландсенъ былъ посрамленъ въ своихъ предположеніяхъ. Онъ видѣлъ изъ своего окна, какъ Ольга прошла въ галантерейную лавку Мака. До поздняго вечера оставалась она тамъ, и когда она возвращалась домой, ее провожали Фрэдрикъ и Элиза. Гордому Роландсену слѣдовало бы теперь сидѣть себѣ спокойно, ему бы слѣдовало запѣть что-нибудь про себя или равнодушно пробарабанить пальцами какой-нибудь маршъ, и непрерывно думать о своихъ собственныхъ дѣлахъ; но вмѣсто того, онъ схватилъ шляпу и бѣгомъ пустился въ лѣсъ. Онъ сдѣлалъ большой кругъ и вышелъ опять на дорогу. Онъ остановился и перевелъ дыханіе, затѣмъ пошелъ навстрѣчу тѣмъ тремъ.

Но тѣ шли необыкновенно долго, Роландсенъ не видѣлъ и не слыхалъ ихъ. Онъ насвистывалъ и пѣлъ про себя, какъ будто они сидѣли гдѣ нибудь въ лѣсу и могли его видѣть. Наконецъ, онъ увидалъ ихъ, они шли безсовѣстно медленно для такого поздняго часа, и никто изъ нихъ не торопился домой. Съ длинной соломенкой во рту и съ вѣточкой ивы въ петлицѣ пошелъ онъ къ нимъ навстрѣчу; мужчины поздоровались при встрѣчѣ, дамы кивнули.

„Какой вы разгоряченный", сказалъ Фрэдрикъ; „гдѣ это вы были?"

Роландсенъ отвѣтилъ ему черезъ плечо: „Это весна; я вхожу въ весну".

Это были не фразы, это была чистѣйшая правда! Ого! какъ медленно и равнодушно и твердо прошелъ онъ мимо нихъ. У него даже хватило силъ посмотрѣть на Элизу Макъ сверху внизъ. Но какъ только онъ скрылся съ ихъ глазъ, онъ прокрался вглубь лѣса, и ужъ не важничалъ, онъ чувствовалъ себя смущеннымъ и побитымъ. Ольга, та не имѣла значенія, и какъ только онъ это сказалъ, онъ вытащилъ булавку изъ кармана, съ трудомъ разломилъ ее пополамъ и бросилъ ее. Но тамъ была дочь Мака, Элиза, она была большая, смуглая отъ солнца, и когда она улыбалась, виднѣлись ея бѣлые зубы. Эту ему Богъ послалъ въ жизни. Ни слова она не сказала и, быть можетъ, завтра она уѣдетъ отсюда. И всякая надежда умерла.

Хорошо.

А тамъ, у него на станціи, стояла дѣвица ванъ-Лоосъ и ждала его. Онъ уже разъ сказалъ ей: что кончено, то кончено, и лучше бы ей уѣхать. И дѣвица ванъ-Лоосъ отвѣтила, что ему два раза не придется объ этомъ просить ее, прощай. А теперь она опять стояла тутъ и ждала его.

„Вотъ кисетъ для табаку, который я обѣщала тебѣ“, сказала она. „Если ты примешь его“. Онъ не взялъ его, и отвѣтилъ: „Кисетъ, мнѣ онъ не нуженъ“.

„Ахъ, да“, сказала она и взяла назадъ свою руку.

И онъ сдѣлалъ усиліе надъ собой, чтобы настроить себя мягче: „Это, можетъ быть, кому-нибудь другому вы обѣщали кисетъ. Вспомните-ка, можетъ быть пастору. Онъ женатый человѣкъ“.

Она не поняла, какъ много усилій ему стоила эта маленькая шутка, и она не могла воздержаться, чтобы не сказать: „Я встрѣтила тѣхъ дамъ по дорогѣ, ты, должно быть, за ними ходилъ?“

„А вамъ что за дѣло?“

„Ове!“

„Почему вы не уѣзжаете? Вы же видите, что такъ ничего не выходитъ“.

„Вышло бы, если бы ты не былъ такимъ сахарнымъ, и не бѣгалъ бы за каждой юбкой“.

„Вы хотите меня окончательно разозлить“, закричалъ онъ. „Покойной ночи“.

Дѣвица ванъ-Лоосъ закричала ему вслѣдъ: „Да, хорошъ ты, нечего сказать! Я о тебѣ гадости слышу!“

Былъ ли какой-нибудь смыслъ въ этой преувеличенной бездушности? И почему было этой несчастной не дать погоревать, разъ у нея есть настоящее маленькое горе нераздѣленной любви? Однимъ словомъ, Роландсенъ пошелъ наверхъ въ контору, тотчасъ же сѣлъ за аппаратъ, и попросилъ одного изъ своихъ товарищей на станціи Росенгаардъ послать ему съ первой оказіей полъ-боченка коньяку. Потому что во всей этой исторіи не было ни малѣйшаго смысла.

VII.

Элиза Макъ на этотъ разъ остается долго на фабрикѣ. Она покидаетъ большой Росенгаардъ и пріѣзжаетъ сюда только для того, чтобы скрасить немного пребываніе своего отца здѣсь; онъ врядъ ли бы и носъ свой показалъ въ этомъ приходѣ, если бы можно было этого избѣжать.

Элиза Макъ съ каждымъ годомъ расцвѣтала все пышнѣе и пышнѣе, у нея были платья красныя, бѣлыя и желтыя, и ее начали называть фрэкенъ, хотя отецъ ея не былъ ни пасторомъ, ни докторомъ. Солнцемъ была она, созвѣздіемъ, высоко надъ всѣми.

Она принесла на станцію нѣсколько телеграммъ, и Роландсенъ принялъ ихъ. Онъ обмѣнялся всего нѣсколькими словами съ нею, тѣми, которыя нужны были, и не сдѣлалъ промаховъ, не раскланялся, не спросилъ, какъ она поживаетъ. Онъ не сдѣлалъ ни одного промаха.

„Здѣсь два раза подрядъ написано „Страусовое перо“. Я не знаю—это намѣренно?“

„Два раза?“ сказала она. „Покажите-ка. Господи, вы правы. Дайте мнѣ, пожалуйста, перо“.

Въ то время какъ она сняла перчатку и писала, она продолжала: „Это въ городъ, одному купцу. Вотъ бы онъ надо мной смѣялся. А теперь хорошо такъ?“

„Теперь хорошо такъ“.

„А вы все еще здѣсь“, сказала она, не вставая со стула. „Я изъ года въ годъ васъ все вижу здѣсь“.

Роландсенъ зналъ, что дѣлалъ, не увольняясь съ этой станціи и не домогаясь другого мѣста. Тутъ вѣрно было что-нибудь, что держало его всѣ эти годы.

„Гдѣ-нибудь надо же быть“, отвѣтилъ онъ.

„Вы бы могли перевестись въ Росенгаардъ. Тамъ немножко получше?“

Но все же, слабая краска разлилась по ея щекамъ, такъ что, можетъ быть, лучше было бы, если бъ эти слова не были сказаны.

„Такую большую станцію я бы не получилъ“.

„Да, потому что вы, вѣрно, слишкомъ молоды“.

Онъ улыбнулся жалкой улыбкой: „Во всякомъ случаѣ съ вашей стороны очень любезно думать, что этому таковая причина“.

„А почему бы вамъ къ намъ не придти, у насъ все таки побольше людей. Семья доктора, они живутъ рядомъ съ нами, бухгалтеръ и всѣ приказчики изъ лавки. А потомъ иногда бываютъ причудливые моряки и тому подобные люди“.

„Капитанъ Генриксенъ съ берегового судна“, подумалъ Роландсенъ.

Что собственно достигалось этой чрезмѣрной милостью? Развѣ Роландсенъ со вчерашняго дня сталъ другимъ человѣкомъ? Онъ же зналъ, что его безразсудная влюбленность была совершенно безнадежна, къ этому нечего было прибавить. Когда она уходила, она протянула ему руку, она не преминула подать ему руку безъ перчатки. Шуршалъ шелкъ

ея платья, когда она спускалась внизъ, подметая имъ ступени.

Роландсенъ сѣлъ къ столу, и истощенный и подавленный сталъ передавать телеграммы. Множество самыхъ удивительныхъ чувствъ переполняло его грудь, теплота этой бархатной руки вошла въ него. Если только хорошенько представить себѣ, то ужъ не такъ плохо обстояли его дѣла, изобрѣтеніе его могло бы принести большія деньги, если бы только у него были тѣ триста талеровъ. Онъ былъ несостоятельнымъ милліонеромъ. Но когда-нибудь онъ все же можетъ найти выходъ.

Пришла жена пастора. Она хотѣла телеграфировать своему отцу. Предыдущій визитъ воскресилъ Роландсена, онъ уже не чувствовалъ себя человѣкомъ никуда негоднымъ, онъ чувствовалъ себя благороднымъ господиномъ, онъ поговорилъ съ пасторшей, обмѣнялся съ ней незначительными фразами. И она осталась дольше, чѣмъ это было въ сущности необходимо, она просила его придти къ нимъ въ домъ.

Вечеромъ онъ опять встрѣтилъ пасторшу по дорогѣ на станцію, и она не пошла дальше, она остановилась, и между ними завязался разговоръ. Она вѣрно ничего не имѣла противъ этого, потому что она остановилась.

„Вы вѣдь на гитарѣ играете?“ сказала она.

„Да. Подождите немножко, вы сейчасъ услышите, какъ я играю“.

И Роландсенъ ушелъ за гитарой.

Пасторша подождала. Она вѣрно ничего не имѣла противъ этого, потому что она ждала.

Роландсенъ пѣлъ ей о своей возлюбленной и о своемъ вѣрномъ другѣ, въ пѣсняхъ его не то чтобъ было что-нибудь особенное, но голосъ у него былъ большой и красивый. Роландсенъ не безъ намѣренія остановилъ пасторшу посреди дороги; могло же случиться, что кто-нибудь

въ это время пройдетъ. Вѣдь прежде же это случалось. И если бы у пасторши было мало времени, плохо бы ей пришлось, они начали опять бесѣдовать и не мало прошло минутъ. Онъ говорилъ иначе, чѣмъ ея мужъ пасторъ; эти звуки были совсѣмъ изъ другого міра, и когда онъ былъ въ разгарѣ самыхъ своихъ краснорѣчивыхъ фразъ, ея глаза становились круглыми, какъ глаза прислушивающейся дѣвочки.

„Да, да, Господь съ вами“, сказала она, уходя.

„Да онъ и со мной“, отвѣтилъ онъ.

Она изумилась: „Вы такъ увѣрены въ этомъ. Почему?“

У него есть на это основаніе. Конечно, Богъ надъ всей вселенной; но что тутъ величественнаго быть Богомъ надъ звѣрьми и горами. Мы, люди, дѣлаемъ его дѣйствительно тѣмъ, что́ онъ есть. Почему же ему не быть съ нами?

И послѣ того какъ онъ произнесъ эту великолѣпную рѣчь, Роландсенъ остался очень доволенъ собой. Пасторша думала объ немъ, когда пошла отъ него. „Ого, не даромъ у него была голова на плечахъ, не даромъ онъ сдѣлалъ то великое изобрѣтеніе“.

Но теперь прибылъ коньякъ. Роландсенъ самъ внесъ боченокъ съ пристани. Онъ не пошелъ окольною дорогой со своей ношей, а среди бѣла дня понесъ ее самъ своими сильными руками. Столь мужественно было его сердце. И вотъ наступило время, когда Роландсенъ вознаграждалъ себя за всѣ свои неудачи. И были ночи, въ которыя онъ выступалъ и разыгрывалъ всевластнаго господина, и въ которыя порядкомъ шумѣлъ, и закрывалъ доступъ чужимъ рыбакамъ, которые серьезно ухаживали за дѣвушками.

Однажды, въ воскресенье, въ церкви появилась команда съ судна. Люди были всѣ сплошь пьяны. Послѣ обѣдни они шлялись по дорогамъ и не вернулись на судно. Съ ними была водка, они напивались все больше, и стали приставать къ проходящимъ. Наверху на дорогѣ съ ними говорилъ

пасторъ, но онъ ничего не могъ сдѣлать. Позднѣе пришелъ начальникъ округа, на немъ была фуражка съ золотымъ околышемъ. Тогда нѣсколько человѣкъ изъ ватаги вернулись на свое судно, но трое изъ нихъ, между ними большой Ульрикъ, не хотѣли отступать. Пусть всѣ знаютъ, что они высадились на берегъ, закричали они, дѣвушки принадлежатъ имъ. Между ними былъ Ульрикъ, а Ульрика знали всѣ по Лофотенскимъ островамъ и по Финмаркену. Пусть только кто-нибудь подойдетъ!

Собралось много прихожанъ, они стояли въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ дороги, или лежали въ лѣсу за деревьями, и съ жадностью слѣдили за большимъ Ульрикомъ, когда онъ выдѣлывалъ свои штуки.

„Я прошу васъ теперь вернуться на судно“, сказалъ начальникъ округа. „А то мнѣ придется иначе разговаривать съ вами“.

„Убирайтесь-ка во-свояси, эй вы, въ фуражкѣ“, отвѣтилъ Ульрикъ.

Начальникъ округа взвѣшивалъ, не позвать ли ему людей, и не связать ли ему этого сумасшедшаго.

„Смотри, берегись, на мнѣ форменная фуражка“, сказалъ начальникъ округа.

Тогда Ульрикъ и его товарищи захохотали такъ, что имъ стало тошно, и они схватились за животы.

Одинъ мальчишка, рыбакъ посмѣлѣе, подошелъ къ нимъ, ему дали тумака, и ему плохо пришлось. Ульрикъ сказалъ: „Ну-ка, выходи слѣдующій!“

„Связать его, веревку сюда!“ закричалъ начальникъ округа, когда увидалъ кровь. „Кто-нибудь изъ васъ сбѣгайте за веревкой. Его надо подъ арестъ“.

„Сколько васъ?“ спросилъ Ульрикъ непобѣдимый. И опять всѣ трое схватились за животы отъ смѣха. Внезапно, вверху, на дорогѣ, показался большой Роландсенъ, онъ шелъ не торопясь, таща за собой ноги, и глаза у него были стек-

лянные. Онъ дѣлалъ свой обычный обходъ. Онъ поздоровался съ начальникомъ округа и всталъ твердо.

„Это Роландсенъ!“ закричалъ Ульрикъ. „Ребята, хотите видѣть Роландсена?“

Начальникъ округа сказалъ: „Онъ совсѣмъ бѣшеный. Онъ одного тутъ въ кровь разбилъ, но мы его сейчасъ веревкой свяжемъ“.

„Веревкой?“

Начальникъ округа кивнулъ: „Я не хочу этого больше видѣть“.

„Глупости“, сказалъ Роландсенъ. „Какой толкъ въ веревкѣ? Дайте-ка мнѣ перемолвить съ нимъ словечко“.

Ульрикъ подошелъ, поклонился, и самымъ коварнымъ образомъ нанесъ Роландсену ударъ. Онъ тотчасъ же почувствовалъ, что онъ тронулъ что-то твердое и массивное. Онъ отодвинулся, но продолжалъ кричать: „Мое почтеніе, телеграфистъ Роландсенъ! Я величаю тебя по заслугамъ полнымъ именемъ, чтобъ ты зналъ, кто ты такой есть“.

Но изъ этого ничего не вышло. Роландсенъ не хотѣлъ упустить случая подраться, и его разсердило то, что онъ самъ такъ глупо медлилъ и не далъ сдачи на первый ударъ. Онъ долженъ былъ отвѣтить этому чужому, чтобъ драка вышла настоящая. Они препирались и несли вздоръ, врали, какъ врутъ пьяные люди, и хвастали наперерывъ. Когда одинъ говорилъ: „Подойди-ка только, я тебѣ покажу...“, то другой отвѣчалъ: „Хорошо, подойду, увидишь, какъ подойду, ты горошкомъ откатишься“. И толпа кругомъ одобряла разговоръ обоихъ. Между тѣмъ начальникъ округа видѣлъ, какъ гнѣвъ и самодовольство въ телеграфистѣ все росли, онъ улыбался и хвасталъ.

Ульрикъ щелкнулъ пальцами у него подъ носомъ, и Роландсенъ пришелъ въ неистовый восторгъ, онъ размахнулся, но ему удалось только схватить чужого за куртку. Онъ не расчиталъ, куртка не выдержала, и вѣдь не о куркѣ же кого-то тамъ дѣло шло. Онъ сдѣлалъ нѣсколько прыжковъ за нимъ и захихикалъ и показалъ зубы отъ удовольствія. Тутъ кое-что да выйдетъ.

Когда Ульрикъ попробовалъ ударъ головой, Роландсенъ зналъ спеціальность своего противника. Но Роландсенъ былъ мастеромъ въ другомъ: въ тяжеловѣсномъ ударѣ въ челюсть ладонью; ударъ долженъ прійтись въ подбородокъ сбоку. Этотъ ударъ имѣетъ послѣдствіемъ необычайное сотрясеніе головы, все смѣшивается въ одномъ вихрѣ, и падаешь на землю. Ничего не разбиваешь, крови нѣтъ, только немножко у рта и носа. Минуту лежишь неподвижно.

Этотъ ударъ онъ внезапно нанесъ большому Ульрику, и тотъ покатился черезъ дорогу. Его ноги скрестились и подкосились подъ нимъ, какъ будто отмерли, онъ былъ схваченъ вихремъ. И Роландсенъ достаточно понималъ языкъ драчуновъ, онъ сказалъ: „Теперь выходи слѣдующій“. Онъ думалъ, что можетъ торжествовать, и не хотѣлъ ничего знать о томъ, что воротъ рубашки у него разорванъ.

„Слѣдующій“ былъ другъ Ульрика, оба теперь замолкли и ужъ не держались за животы отъ смѣха.

„Младенцы вы!“ кричалъ Роландсенъ. „Раздавлю васъ“.

Начальнику округа удалось уговорить этихъ двухъ чужихъ подобрать своего пріятеля и помочь ему добраться до судна, на нейтральную почву. А Роландсену онъ сказалъ: „Я долженъ васъ поблагодарить“.

Но когда Роландсенъ увидалъ трехъ чужихъ, удаляющихся внизъ по дорогѣ, ему это очень пришлось не по вкусу, и онъ до послѣдней минуты продолжалъ имъ кричать: „Приходите завтра вечеромъ опять. Разбейте стекло на станціи, я ужъ пойму. Вы, ребята!“

Какъ обыкновенно, онъ слишкомъ много важничалъ, онъ не переставая болталъ и вралъ. Но зрители разошлись по домамъ. Тутъ вдругъ къ Роландсену подходитъ дама, смотритъ

на него сверкающими глазами и протягиваетъ ему руку. Это пасторша. Она была тутъ, она тоже.

„Это правда было великолѣпно“, говоритъ она. „Запомнитъ онъ“.

Она видѣла, что рубашка его разорвана. Солнце нажгло ему коричневое кольцо вокругъ шеи, а ниже она была голая и бѣлая.

Онъ стягиваетъ свою рубашку у ворота и раскланивается. И ему не непріятно, что пасторша на глазахъ у всѣхъ подходитъ къ нему; побѣдитель становится напыщеннымъ; онъ находитъ, что онъ можетъ ласково поговорить съ этимъ ребенкомъ. Бѣдная женщина: башмаки, что надѣты на ней, не долго выдержатъ, и, очевидно, немного вниманія выпадало на ея долю.

„Не злоупотребляйте вашими глазами, не смотрите на меня“, сказалъ онъ.

Отъ этого щеки ея покраснѣли.

Онъ спросилъ: „Вамъ очень должно быть недостаетъ города?“

„О, нѣтъ“, возразила она, „и здѣсь хорошо. Послушайте, не можете ли вы пойти со мной и остаться у насъ сегодня?“

Онъ поблагодарилъ, онъ не могъ. Контора была открыта въ воскресенье, какъ въ понедѣльникъ. „Примите мою благодарность“, сказалъ онъ. „Есть одно, въ чемъ я завидую пастору, это вы“.

„Что?“

„Вѣжливо, но опредѣленно я ему завидую изъ-за васъ“.

Такъ, теперь это случилось. Можно было поискать другого такого, когда надо было разлить радость вокругъ себя.

„Вы шутникъ“, отвѣтила она, когда пришла въ себя.

По дорогѣ къ себѣ Роландсенъ рѣшилъ, что въ концѣ концовъ у него сегодня былъ удачный день. Въ этомъ опьяненіи, въ этомъ настроеніи побѣдителя, ему начинало казаться, что не даромъ молодая пасторша пускалась съ

нимъ въ разговоръ уже который разъ; онъ сталъ предусмотрителенъ, онъ сталъ лукавъ: она бы могла удалить дѣвицу ванъ-Лоосъ и расторгнуть его тяжкія узы. Требовать онъ этого прямо не могъ, но были другіе пути. Какъ знать, быть можетъ, она и оказала бы ему эту услугу, разъ ужъ они стали такими добрыми друзьями.

VIII.

Пѣніе будитъ ночью пастора и его жену. Никогда съ ними не случалось ничего подобнаго, пѣніе доносится снизу, со двора, солнце озаряетъ землю, чайки проснулись, три часа утра.

„Мнѣ кажется, я слышу пѣніе“, говоритъ пасторъ черезъ дверь своей женѣ.

„Да, это тутъ, подъ моимъ окошкомъ“, отвѣтила она.

Она прислушалась. Она отлично узнала голосъ неистоваго Роландсена и слышала его гитару внизу; но онъ былъ уже слишкомъ смѣлъ, онъ пѣлъ о своей прекрасной возлюбленной, и прямо обращался къ ней. Пасторша пылала отъ волненія.

Къ ней вошелъ пасторъ и выглянулъ изъ ея окна на дворъ. „Это телеграфистъ Роландсенъ“, сказалъ пасторъ, хмуря брови. Онъ только что получилъ полъ-боченка коньяку. Срамъ одинъ“.

Но жена не смотрѣла такъ мрачно на это маленькое происшествіе: этотъ милый телеграфистъ могъ напиваться, какъ ломовой, и пѣть, какъ юноша, отмѣченный Богомъ, онъ вносилъ разнообразіе въ тихую жизнь и въ скромныя участи.

„Это должно быть серенада“, сказала она и засмѣялась.

„Которую ты никакъ не можешь принять“, возразилъ пасторъ. „Или, что ты сама объ этомъ думаешь?“

Всегда ему было нужно огрызаться на что-нибудь.

Она отвѣтила: „Ну, ужъ не такъ это опасно. Маленькая веселая шутка съ его стороны, больше ничего!“ А про себя эта милая фру подумала: никогда больше она не будетъ строить глазки Роландсену и вызывать этого сорванца на такія выходки.

„Никакъ онъ начинаетъ новую пѣсню“, вскричалъ пасторъ. И онъ подошелъ къ окну и сталъ стучать пальцами въ стекло.

Роландсенъ посмотрѣлъ кверху. Это былъ пасторъ, самъ пасторъ во плоти. Пѣніе смолкло. Роландсенъ притворился очень сконфуженнымъ, постоялъ съ минуту неподвижно и пошелъ вонъ со двора.

Пасторъ сказалъ: „Ну, теперь мы избавились отъ него!“ Онъ былъ весьма доволенъ, что однимъ своимъ появленіемъ такъ многаго достигъ. „А завтра онъ отъ меня получитъ письмо“, сказалъ онъ. „Онъ у меня ужъ давно на примѣтѣ изъ-за своего неприличнаго поведенія“.

„Не лучше ли мнѣ сказать ему, что мы не хотимъ, чтобы онъ пѣлъ ночью?“

Пасторъ продолжалъ, не обративъ вниманія на слова жены: „А затѣмъ, я пойду къ нему и поговорю съ нимъ“. Пасторъ сказалъ это особенно выразительно. Какъ будто Богъ знаетъ, что должно было случиться, если онъ пойдетъ къ Роландсену.

Онъ вернулся въ свою комнату и продолжалъ размышлять лежа. Онъ этого легкомысленнаго, полоумнаго субъекта не пощадитъ, хоть онъ и напускаетъ на себя такую важность и смущаетъ весь приходъ своими свободными манерами. Пасторъ не дѣлалъ различія между людьми. Онъ разсылалъ письма всѣмъ, кто бы это ни былъ, и всѣмъ внушалъ почтеніе къ себѣ. Надо было, чтобъ люди просвѣтились въ этомъ одичаломъ приходѣ. Онъ еще не забылъ сестры своего помощника Левіона. Она не исправилась и пасторъ не могъ больше оставить при себѣ ея брата. Несчастіе посѣтило Левіона, его жена умерла; но уже на похоронахъ изловилъ его пасторъ. Это была возмутительная исторія. Когда Левіону надо было хоронить свою жену, ему вдругъ пришло въ голову, что онъ обѣщалъ Фрэдрику Маку привезти на фабрику телячью тушу. Ему было по дорогѣ, дни стояли жаркіе, мясо не могло лежать долго, и онъ захватилъ тушу съ собой. Объ этомъ пасторъ узналъ отъ Еноха, тишайшаго человѣка съ больными ушами, и пасторъ немедленно призвалъ Левіона къ себѣ.

„Я не могу тебя больше держать у себя помощникомъ“ сказалъ пасторъ. „Твоя сестра нарушаетъ всѣ приличія, а ты въ своемъ домѣ не можешь присмотрѣть за ней, ты ложишься и спишь по ночамъ, когда въ твой домъ приходятъ мужчины“.

„Къ сожалѣнію“, возразилъ помощникъ, „это бываетъ“.

„Затѣмъ слѣдующее: ты привозишь хоронить свою жену и кладешь рядомъ мертваго теленка. Ну, на что это похоже?“

Но тутъ мужикъ посмотрѣлъ на пастора съ совершеннымъ недоумѣніемъ, и нашелъ, что онъ несправедливъ. Его покойная жена сама была рачительной хозяйкой, и она бы первая напомнила ему захватить съ собой теленка, еслибы она это могла. Вѣдь ему же было по дорогѣ, непремѣнно бы сказала покойница.

„Если господинъ пасторъ за это будетъ взыскивать такъ строго, онъ не найдетъ себѣ порядочнаго помощника“, сказалъ Левіонъ.

„Ну, ужь это мое дѣло будетъ“, возразилъ пасторъ. „А ты можешь считать себя уволеннымъ“.

Левіонъ опустилъ глаза на шапку, которую онъ держалъ въ рукахъ. Несомнѣнно, это былъ позоръ, его сосѣди будутъ потѣшаться надъ его увольненіемъ.

Пасторъ былъ возмущенъ. „Но, Господи Боже мой“, сказалъ онъ, „развѣ ты не можешь заставить твою сестру выдти замужъ за этого человѣка?“

„Господинъ пасторъ могутъ повѣрить, что я старался объ этомъ“, отвѣтилъ Левіонъ. „Но она сама хорошенько не знаетъ, кто это“.

Пасторъ раскрылъ ротъ. Она не знаетъ, кто это?.. И когда онъ, наконецъ, понимаетъ, онъ всплескиваетъ руками. Затѣмъ киваетъ коротко: „Какъ я сказалъ, я возьму себѣ другого помощника“.

„А кто это будетъ?“

„Я бы могъ тебѣ этого и не говорить, но это будетъ Енохъ“.

Долго раздумывалъ мужикъ. Этого человѣка онъ зналъ. У него было нѣсколько стычекъ съ Енохомъ. „Енохъ будетъ?“ Больше онъ ничего не сказалъ.

Да, Енохъ будетъ на своемъ мѣстѣ въ этой должности. Это глубокая натура. Никогда онъ не задиралъ головы, наоборотъ, онъ чаще низко опускалъ ее, и съ основательностью относился ко всему. Поговаривали втихомолку, что товарищъ на морѣ онъ нехорошій; нѣсколько лѣтъ тому назадъ его изловили на томъ, что онъ занимался дѣлами, не касающимися его. Но, вѣроятно, это была зависть и клевета. Наружностью онъ не походилъ на графа или барона, этотъ платокъ на ушахъ его уродовалъ. Кромѣ того, у него еще была привычка, когда онъ встрѣчалъ кого-нибудь на дорогѣ, приложить палецъ къ одной ноздрѣ, потомъ къ другой, и такъ сморкаться. Но Богъ не зритъ на внѣшній обликъ человѣка и у его смиреннаго раба, Еноха, была похвальная привычка пріукраситься при встрѣчѣ съ людьми. Когда онъ подходилъ, онъ говорилъ: Миръ вамъ! А когда уходилъ: Оставайтесь съ миромъ. Все, что онъ ни дѣлалъ, было основательно и продуманно. Даже большой ножъ, который висѣлъ у него на поясѣ, онъ носилъ съ выраженіемъ такой благодарности на лицѣ, какъ будто онъ хотѣлъ сказать, что есть и такіе, у которыхъ даже ножа нѣтъ, чтобы рѣзать. Въ послѣдній разъ при сборѣ пожертвованій, онъ положилъ на алтарь

бумажку. Это большое пожертвованіе обратило на себя всеобщее вниманіе. Развѣ онъ въ послѣдній разъ такъ много денегъ заработалъ при спасеніи судна? Можетъ быть, какая-нибудь высшая сила приложила свою лепту къ его шиллингамъ. Въ мелочной лавкѣ у Мака онъ ничего не былъ долженъ, его рыболовные снаряды были всѣ въ порядкѣ, его семья хорошо одѣта. И дома онъ имѣлъ за всѣмъ строжайшій надзоръ. У него былъ сынъ, настоящій образецъ хорошаго, смирнаго поведенія. Онъ уѣхалъ на рыбную ловлю на Лофотенскіе острова, такъ что онъ имѣлъ право вернуться съ синимъ якоремъ на рукѣ, но онъ этого не сдѣлалъ. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ отецъ научилъ его страху Божьему и смиренію. „На томъ благословеніе Божіе, кто униженъ и смиренъ духомъ“, думалъ Енохъ...

Въ то время какъ пасторъ лежалъ и размышлялъ такъ, близилось утро. Этотъ несчастный телеграфистъ Роландсенъ нарушилъ его ночной покой, онъ всталъ уже въ шесть часовъ утра. Тогда онъ узналъ, что его жена одѣлась потихоньку и ужъ вышла.

Потомъ, послѣ обѣда, пасторша отправилась наверхъ, къ телеграфисту Роландсену, и сказала: „Вы не должны пѣть по ночамъ для насъ“.

„Я сознаюсь, что я не хорошо поступилъ. Я думалъ увидѣть дѣвицу ванъ-Лоосъ. Но она, оказывается, перебралась оттуда“.

„Такъ вы пѣли для нея?“

„Да, маленькая неудавшаяся утренняя серенада“.

„На этотъ разъ я спала въ ея комнатѣ“, сказала фру.

„А прежде тамъ спала фрэкенъ, во времена вашего предшественника“.

Пасторша ничего больше не сказала. Ея глаза померкли и сдѣлались глупы.

„Да, да, благодарю васъ“, сказала она, когда стала уходить, „очень пріятно было слушать, но не надо больше этого дѣлать“.

„Обѣщаю вамъ это. Если бы я подозрѣвалъ... я бы, конечно, не осмѣлился“... Казалось, Роландсенъ готовъ былъ провалиться сквозь землю.

Когда фру вернулась домой, она сказала: „Мнѣ ужасно хочется спать сегодня“.

„Что же удивительнаго“, отвѣтилъ пасторъ. „Ты вѣрно глазъ не закрыла изъ-за этого горлопана“.

„Самое лучшее я откажу дѣвицѣ ванъ-Лоосъ“, сказала фру.

„Дѣвицѣ ванъ-Лоосъ?“

„Да, они же помолвлены, знаешь. Намъ не будетъ покою по ночамъ“.

„Я ему сегодня напишу письмо“.

„Проще бы всего ей отказать“.

Пасторъ подумалъ при этомъ, что это нисколько не проще всего, такъ какъ перемѣна эта приведетъ только къ лишнимъ расходамъ. Кромѣ того, дѣвица ванъ-Лоосъ была весьма работящая, безъ нея никакого порядка не станетъ. Онъ вспомнилъ, какъ вначалѣ было, когда его жена хотѣла хозяйничать одна, этого онъ никогда не могъ забыть.

„Кого же ты вмѣсто нея возьмешь?“ спросилъ онъ.

Жена отвѣтила: „Я лучше сама буду ея работу дѣлать“.

Тутъ пасторъ горько засмѣялся и сказалъ: „Да, тогда работа будетъ сдѣлана!“

Задѣтая и обиженная жена замѣтила: „У меня все время уходило на то, чтобы помогать ей въ хозяйствѣ. Ужь не такъ много она дѣлала“.

Пасторъ промолчалъ. Не было смысла продолжать разговоръ, помоги, Господи Боже! „Дѣвицу ванъ-Лоосъ нельзя отпустить“, сказалъ онъ. „А жена его сидѣла въ своемъ дырявомъ башмакѣ, такъ что жалость была смотрѣть на нее. И передъ тѣмъ какъ уйти, онъ сказалъ: „Надо бы тебѣ правда пріобрѣсти возможно скорѣе новые башмаки“.

„Ахъ, что́, теперь лѣто“, возразила она.

IX.

Послѣднее судно съ неводами готово къ отъѣзду, ловля кончена. Купецъ Макъ у всѣхъ скупилъ сельди, у кого только могъ достать ихъ, и никто не слыхалъ, чтобы онъ задерживалъ плату; только послѣдняго хозяина онъ просилъ подождать, пока онъ будетъ телеграфировать на югъ о высылкѣ денегъ, и тутъ тотчасъ же люди стали перешептываться: Ага, у него не ладно.

Но купецъ Макъ былъ такъ же могущественъ, какъ прежде. Среди всѣхъ своихъ прочихъ дѣлъ, онъ обѣщалъ построить пекарню, — и пекарня строилась, рабочіе прибыли, фундаментъ былъ положенъ. Для пасторши было истиннымъ удовольствіемъ ходить на постройку и смотрѣть, какъ росло зданіе. Теперь надо было возводить стѣны, и для этого Маку нужны были другіе рабочіе; относительно ихъ онъ телеграфировалъ, сказалъ Макъ.

А теперь и пекарь у начальника округа взялся за умъ. Что не сдѣлало письмо пастора, то сдѣлалъ Макъ своимъ фундаментомъ. „Будетъ хлѣбъ, если имъ хлѣбъ нуженъ“, говорилъ пекарь. Но люди очень хорошо понимали, что этотъ несчастный напрасно бьется, его Макъ все равно раздавитъ.

Роландсенъ сидитъ въ своей комнатѣ, и пишетъ странное объявленіе съ собственноручной подписью. Онъ нѣсколько разъ перечитываетъ его и доволенъ имъ. Затѣмъ онъ кладетъ его въ карманъ, беретъ шляпу и уходитъ изъ комнаты. Онъ идетъ по дорогѣ къ конторѣ Мака на фабрикѣ.

Роландсенъ ждалъ и ждалъ, чтобъ дѣвица ванъ-Лоосъ уѣхала; но она не уѣзжала, пасторша и не думала ей отказывать. Роландсенъ плохо расчелъ, когда надѣялся, что пасторша будетъ оказывать ему услуги. Онъ сталъ опять здраво мыслить и подумалъ: Будемъ держаться земли, мы никого не уловили въ свои сѣти.

Напротивъ того, Роландсенъ получилъ отъ пастора письмо серьезнаго, карающаго характера. Роландсенъ не скрывалъ этого ни отъ кого, онъ разсказывалъ это всѣмъ и каждому. Письмо такое онъ заслужилъ, говорилъ онъ, оно ему было полезно, ни одинъ пасторъ не занимался его душой со времени его конфирмаціи. Да, Роландсенъ дошелъ до того, что утверждалъ, что пасторъ долженъ всѣмъ разсылать такія письма, на радость и утѣшеніе каждаго.

Но по телеграфисту Роландсену нельзя никакъ было видѣть, что въ послѣднее время на его долю выпала такая радость и утѣшеніе, напротивъ, онъ былъ болѣе задумчивъ, чѣмъ когда-нибудь и носился съ какой-то особенной мыслью. „Сдѣлать мнѣ это или не сдѣлать?“, бормоталъ онъ про себя. Но когда его бывшая невѣста, дѣвица ванъ-Лоосъ, сегодня съ ранняго утра подстерегла его и стала опять отравлять ему жизнь этой глупой серенадой во дворѣ пастора, онъ сказалъ себѣ, уходя отъ нея: Я сдѣлаю это!

Роландсенъ входитъ въ контору Мака и кланяется. Онъ совершенно трезвъ. И отецъ и сынъ стоятъ по обѣ стороны конторки и пишутъ. Старикъ Макъ предлагаетъ ему сѣсть, но Роландсенъ не садится, онъ говоритъ:

„Я только для того пришелъ, чтобъ сказать, что это я совершилъ у васъ кражу со взломомъ“.

Отецъ и сынъ смотрятъ на него неподвижно.

„Я пришелъ, чтобы заявить это“, говоритъ Роландсенъ. „Нехорошо молчать дольше; и безъ того довольно скверно“.

„Оставь насъ однихъ“, говоритъ Макъ сыну.

Фрэдрикъ уходитъ изъ комнаты.

Макъ спрашиваетъ: „Вы въ порядкѣ сегодня?“

„Я это сдѣлалъ!“ кричитъ Роландсенъ. И голосъ его звученъ, какъ будто онъ поетъ.

Проходитъ мгновеніе. Макъ прищуривается и задумывается. „Вы это сдѣлали, говорите вы?“

„Да“

Макъ продолжаетъ думать. Его сильный мозгъ не одну задачу разрѣшилъ въ теченіе жизни, онъ привыкъ быстро рѣшать вопросы.

„А завтра вы не откажетесь отъ вашихъ словъ?“

„Нѣтъ. Отнынѣ я думаю больше не скрывать своего проступка. Я получилъ письмо отъ пастора и сталъ другимъ человѣкомъ“.

Дѣйствительно ли Макъ повѣрилъ телеграфисту, или онъ формы ради продолжалъ съ нимъ бесѣдовать.

„Когда совершили вы кражу?“ спросилъ онъ.

Роландсенъ назвалъ ночь.

„Какъ вы приступили къ ней?“

Роландсенъ подробно описалъ, какъ онъ приступилъ къ кражѣ.

„Въ ящикѣ находились вмѣстѣ съ кредитными билетами и нѣсколько бумагъ, вы ихъ видѣли?“

„Да. Тамъ было нѣсколько бумагъ“.

„Вы и ихъ захватили? гдѣ онѣ у васъ?“

„У меня ихъ нѣтъ. Бумага? Нѣтъ?“

„Это была квитанція на страхованіе моей жизни“.

„Квитанція на страхованіе жизни? Да, дѣйствительно, я вспомнилъ. Но долженъ сознаться, я ее сжегъ“.

„Да. Это вы дурно сдѣлали. Мнѣ очень много труда стоило достать другую“.

Роландсенъ сказалъ: „Я не сообразилъ, ничего ясно не понималъ. Я прошу васъ простить меня за все“.

„Тамъ былъ еще ящикъ, и въ немъ нѣсколько тысячъ талеровъ, Почему вы его не взяли?“

„Я его не нашелъ“.

Это положило конецъ соображеніямъ Мака. Совершилъ ли телеграфистъ этотъ проступокъ или не совершилъ, для Мака, во всякомъ случаѣ, это былъ лучшій воръ, котораго онъ только могъ желать. Онъ, конечно, не станетъ замалчивать происшедшаго, а, напротивъ, будетъ исповѣдываться

первому встрѣчному; послѣдніе рыбаки отъѣзжающіе увезутъ съ собой эту новость и будутъ ее передавать дома всѣмъ торговцамъ вдоль по побережью. Макъ могъ считать себя спасеннымъ.

„Я до сихъ поръ никогда не слышалъ, что вы среди людей бродите... что вы такимъ занимаетесь“, сказалъ онъ.

Роландсенъ это отрицалъ: Нѣтъ, не у рыбаковъ. Лачугъ онъ не трогаетъ. Онъ предпочитаетъ отправиться въ банкъ.

Теперъ Макъ зналъ! Онъ сказалъ только съ сожалѣніемъ въ тонѣ: „Но какъ вы могли это сдѣлать у *меня!*“

Роландсенъ возразилъ: „Я подкрѣпился. Къ сожалѣнію, я сдѣлалъ это въ пьяномъ видѣ“.

Это не казалось больше невозможнымъ, въ основаніи этого признанія была правда. Этотъ полоумный телеграфистъ велъ шумную жизнь, а доходовъ у него не было; коньякъ изъ Росенгаарда стоилъ денегъ.

„И къ сожалѣнію, мнѣ надо сознаться еще въ томъ“, сказалъ Роландсенъ, „что у меня ничего не осталось изъ тѣхъ денегъ, чтобы вамъ вернуть“.

Макъ сдѣлалъ равнодушное лицо. „Это не важно“, возразилъ онъ, „меня огорчаютъ только всѣ низкія сплетни, которыя поднялись благодаря вамъ. Всѣ эти оскорбленія относительно меня и моего семейства“.

„Я уже придумалъ, какъ это загладить“.

„Что это вы хотите сдѣлать?“

„Я хочу снять ваше объявленіе съ забора пасторскаго двора и на его мѣсто повѣсить свое“.

Это было похоже на этого дерзкаго молодца. „Нѣтъ, этого я не требую“, сказалъ онъ. „Вамъ и безъ того нелегко придется, несчастный вы человѣкъ. Лучше напишите это вотъ здѣсь вмѣсто вашего объявленія!“ И Макъ показалъ головой на мѣсто Фрэдрика.

Въ то время какъ Роландсенъ писалъ, Макъ сидѣлъ и производилъ свои расчеты. Все это серьезное дѣло повер-

нулось въ хорошую сторону. Оно будетъ стоить денегъ, но это будутъ хорошо затраченныя деньги, честь его имени будетъ возстановлена.

Макъ прочелъ объясненіе и сказалъ: „Да, такъ хорошо. Но я, разумѣется, не думаю воспользоваться имъ“.

„Это какъ хотите“, отвѣтилъ Роландсенъ.

„Я не предполагаю разглашать эту исторію съ деньгами. Это останется между нами“.

„Тогда мнѣ самому придется говорить о ней“, сказалъ Роландсенъ. „Въ письмѣ пастора весьма настойчиво повторяется о томъ, что нужно сознаться въ винѣ“.

Макъ отперъ свой несгараемый шкафъ и вынулъ оттуда массу кредитныхъ билетовъ. Теперь ему представлялся случай показать, кто онъ былъ таковъ. И никто навѣрное не зналъ, что внизу, въ бухтѣ находится чужой хозяинъ судна, который какъ разъ ждалъ этихъ денегъ, и безъ нихъ онъ не могъ вернуться домой.

Макъ отсчиталъ четыреста талеровъ и сказалъ: „Я не хочу васъ оскорблять, но я привыкъ держать свое слово. Я обѣщалъ четыреста талеровъ, они принадлежатъ вамъ“.

Роландсенъ пошелъ къ двери. „Я заслужилъ ваше презрѣніе“, сказалъ онъ.

„Мое презрѣніе!“ вскричалъ Макъ. „Я вотъ что скажу вамъ...“

„Ваше великодушіе меня сразило. Вы даже не требуете моего наказанія, вы вознаграждаете меня“.

Этого Макъ не могъ скрыть, что двѣсти талеровъ онъ терялъ благодаря этому воровству. Только наградивъ вора двойной суммой, онъ достигалъ того, что все это дѣло получало настоящій блескъ. Онъ сказалъ: „Вы теперь пострадаете, Роландсенъ. Вы потеряете ваше мѣсто. Я ничего не теряю, а вамъ на первое время эти деньги могутъ пригодиться. Обдумайте это“.

„Я не могу“, сказать Роландсенъ.

Тогда Макъ взялъ кредитные билеты и засовалъ ихъ въ карманъ его куртки.

„Пусть это будетъ ссуда", попросилъ Роландсенъ.

И торговый царекъ по-рыцарски согласился и возразилъ: „Хорошо, пусть это будетъ ссуда". Но онъ хорошо зналъ, что онъ никогда больше не увидитъ этихъ денегъ.

Роландсенъ поникъ, какъ будто это была самая большая тяжесть его жизни. Видъ его былъ жалостенъ.

„А вы выбирайтесь-ка опять на хорошую дорогу!" сказалъ Макъ ободрительно. „Такой проступокъ можно загладить".

Роландсенъ благодарилъ за все, глубоко униженный и пошелъ. „Я мошенникъ!" сказалъ онъ тутъ же фабричнымъ работницамъ, проходя мимо нихъ. И онъ разсказалъ все.

Онъ повернулъ на дорогу къ пасторскому дому. Тамъ онъ сорвалъ съ забора объявленіе Мака и замѣнилъ его своимъ. На немъ значилось, что воръ онъ, и никто другой. Завтра воскресенье; всѣ идущіе въ церковь прочтутъ его.

X.

Казалось, Роландсенъ въ раскаяньи ушелъ въ себя. Послѣ того какъ его объявленіе было прочитано всѣмъ приходомъ, онъ держался въ сторонѣ и избѣгалъ встрѣчаться съ людьми. Это примиряло съ нимъ, преступный телеграфистъ не упорствовалъ въ своей порочности, пришелъ въ сознаніе. А въ дѣйствительности, Роландсену некогда было теперь праздно шататься по дорогамъ, онъ ночами въ своей комнатѣ проявлялъ неутомимую дѣятельность. Много большихъ и маленькихъ склянокъ съ пробами надо было уложить въ ящики и по почтѣ разослать на западъ и востокъ. И телеграфомъ онъ пользовался и днемъ и ночью. Надо было все кончить, прежде чѣмъ его вышвырнутъ съ мѣста.

Скандальная исторія Роландсена стала извѣстной въ домѣ пастора, всѣ сострадали дѣвицѣ ванъ-Лоосъ, у которой былъ такой женихъ. Пасторъ позвалъ ее къ себѣ въ рабочій кабинетъ и имѣлъ съ нею продолжительную ласковую бесѣду.

Она должна отказаться отъ всякой мысли о телеграфистѣ, должна пойти къ нему, и положить этому конецъ.

Она нашла Роландсена грустнымъ и подавленнымъ, но ее это не тронуло. „Хорошенькія штучки я про тебя слышала", сказала она.

„Я надѣялся, что вы придете, я хотѣлъ просить васъ быть снисходительной ко мнѣ", отвѣтилъ онъ.

„Снисходительной? Нѣтъ ужъ, это оставь! Я вотъ что тебѣ скажу, Ове: у меня все въ головѣ помутилось черезъ тебя. И я не потерплю больше, чтобы ты вообще со мной знакомство водилъ на этой землѣ. Я не желаю имѣть дѣло съ мошенниками и ворами. Я иду своей прямой честной дорогой. И не предупреждала ли я тебя, а ты знать ничего не хотѣлъ. Развѣ такъ можетъ вести себя женихъ, чтобы бѣгать за посторонними женщинами и предлагать себя, какъ будто ты сахарный? А потомъ еще обкрадываешь людей и каешься на большой дорогѣ. Мнѣ такъ стыдно, что не знаю, куда дѣваться! Молчи ты только, я тебя знаю, все равно ничего не сумѣешь сказать. Только знаешь, что ура кричать, такой закоснѣлый. Я въ своей любви всегда была откровенна съ своей стороны, а ты аккуратъ какъ прокаженный, вотъ какой ты со мной былъ, и жизнь мою опозорилъ воровствомъ. Все ни къ чему, что бы ты ни сталъ говорить. Слава Богу, всѣ люди говорятъ, что ты меня соблазнилъ и злоупотребилъ моимъ довѣріемъ. Пасторъ говоритъ, что я сейчасъ же должна уѣхать отъ тебя, какъ бы ему это непріятно ни было. Теперь ужъ пожалуйста не скрывайся, Ове; потому что ты всегда останешься грѣшникомъ передъ Богомъ и передъ людьми, ты дѣйствительно настоящій извергъ и

отщепенецъ. И если я тебя еще называю Ове, то я совсѣмъ этого не думаю, и ты пожалуйста не воображай себѣ, что между нами что-нибудь можетъ выйти. Потому что я хочу сказать, что я тебя знать не хочу съ этого времени, и точно также никогда не буду съ вами больше на ты. Потому что никто для тебя не можетъ сдѣлать больше, чѣмъ сдѣлала я, это ужъ я навѣрно знаю; но твое легкомыслiе относительно меня не давало тебѣ покою, и ты постоянно злоупотреблялъ мною. Къ сожалѣнiю, и моей вины тутъ было, я на тебя все время сквозь пальцы смотрѣла и не раскрывала глазъ".

Стоялъ теперь передъ нею этотъ жалкiй человѣкъ и не могъ оправдаться. Такой спутанной рѣчи, какъ сегодня, онъ еще никогда не слыхалъ отъ нея, до такой степени его безпримѣрный поступокъ подѣйствовалъ на нее. Когда она кончила, она совсѣмъ ослабѣла.

„Я исправлюсь", сказалъ онъ.

„Ты? Исправишься?" возразила она и горько засмѣялась. „Но и это тебѣ бы не помогло. Потому что ты не можешь сдѣлать такъ, чтобъ твоего проступка не было, и потому какъ я изъ почтенной семьи, я не хочу, чтобы ты меня позорилъ. Я говорю все, какъ есть. Послѣ завтра я уѣзжаю на почтовомъ пароходѣ; но я не хочу, чтобъ ты приходилъ на пристань прощаться со мною, и пасторъ то же говоритъ. Я здѣсь съ тобой прощаюсь навсегда. Я благодарю тебя за хорошiе часы, что мы провели съ тобою вмѣстѣ; о дурныхъ я не хочу вспоминать".

Она энергично повернулась и пошла. Потомъ прибавила: „Но ты можешь наверху въ лѣсу, противъ лодочнаго сарая, помахать мнѣ, если ты хочешь. Но мнѣ это все равно".

„Дай мнѣ руку", сказалъ онъ.

„Нѣтъ, этого я не сдѣлаю. Ты навѣрно самъ хорошо знаешь, что ты сдѣлалъ своей правой рукой".

Роландсенъ склонился до земли. „Но, можетъ быть, мы

могли бы писать другъ другу?" сказалъ онъ. „Нѣсколько словъ всего".

„Я не буду писать. Никогда на этой землѣ. Какъ часто ты шутя говорилъ, что мы должны разойтись, а теперь я для тебя достаточно хороша. Но теперь это была бы ложь! Будь здоровъ, вотъ все, что я могу сказать тебѣ. Мой адресъ: Бергенъ, у моего отца, на случай, если ты напишешь, но я тебя объ этомъ не прошу".

Когда Роландсенъ поднимался въ свою комнату по лѣстницѣ, онъ чувствовалъ очень явственно, что онъ уже не помолвленъ. Какъ странно, подумалъ онъ, секунду тому назадъ я стоялъ внизу на дворѣ.

Горячая пора настала для него, ему надо было уложить послѣднiя пробы, чтобы онѣ ушли на почтовомъ пароходѣ послѣ завтра; а затѣмъ предстояло собрать свое имущество, и приготовиться къ переселенiю. Всемогущiй инспекторъ телеграфовъ былъ въ отъѣздѣ.

Конечно, Роландсенъ будетъ немедленно расчитанъ. По службѣ онъ былъ безупреченъ, а господинъ Макъ, и тутъ имѣющiй силу, навѣрно бы не сталъ на его дорогѣ: но правосудiе пойдетъ своимъ путемъ.

Уже на лугахъ была трава и лѣсъ одѣлся въ листья, и теплыя ночи медлили надъ землей. Бухта опустѣла, всѣ рыбаки разъѣхались, и бичевыя судна Мака, нагруженныя сельдями, ушли на югъ. Было лѣто.

Сiяющiй день привлекъ въ воскресенье толпы народа въ церковь, стекались люди съ моря и съ берега, между ними были лодочники изъ Бергена и Гогесунда, которые стояли со своими яхтами вдоль скалъ, и сушили треску. Изъ году въ годъ они возвращались на то же мѣсто и старились здѣсь. Въ церкви они появлялись въ полномъ парадѣ, въ пестрыхъ сорочкахъ изъ тонкаго ситца; на груди у нихъ висѣли цѣпочки, плетеныя изъ волосъ. У нѣкоторыхъ даже, въ ушахъ, были продѣты золотыя сережки. Они вносили

жизнь и цвѣтистость въ толпу богомольцевъ. Но сухая погода была также причиной лѣсного пожара тамъ, внутри, въ фіордахъ, печальное извѣстіе о которомъ пришло сюда. Лѣтняя жара доставляла не одно благополучіе только.

Енохъ вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей, онъ сталъ помощникомъ пастора, со всей своей серьезной основательностью и съ платкомъ на ушахъ. Молодежь веселилась, глядя на него, а стариковъ сердило, что клиросъ церковный былъ оскверненъ этимъ человѣкомъ въ образѣ обезьяны, и они пошли къ пастору съ требованіемъ устранить его отъ службы. Развѣ Енохъ не могъ заткнуть себѣ уши ватой? Но Енохъ отвѣтилъ пастору, что онъ не можетъ обойтись безъ платка на ушахъ, изъ-за ломоты, которая у него въ костяхъ черепа. Тогда отставленный Левіонъ принялся злорадно хохотать надъ замѣняющимъ его Енохомъ, и высказалъ предположеніе, что должно быть очень тепло носить платокъ въ такую жару.

Этотъ негодяй Левіонъ со времени своего униженія не переставалъ преслѣдовать завистью своего замѣстителя. Каждую ночь, когда онъ багрилъ камбалу, онъ неукоснительно становился у берега на мѣстѣ Еноха, отнимая чередъ у того. А если ему нужно было дерево для лодки, или матеріалъ для обручей на бочки, то онъ отыскивалъ его непремѣнно въ сосновомъ лѣсу Еноха внизу у моря.

Скоро повсюду разнеслось, что дѣвица ванъ-Лоосъ разошлась со своимъ женихомъ, изъ-за этого срама она немедленно съѣзжала съ пасторскаго двора. Купецъ Макъ жалѣлъ погибающаго телеграфиста и рѣшилъ сдѣлать попытку помирить ихъ. Онъ собственноручно снялъ съ забора повинную Роландсена и говорилъ, что вообще она и вывѣшена была противъ его воли. Затѣмъ, онъ отправился внизъ въ домъ пастора. Макъ могъ быть доброжелательнымъ, онъ уже слышалъ о громадномъ впечатлѣніи, произведенномъ имъ на людей его обращеніемъ съ воромъ, теперь они всѣ раскланивались съ нимъ, какъ въ прежнія времена, да, и почетъ оказывали ему еще большій. Какъ никакъ, на всемъ побережьѣ не было другого Мака!

Но его визитъ къ пастору не достигъ цѣли. Дѣвица ванъ-Лоосъ заплакала отъ умиленія, когда Макъ самолично появился; но никто не могъ сдѣлать, чтобы она простила Роландсена, нѣтъ, никогда въ жизни этого не могло быть. У Мака осталось впечатлѣніе, что за этимъ опредѣленнымъ рѣшеніемъ скрывался пасторъ.

Когда дѣвица отправилась внизъ на пристань, ее провожалъ пасторъ и его жена. Оба желали ей счастливой дороги и смотрѣли, какъ она садилась въ лодку.

„О, Боже, я увѣрена, что онъ сейчасъ лежитъ тамъ въ лѣсу и раскаивается“, сказала дѣвица ванъ-Лоосъ и вытащила свой носовой платокъ.

Лодка отчалила, сильные удары веселъ, и она плавно пошла по глади.

„Я вижу его тамъ“, закричала дѣвица ванъ-Лоосъ и привстала наполовину. Она какъ будто хотѣла броситься къ берегу. Потомъ она принялась изо всѣхъ силъ дѣлать знаки руками по направленію къ лѣсу. И лодка исчезла за мысомъ.

Роландсенъ пошелъ домой лѣсомъ, какъ онъ всегда это дѣлалъ послѣднее время; пройдя за уголъ пасторскаго двора, онъ опять свернулъ внизъ на дорогу и пошелъ по ней. Всѣ пробы его клея были разосланы, ему нечего больше было дѣлать, оставалось только ждать результатовъ, но теперь это будетъ недолго. И отъ радости онъ щелкалъ пальцами на ходу.

Въ небольшомъ разстояніи отъ него сидѣла кистеровская Ольга, на камнѣ при дорогѣ. Что она могла тамъ дѣлать? Роландсенъ соображалъ; она идетъ изъ мелочной лавки и тутъ поджидаетъ кого-нибудь. Тотчасъ вслѣдъ затѣмъ подошла Элиза Макъ. Вотъ какъ, онѣ стали такими нераз-

лучными? И она сѣла и, казалось, ждала кого-то. „Мы очаруемъ дамъ своею надломленностью и уйдемъ въ землю“, сказалъ себѣ Роландсенъ. И онъ поспѣшно вошелъ въ лѣсъ. Но подъ его ногами хрустѣлъ хворостъ, его шаги были слышны, бѣгство было напрасно, и онъ отказался отъ него. Быть можетъ, можно опять выйти на дорогу, подумалъ онъ, не будемъ ихъ слишкомъ очаровывать. И онъ опять вышелъ на дорогу.

Все же было очень рискованно теперь лицомъ къ лицу встрѣтиться съ Элизой Макъ. Его сердце тяжело стучало, горячая волна залила его, и онъ остановился. Еще раньше онъ ничего не достигъ, а потомъ еще прибавилось: это его преступное дѣяніе. Пятясь назадъ, онъ удалился опять въ лѣсъ. Хоть бы ему миновать это мѣсто, гдѣ былъ выкорчеванъ лѣсъ, тогда бы пересталъ хрустѣть хворостъ и начался вересковъ. Онъ въ нѣсколько прыжковъ миновалъ его и былъ спасенъ. Вдругъ онъ остановился. На кой чортъ онъ тутъ бродилъ? Развѣ онъ не Ове Роландсенъ? Онъ упрямо вернулся тою же дорогой, давя ногами хворостъ и хрустя имъ, сколько ему было угодно.

Когда онъ спустился на дорогу, онъ увидалъ дамъ, сидящихъ на томъ же мѣстѣ. Онѣ болтали, Элиза сверлила землю зонтикомъ. Опять Роландсенъ остановился. Нѣтъ на свѣтѣ болѣе осторожныхъ людей, чѣмъ смѣльчаки. Я же воръ, подумалъ онъ, какъ я могу имѣть нахальство показываться? Что же мнѣ, поклониться имъ, чтобы вынудить у нихъ кивокъ? И еще разъ онъ шмыгнулъ въ лѣсъ. Дуракъ онъ былъ, что у него все были какія-то чувства; развѣ у него не было другого, о чемъ думать? Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, или около того, онъ будетъ богатымъ человѣкомъ; прочь волокитство! И онъ повернулъ, чтобы идти домой.

Какъ странно, что онѣ тамъ сидѣли! Онъ опять повернулъ и сталъ наблюдать за ними. Къ нимъ подошелъ Фрэдрикъ, и теперь всѣ трое шли навстрѣчу ему. Онъ бросился

назадъ, онъ слышалъ стукъ своего сердца у самаго горла. Если бы онѣ только не видали его! Онѣ остановились, онъ слышалъ, какъ Фрэдрикъ сказалъ: „Тс..., мнѣ показалось, я слышу кого-то въ лѣсу“. „Никого нѣтъ“, отвѣтила Элиза.

И, можетъ быть, она сказала это потому, что его видѣла, подумалъ Роландсенъ. И на сердцѣ у него стало холодно и горько. Конечно, онъ никто, еще никто; но мы увидимся и поговоримъ черезъ два мѣсяца! А кто она такая была сама? Дѣвица Марія Іэрнбликъ, дочь извѣстнаго лютеранина Мака въ Росенгаардѣ. Миръ тебѣ!

На крышѣ станціи къ желѣзному шесту былъ прикрѣпленъ флюгеръ—пѣтухъ. Роландсенъ пришелъ домой, влѣзъ на крышу и согнулъ собственноручно желѣзный шестъ. Пѣтухъ покривился и у него былъ видъ, какъ будто онъ кричитъ кукареку. И пусть такъ и стоитъ. Самое подходящее, чтобы пѣтухъ кричалъ кукареку.

XI.

Теперь для людей настали праздные дни: въ теплыя солнечныя ночи они занимаются лишь ловлей рыбы для домашняго употребленія. Ростетъ ежевика и картофель, и трава на лугахъ волнуется, въ каждомъ домѣ избытокъ сельдей, коровы и козы даютъ ведрами молоко, и все же остаются толстыми и жирными.

Макъ и его дочь Элиза уѣхали домой, Фрэдрикъ хозяйничаетъ опять одинъ на фабрикѣ и въ мелочной лавкѣ. Но онъ хозяйничаетъ неохотно, онъ возгорѣлся любовью къ морю и пребываетъ тутъ на берегу противъ своей воли. Капитанъ Генриксенъ съ берегового судна обѣщалъ ему мѣсто лоцмана на своемъ суднѣ; но, кажется, изъ этого ничего не выйдетъ. Теперь спрашивается, купитъ ли старый Макъ для своего сына пароходъ. Онъ говоритъ объ этомъ и говоритъ часто, но Фрэдрикъ подозрѣваетъ, что этого не будетъ.

Фрэдрикъ знаетъ, что нужно считаться съ обстоятельствами. Въ немъ отъ природы до удивительности мало моряка, онъ типъ осторожнаго положительнаго юноши, который въ ежедневной жизни дѣлаетъ ровно столько, сколько нужно. Онъ отъ матери наслѣдовалъ свои наклонности, и въ немъ ничего нѣтъ отцовскаго. Но такимъ и надо быть, если хочешь съ успѣхомъ просуществовать на этомъ свѣтѣ: никогда не дѣлать слишкомъ много, а, напротивъ, всего немножко меньше, тогда это будетъ сочтено какъ разъ достаточнымъ. Какъ пришлось Роландсену, этому полоумному смѣльчаку, съ его преувеличеніями? Воромъ онъ оказался передъ людьми, и въ концѣ концовъ лишился своего положенія. И вотъ онъ жилъ съ отягощенной совѣстью, и его изношенное платье протиралось все больше, и ни у кого, кромѣ какъ только у раздувальщика мѣховъ Бёрре, онъ не могъ найти себѣ пріюта. У него поселился Ове Роландсенъ. Можетъ быть, Бёрре и былъ дѣльнымъ работникомъ въ своемъ дѣлѣ, но онъ былъ изо всѣхъ самый бѣдный, потому что въ его лачугѣ сохранялось наименьшее количество сельдей. Да и дочь его Пернилла была заклейменнымъ созданіемъ, и поэтому домъ раздувальщика мѣховъ не пользовался почетомъ. Человѣкъ получше не пошелъ бы къ нему въ жильцы.

Поговаривали о томъ, что Роландсенъ могъ бы сохранить свое мѣсто, если бы онъ сколько-нибудь униженно попросилъ объ этомъ инспектора телеграфа. Но Роландсенъ исходилъ изъ того, что онъ будетъ уволенъ, и инспектору не представилось случая его помиловать. А старикъ Макъ, посредникъ, отсутствовалъ.

Но пасторъ не былъ вполнѣ недоволенъ Роландсеномъ. „Я слышалъ, что онъ меньше сталъ пить“, сказалъ онъ, „и поэтому я не считаю его безнадежнымъ. Онъ самъ признался, что мое письмо побудило его сознаться въ кражѣ. Иногда получаешь радость отъ своей дѣятельности“.

Насталъ Ивановъ день. На высокихъ мѣстахъ вечеромъ зажигались костры, рыбацкая молодежь собиралась вокругъ огней, и звуки гармоники и скрипки раздавались далеко по всей округѣ. Не надо было, чтобъ много видно было огня, но дыму должно было быть много, это было самое важное; поэтому на костры бросали сырой мохъ и можжевельникъ, и этимъ достигался густой благовонный дымъ.

У Роландсена не хватило стыдливости не присутствовать на этомъ народномъ праздникѣ; онъ сидѣлъ на высокой горѣ и игралъ на гитарѣ и пѣлъ на всю долину. Когда онъ спустился внизъ къ костру, оказалось, что онъ пьянъ былъ, какъ стелька, и принялся выказываться своими громкими фразами. Онъ былъ неисправимъ.

Внизу по дорогѣ шла Ольга, дочь кистера. Она и въ мысляхъ не имѣла остановиться здѣсь, она только хотѣла пройти этой дорогой. Ахъ, она бы легко могла пойти другой дорогой, но Ольга была молода, звуки гармоники притягивали ее, ея ноздри раздувались, счастье бурнымъ потокомъ залило ее: она была влюблена. Утромъ въ этотъ день она была въ мелочной лавкѣ, и Фрэдрикъ Макъ такъ много ей наговорилъ, что она не могла не понять его, какъ ни остороженъ онъ былъ. Быть можетъ могло случиться, что и онъ пойдетъ этой дорогой въ этотъ вечерній часъ!

Она встрѣтила пасторшу. Онѣ пошли вмѣстѣ и говорили не о комъ-нибудь, а о Фрэдрикѣ Макѣ. Онъ былъ господинъ въ приходѣ, и даже сердце пасторши въ тишинѣ склонялось къ нему, это былъ такой милый осторожный человѣкъ, и онъ всегда оставался на землѣ. Пасторша подъ конецъ замѣтила, что Ольга весьма смущена и спросила: „Милочка, ты такая тихая, ужъ не влюблена ли ты въ молодого Мака?“

„Да“, прошептала Ольга и разразилась слезами.

Фру остановилась. „Ольга, Ольга, а онъ къ тебѣ неравнодушенъ?“

„Мнѣ кажется, да".

Тутъ глаза фру стали опять тихими и глупыми, и она уставилась въ пустое пространство. „Да, да", сказала она улыбаясь, „Богъ да благословитъ тебя. Ты увидишь, все будетъ хорошо!" И она удвоила свою нѣжность къ Ольгѣ.

Когда дамы подошли къ пасторскому дому, къ нимъ навстрѣчу бросился взволнованный пасторъ. „Тамъ лѣсъ горитъ", закричалъ онъ, „я видѣлъ изъ своего окна!" И онъ собралъ топоры, ломы и людей, и внизу у лодочнаго сарая онъ приготовилъ свою лодку. Горѣлъ лѣсъ Еноха.

Но прежде пастора и его людей туда явился отставленный помощникъ Левіонъ. Онъ ѣхалъ съ рыбной ловли; какъ всегда, онъ ставилъ удочки свои на берегу, передъ лѣсомъ Еноха, тамъ же онъ варилъ себѣ обѣдъ. Это на обратной дорогѣ онъ увидалъ, какъ вспыхнуло маленькое яркое пламя, и какъ оно стало расти. Онъ кивнулъ головой; казалось, онъ зналъ, что̀ означало это пламя. И когда онъ внизу на берегу видитъ, какъ пасторъ собираетъ людей, онъ понимаетъ, что это люди собираются на помощь; онъ немедленно поворачиваетъ свою лодку и гребетъ назадъ, чтобы быть первымъ на мѣстѣ несчастья. Это была очень хорошая черта Левіона, что онъ забылъ всю свою непріязнь и спѣшилъ къ врагу своему на помощь.

Онъ пристаетъ къ берегу и спѣшитъ наверхъ въ лѣсъ, онъ слышитъ, какъ трещитъ огонь. Левіонъ не торопится и оглядывается на каждомъ шагу; тотчасъ вслѣдъ за этимъ онъ видитъ, какъ впопыхахъ бѣжитъ туда же Енохъ. Имъ овладѣваетъ необычайное напряженіе, онъ прячется за выступомъ скалы и высматриваетъ. Енохъ приближается, онъ преслѣдуетъ какую-то цѣль, онъ не смотритъ ни направо, ни на лѣво, онъ идетъ и идетъ. Видѣлъ ли онъ своего врага и хочетъ ли накрыть его? Когда онъ подошелъ совсѣмъ близко, Левіонъ окликнулъ его. Енохъ пошатнулся и остановился. И въ своемъ замѣшательствѣ онъ улыбнулся и сказалъ:

„Здѣсь горитъ, къ сожалѣнію. Пришла бѣда".

Другой расхрабрился и отвѣтилъ: „Божья воля вѣрно".

Енохъ сдвинулъ брови. „А ты что тутъ дѣлаешь?" спросилъ онъ.

Вся ненависть Левіона вспыхнула разомъ, и онъ сказалъ. „Ого, здѣсь тепленько будетъ тебѣ съ платкомъ на ушахъ".

„Убирайся отсюда", сказалъ Енохъ. „Это ты вѣрно поджегъ лѣсъ".

Но Левіонъ былъ слѣпъ и глухъ. Енохъ какъ разъ подвигался къ тому мѣсту скалы, гдѣ стоялъ Левіонъ.

„Берегись ты", кричалъ Левіонъ. „Я тебѣ одно ухо оборвалъ, оборву и другое".

„Убирайся отсюда", отвѣтилъ Енохъ и двинулся на него.

Левіонъ кипѣлъ отъ злости. Онъ громко кричалъ: „А помнишь ты тотъ день на фіордѣ? Ты тянулъ мои веревки. Я тебѣ тогда ухо оборвалъ".

Теперь объяснилось, почему Енохъ носилъ платокъ на ушахъ, у него было только одно ухо. Оба сосѣда постоянно слѣдили другъ за другомъ, и у обоихъ было достаточно основанія молчать о происшедшемъ.

„Ты все равно, что убійца", сказалъ Енохъ.

Слышно было, какъ лодка пастора, разрѣзая волны, остановилась у берега, съ другой стороны слышно было, какъ бушевалъ пожаръ и подходилъ все ближе и ближе. Енохъ повернулся и хотѣлъ броситься на Левіона, онъ вытащилъ ножъ, — у него же былъ такой великолѣпный ножъ.

Левіонъ вытаращилъ глаза и закричалъ: „Если ты посмѣешь мнѣ ножъ показать, то тутъ люди подъѣхали. Вотъ они".

Енохъ опятъ заткнулъ себѣ ножъ за поясъ. „А ты что тутъ торчишь? Убирайся!" сказалъ онъ.

„А ты что тутъ дѣлаешь?"

„Не твое дѣло. Мнѣ надо тутъ что-то достать, я тутъ спряталъ кое-что. А теперь сюда огонь подходитъ".

Но Левіонъ изъ упрямства не хотѣлъ отойти ни на одинъ шагъ. Подходилъ пасторъ, и онъ вѣрно слышалъ ихъ ссору издали; но какое дѣло было теперь Левіону до пастора!

Лодка причалила и всѣ сидящіе въ ней побѣжали кверху съ топорами и ломами, пасторъ поздоровался на ходу и сказалъ нѣсколько словъ: „Эти костры пагубный обычай, Енохъ; искры летятъ во всѣ стороны. Гдѣ мы начнемъ?“

Енохъ былъ ошеломленъ; пасторъ схватилъ его и потащилъ съ собой, такъ что онъ не могъ продолжать своихъ препирательствъ съ Левіономъ.

„Откуда вѣтеръ?“ спросилъ пасторъ. „Поди, покажи намъ, гдѣ намъ копать канаву.

Но Енохъ стоялъ, какъ на иголкахъ, онъ не спускалъ глазъ съ Левіона, и совсѣмъ растерянно отвѣчалъ пастору.

„Не поддавайся такъ несчастью“, сказалъ опять пасторъ. „Опомнись же, надо тушить огонь!“ И онъ взялъ Еноха за руку.

Нѣсколько человѣкъ пошло на пожаръ и принялись сами отъ себя окапывать деревья. Левіонъ стоялъ все на томъ же мѣстѣ и не могъ отдышаться; онъ споткнулся о каменную плиту, которая лежала передъ скалой. Тутъ онъ ничего не спряталъ, все навралъ, подумалъ онъ, и заглянулъ внизъ. И походивъ кругомъ по землѣ, на которой была плита, онъ вдругъ увидалъ платокъ. Платокъ Еноха, которымъ онъ прежде повязывалъ уши. Левіонъ вытащилъ его, это былъ пакетъ. Онъ его раскрылъ, тамъ были деньги, много денегъ. Кредитные билеты. И между ними лежала большая бѣлая бумага.

Левіона беретъ любопытство, онъ соображаетъ: это краденыя деньги! Онъ развертываетъ бумагу и по складамъ разбираетъ ее.

Тутъ видитъ его Енохъ; онъ издаетъ хриплый крикъ, онъ вырывается изъ рукъ пастора, и бѣжитъ назадъ къ Левіону, съ ножомъ въ рукѣ.

„Енохъ, Енохъ!“ кричитъ пасторъ, стараясь нагнать его.

„Вотъ кто воръ!“ кричитъ имъ навстрѣчу Левіонъ.

Пасторъ соображаетъ: на Еноха такъ подѣйствовалъ пожаръ, что онъ внѣ себя. „Спрячь ножъ!“ говоритъ онъ ему.

Левіонъ продолжаетъ:

„Вотъ кто совершилъ кражу со взломомъ у Мака“.

„Что ты говоришь?“ спрашиваетъ пасторъ, не понимая его.

Енохъ бросается на своего противника и хочетъ завладѣть пакетомъ.

„Я его вручу господину пастору!“ кричитъ Левіонъ. „Пусть господинъ пасторъ посмотритъ, какого сорта у него помощникъ былъ“.

Енохъ опускается около одного дерева. Лицо его сѣро. Пасторъ никакъ не можетъ понять, откуда кредитные билеты, платокъ и бумага.

„Я вотъ тутъ ихъ нашелъ“, сказалъ Левіонъ, дрожа всѣмъ тѣломъ. „Онъ ихъ спряталъ подъ плитой. Вотъ тутъ написано имя Мака на бумагѣ“.

Пасторъ сталъ читать. Онъ совершенно растерялся, онъ посмотрѣлъ на Еноха и сказалъ: „Это квитанція на страхованіе жизни, которую потерялъ Макъ, неправда ли?“

„А вотъ и деньги, которыя онъ потерялъ“, сказалъ Левіонъ.

Енохъ собрался съ силами. „Значитъ, ты ихъ туда и положилъ“, сказалъ онъ.

Трескъ и свистъ горящаго лѣса приближался, кругомъ становилось жарче и жарче, но эти три человѣка стояли неподвижно.

„Я ничего объ этомъ не знаю“, сказалъ Енохъ опять. „Это вѣрно Левіонъ и положилъ туда“.

Левіонъ спросилъ: „Здѣсь двѣсти талеровъ. Были ли у меня когда двѣсти талеровъ? А платокъ, что ли, не твой? Не носилъ ты его на ушахъ?“

„Да, ты развѣ его не носилъ?“ спросилъ также пасторъ.

Енохъ молчалъ.

Пасторъ сталъ перебирать кредитные билеты.

„Здѣсь нѣтъ двухсотъ талеровъ“, сказалъ онъ.

„Онъ вѣрно ужъ изъ нихъ истратилъ что-нибудь“, возразилъ Левіонъ.

А Енохъ стоялъ тутъ же и тяжело дышалъ. Наконецъ, онъ сказалъ: „Я ничего не знаю. Но ты замѣть себѣ, Левіонъ, что я тебѣ этого не забуду“.

У пастора голова кругомъ пошла. Если Енохъ воръ, то телеграфистъ Роландсенъ разыгралъ комедію съ увѣщательнымъ письмомъ, которое получилъ отъ него. Но зачѣмъ онъ это сдѣлалъ?

Жаръ дѣлался невыносимъ, и трое мужчинъ спустились къ морю; огонь шелъ за ними. Они принуждены были сѣсть въ лодку, а потомъ имъ пришлось и отчалить.

„Во всякомъ случаѣ, это бумага Мака“, сказалъ пасторъ. „Надо будетъ заявить объ этомъ. Греби домой, Левіонъ“.

Енохъ ни на что не былъ годенъ, онъ сидѣлъ замкнувшись въ себя и смотрѣлъ передъ собой. „Да, надо будетъ заявить“, сказалъ онъ. „Я тоже такъ думаю“.

Пасторъ удрученный спросилъ: „Вотъ какъ?“ И онъ невольно закрылъ глаза съ отчаянія отъ всѣхъ этихъ исторій.

Жадный Енохъ поступилъ очень глупо. Онъ заботливо запряталъ эту страховую квитанцію, которой онъ не понималъ. На ней было много штемпелей, въ ней была обозначена какая-то крупная сумма, можетъ быть, черезъ нѣкоторое время, онъ могъ бы уѣхать и продать эту бумагу; правда же, у него не было возможности разсудить, что ее надо бросить.

Пасторъ обернулся и посмотрѣлъ на пожаръ. Въ лѣсу работали, деревья падали, стала видна широкая, темная канава. Нѣсколько человѣкъ подошло.

„Огонь самъ собой потухнетъ“, сказалъ Левіонъ.

„Ты думаешь?“

„Какъ до березовой рощи дойдетъ, такъ потухнетъ“.

И лодка съ тремя людьми направилась вглубь бухты къ дому начальника округа.

XII.

Когда пасторъ вечеромъ вернулся домой, онъ плакалъ. Такъ много накопилось вокругъ него прискорбнаго, грѣховнаго. Онъ былъ подавленъ и болѣзненно затронутъ, теперь у его жены опять не будетъ башмаковъ, которые крайне нужны ей. Крупное пожертвованіе Еноха на храмъ Господенъ нужно будетъ вернуть, это были краденыя деньги. И опять у пастора не будетъ ни гроша.

Онъ тотчасъ же поднялся наверхъ къ своей женѣ. Уже въ дверяхъ онъ содрогнулся отъ отвращенія и раздраженія. Его жена шила. Кругомъ на полу лежали отдѣльныя части платья, на кровати лежала вилка, кухонная тряпка вмѣстѣ съ газетой и съ вязаньемъ. Одна ея туфля стояла на столѣ. На комодъ была положена березовая вѣтка съ листьями и большой булыжникъ.

Пасторъ по старой привычкѣ сталъ переставлять и прибирать вещи.

„Зачѣмъ ты это?“ сказала она. „Я сама бы убрала, когда кончу шить“.

„Какъ ты можешь сидѣть въ такомъ хаосѣ и шить!“

Жена почувствовала себя обиженной и не отвѣтила.

„Зачѣмъ этотъ камень здѣсь?“ спросилъ онъ.

„Низачѣмъ. Я нашла его на берегу и онъ мнѣ такъ понравился“.

Онъ взялъ пучокъ завядшихъ травъ съ зеркала и положилъ ихъ въ газету.

„Можетъ быть, это тебѣ зачѣмъ-нибудь нужно?“ спросилъ онъ и остановился.

„Нѣтъ, теперь не нужно. Это щавель, я хотѣла салатъ изъ него сдѣлать".

„Онъ тутъ больше недѣли лежалъ", сказалъ онъ, „и пятно отъ него осталось на политурѣ".

„Да, вотъ видишь ты. Никогда не надо покупать полированной мебели, она никуда не годится".

Тутъ пасторъ разразился злобнымъ смѣхомъ, жена бросила работу и встала.

Никогда онъ ее не оставлялъ въ покоѣ, портилъ ей жизнь своими приставаньями. И опять между ними затѣялась одна изъ тѣхъ безразсудныхъ и безполезныхъ распрь, которыя возникали такъ часто за эти четыре года. Пасторъ пошелъ къ своей женѣ, чтобы кротко попросить ее подождать съ башмаками, но ему дѣлалось все болѣе и болѣе невозможнымъ исполнить свое намѣреніе, желчь душила его. И дѣйствительно, что только дѣлалось у нихъ въ домѣ съ тѣхъ поръ, какъ уѣхала дѣвица ванъ-Лоосъ и хозяйствомъ стала заниматься сама пасторша.

„Кромѣ того, не могла бы ты поосмотрительнѣе хозяйничать въ кухнѣ?" сказалъ онъ.

„Поосмотрительнѣе? Мнѣ кажется, я достаточно осмотрительна. Развѣ хозяйство хуже идетъ, чѣмъ прежде?"

„Я вчера въ помойномъ ведрѣ видѣлъ кушанье".

„Ты бы не совалъ свой носъ всюду, было бы лучше".

„А на-дняхъ я нашелъ цѣлое множество сметаны отъ обѣда".

„Да, дѣвушки такъ безобразно ее ѣли, что я не хотѣла ее больше употреблять".

„И потомъ я видѣлъ очень много остатковъ рисовой каши".

„Молоко подгорѣло. Ужъ въ этомъ-то я не виновата".

„А раньше еще, я видѣлъ вареное яйцо въ помойномъ ведрѣ".

Пасторша замолчала. Но она и тутъ сумѣла бы оправдаться.

„Не такъ наши дѣла блестящи въ сущности", сказалъ пасторъ, „и ты же знаешь, мы покупаемъ яйца. А намедни ты кошкѣ дала пирога съ яйцами".

„Это были остатки отъ обѣда. Но ты не въ своемъ умѣ, вотъ что я тебѣ скажу, ты бы пошелъ къ доктору, посовѣтовался относительно твоего состоянія".

„Я видѣлъ, какъ ты носила кошку на рукахъ, и какъ ты заставляла ее пить молоко изъ чашки. И ты это дѣлаешь при дѣвушкахъ. А онѣ за глазами смѣются надъ тобой".

„Онѣ нисколько не смѣются, а ты, ты душевно-больной".

Подъ конецъ пасторъ ушелъ внизъ въ свой рабочій кабинетъ. И фру опять стало спокойно.

Утромъ за завтракомъ никто бы не сказалъ, что пасторша страдала и грустила наканунѣ. Съ нея какъ бы слетѣло всякое горе, она, слава Богу, казалось, забыла всѣ ссоры. Ея веселый нравъ помогалъ ей ни на чемъ не останавливаться и давалъ ей силу переносить жизнь. Пасторъ опять былъ растроганъ. И зачѣмъ только онъ говорилъ объ этихъ хозяйственныхъ дѣлахъ; новая экономка, которую они ждали, навѣрно уже ѣхала на сѣверъ.

„Ты, къ сожалѣнію, опять не получишь новыхъ башмаковъ", сказалъ онъ.

„Да, да", только и отвѣтила она.

„Пожертвованіе, которое мнѣ сдѣлалъ Енохъ, нужно назадъ отдать, это были краденыя деньги".

„Что ты говоришь!"

„Да, представь себѣ, это онъ ихъ укралъ у Мака. Онъ вчера въ этомъ сознался". И пасторъ все разсказалъ.

„Значитъ, это не Роландсенъ сдѣлалъ?" сказала жена.

„Этотъ, этотъ бродяга! Этотъ безпутный... Ну, а съ башмаками тебѣ, значитъ, придется подождать".

„Ахъ, что изъ этого!"

Вотъ она всегда была такой: доброй и самоотверженной

до крайности. Дитя! И никогда пасторъ не слыхалъ, чтобы она жаловалась на свою бѣдность.

„Если бы ты мои башмаки могла носить“, сказалъ онъ, и сердце его размягчилось.

Жена его искренно разсмѣялась: „Да, а ты мои, ха, ха, ха!“ Она задѣла за его тарелку, которая упала и разбилась; упала и холодная котлета, которая была на ней. „Подожди, я тебѣ принесу другую тарелку“, сказала она и выбѣжала изъ комнаты.

Ни звука сожалѣнія объ убыткѣ! подумалъ пасторъ, и не подумаетъ объ этомъ. А тарелка вѣдь денегъ стоитъ!

„Ты же не будешь ѣсть эту котлету?“ вскричала жена, вернувшись въ комнату.

„А что же съ ней дѣлать?“

„Ну ужъ ее-то можно было бы кошкѣ отдать“.

„Но у меня нѣтъ такихъ возможностей выпутываться, какъ у тебя“, сказалъ онъ опять затуманившись. И опять возгорѣлась бы хорошенькая ссора, если бы жена не промолчала. Но радость обоимъ была отравлена...

Черезъ день послѣ этого стало извѣстно о другомъ новомъ большомъ событіи: исчезъ Роландсенъ. Когда онъ узналъ о находкѣ въ лѣсу и о признаніи Еноха, онъ въ величайшемъ гнѣвѣ воскликнулъ: „Нѣтъ, это уже слишкомъ! Слишкомъ рано, на мѣсяцъ, по крайней мѣрѣ!“ Раздувальщикъ мѣховъ, Бёрре, слышалъ это. Потомъ, вечеромъ, Роландсена нигдѣ нельзя было найти. Но лодка Бёрре, которая стояла въ пристани у пасторскаго двора, исчезла съ веслами, съ рыболовными снастями и со всѣмъ, что въ ней было.

Макъ въ Росенгаардѣ немедленно узналъ, кто дѣйствительно обокралъ его, но странно, онъ не поспѣшилъ вернуться и разобрать это дѣло. Можетъ быть, старый Макъ и зналъ, что онъ дѣлалъ. Телеграфистъ Роландсенъ выманилъ у него вознагражденіе, которое онъ еще разъ долженъ былъ выдать. И это ему приходилось очень некстати. Онъ былъ такой настоящій Макъ, что онъ не могъ поступить мелочно въ этомъ вопросѣ чести; но какъ разъ въ этотъ моментъ онъ былъ въ затруднительномъ положеніи. Множество дѣлъ, которыми занимался Макъ, требовали большихъ издержекъ, а наличныя деньги ужъ не такъ притекали къ нему, какъ прежде. Его громадные запасы сельдей лежали у агента въ Бергенѣ, но цѣны были слишкомъ низкія, сельди не продавались. Съ нетерпѣніемъ ждалъ Макъ конца лѣтнихъ каникулъ; тогда прекращалась всякая рыбная ловля, и цѣны поднимались. Кромѣ того, у русскихъ была война, хлѣбопашество въ этой большой странѣ было въ запущеніи, и населеніе будетъ навѣрно нуждаться въ сельдяхъ.

Въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль Макъ избѣгалъ показываться на фабрикѣ. Не онъ ли обѣщалъ пасторшѣ хлѣбопекарню; и что бы онъ ей теперь отвѣтилъ? Фундаментъ былъ готовъ, распланировка имѣлась, а домъ не строился. И опять пошли разговоры о томъ, что Маку видно трудно окончить постройку пекарни. Зашло такъ далеко, что пекарь у начальника округа опять запилъ. Онъ былъ увѣренъ, что пекарню нельзя построить въ недѣлю, у него было время погулять. Пастору донесли о томъ, что пекарь опять сталъ пить, и пасторъ лично обратился къ нему, но ничего не помогло, такъ увѣренно чувствовалъ онъ себя.

Въ самомъ дѣлѣ, у пастора, этого работника Господня, было много дѣла; хотя онъ и работалъ не щадя своихъ силъ, работы накоплялось все больше и больше. Теперь еще одинъ помощникъ убавился, самый усердный изъ всѣхъ, Енохъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ его паденія пришелъ Левіонъ и былъ весьма склоненъ занять снова это мѣсто.

„Господинъ пасторъ вѣрно увидѣли теперь, что никто не можетъ быть лучшимъ помощникомъ, чѣмъ я“.

„Тебя подозрѣваютъ въ поджогѣ лѣса“.

„Это врутъ на меня воры и мошенники“, вырвалось у Левіона.

„Хорошо. Но ты во всякомъ случаѣ помощникомъ не будешь“.

„Кто же имъ будетъ на этотъ разъ?“

„Никто. Я обойдусь безъ помощника“.

Такъ твердъ, выносливъ и справедливъ былъ пасторъ во всемъ. И теперь какъ разъ у него было основаніе нещадно карать себя. Вѣчныя домашнія непріятности и неудачи на службѣ соединились, чтобы деморализировать его и склонить его къ отпаденію. Время отъ времени его посѣщали недостойныя мысли. Что изъ того, напримѣръ, если бъ онъ заключилъ миръ съ Левіономъ, который съ своей стороны хотя въ малыхъ размѣрахъ выказалъ ему свою благодарность? Далѣе: Макъ изъ Росенгаарда предложилъ ему свою помощь для истинно нуждающихся; отлично, онъ самый бѣдный въ приходѣ, не могъ онъ развѣ обратиться къ Маку для вспомоществованія нуждающейся семьѣ и оставить себѣ эти деньги? Тогда у жены были бы башмаки. И ему самому нужно многое, нѣсколько книгъ, немного философіи, онъ пропадалъ въ ежедневной толчеѣ, и упускалъ собственное развитіе. Вотъ Роландсенъ, этотъ брехунъ, внушилъ весьма успѣшно его женѣ, что это люди дѣлаютъ Бога такимъ, какъ онъ есть. При случаѣ онъ бы вступился и заткнулъ бы тому глотку.

Наконецъ, явился Макъ. И явился, какъ обыкновенно: съ достоинствомъ и съ важностью; его дочь Элиза была съ нимъ. Чтобъ быть вѣжливымъ, онъ появился сначала у пастора. Онъ во что бы то ни стало хотѣлъ сдержать свое слово. Фру спросила о пекарнѣ. Макъ сожалѣлъ, что онъ не могъ быстрѣе приняться за постройку ея, это имѣло свои причины: пекарня въ этомъ году не могла достроиться изъ-за просачивающейся воды. Фру вскрикнула отъ разочарованія, но пастору это было пріятно.

„Ко мнѣ приходили знатоки дѣла и разсказали мнѣ это“, сказалъ Макъ, „поэтому я долженъ подчиниться. Будущей весной стѣны могутъ осѣсть на нѣсколько дюймовъ. И что бы тогда стало съ верхомъ этого дома?“

„Да, что бы съ нимъ стало?“ сказалъ также пасторъ.

Впрочемъ, Макъ нисколько не былъ въ удрученномъ настроеніи, совсѣмъ нѣтъ. Лѣтнія каникулы прошли, ловля сельдей совершенно прекратилась и телеграмма отъ агента извѣщала его о томъ, что цѣны быстро поднимались. Макъ не могъ воздержаться, чтобъ не разсказать этого пастору и его женѣ. Въ отплату пасторъ могъ ему сообщить, гдѣ находился Роландсенъ: на островѣ, лежащемъ далеко въ морѣ на западъ, гдѣ онъ жилъ совсѣмъ, какъ дикарь. Одинъ человѣкъ и одна женщина были у пастора и сообщили ему объ этомъ.

Макъ выслалъ немедленно лодку за Роландсеномъ.

XIII.

Дѣло было въ томъ, что признаніе Еноха застало Роландсена врасплохъ: теперь онъ былъ свободенъ, но у него не было четырехсотъ талеровъ, чтобы вернуть ихъ Маку. Такъ произошло то, что онъ взялъ лодку раздувальщика мѣховъ со всѣми снастями и уѣхалъ въ тихую ночь. Онъ отъѣхалъ на полторы мили въ открытое море, гребъ всю ночь напролетъ и утромъ выбралъ себѣ подходящій островъ. Тутъ онъ высадился. Всевозможныя морскія птицы кружились надъ нимъ.

Роландсенъ былъ голоденъ и сначала онъ придумалъ питаться яйцами чаекъ. Но оказалось, что изъ яицъ вылупились птенцы. Тогда онъ выѣхалъ на рыбную ловлю, и тутъ ему больше посчастливилось. Онъ изо дня въ день сталъ питаться рыбой, и пѣлъ, и скучалъ и царствовалъ на островѣ. Въ дождь онъ находилъ пріютъ подъ одной

необычайно красивой скалой. Ночью онъ спалъ на зеленой травѣ, и солнце никогда не заходило.

Прошло двѣ—три недѣли, онъ страшно похудѣлъ отъ этого образа жизни, но взглядъ его становился все тверже, — такъ онъ закалился, и онъ не хотѣлъ сдаваться. Онъ боялся только одного, что кто-нибудь явится и помѣшаетъ ему. Нѣсколько ночей тому назадъ къ острову подъѣхала лодка, въ ней сидѣлъ человѣкъ и женщина, они собирали пухъ. Они хотѣли высадиться на островѣ, но Роландсенъ не хотѣлъ этого допустить ни за что, онъ замѣтилъ ихъ издали, и у него было время придти въ бѣшенство, и тогда онъ сталъ показывать свое странное фехтовальное искусство, размахивая маленькимъ якоремъ Бёрре, такъ что испуганные люди повернули свою лодку назадъ... Тутъ Роландсенъ засмѣялся про себя, и сталъ страшенъ какъ чортъ со своимъ худымъ лицомъ.

Разъ утромъ птицы шумѣли больше обыкновеннаго и разбудили Роландсена, было такъ рано, что это была еще почти ночь. Онъ видитъ—плыветъ лодка, она совсѣмъ уже близко. Печально было то, что Роландсенъ такъ медленно соображалъ. Прибытіе этой лодки было для него какъ разъ теперь въ высшей степени нежелательнымъ; когда онъ, наконецъ, достаточно пришелъ въ бѣшенство, лодка уже причалила, а то бы онъ могъ помѣшать этому, могъ бы бросать камнями въ людей.

Два человѣка съ фабрики Мака, отецъ и сынъ, вышли на берегъ, и старикъ пожелалъ Роландсену добраго утра.

„Я чрезвычайно недоволенъ тобой и покажу тебѣ это“, возразилъ Роландсенъ.

„Какъ покажешь?“ сказалъ человѣкъ, и нѣсколько неувѣренно посмотрѣлъ на сына.

„Удавлю тебя, само собою разумѣется. Какъ тебѣ это понравится?“

„А мы къ тебѣ съ порученіемъ, отъ самого Мака“.

„Конечно, отъ самого Мака. Я знаю, что онъ хочетъ“.

Теперь въ разговоръ вмѣшался и молодой, и замѣтилъ, что Бёрре нужна его лодка со снастями.

Роландсенъ вскричалъ озлобленно: „Бёрре? да что онъ, съ ума сошелъ? Что же мнѣ прикажете дѣлать? Я живу на пустынномъ островѣ, мнѣ нужна лодка, если я захочу поѣхать къ людямъ. А сѣти мнѣ нужны, чтобы ловить рыбу, а то какъ же мнѣ прожить. Передай ему отъ меня поклонъ“.

„А потомъ еще новый телеграфистъ просилъ передать, что на ваше имя пришли важныя телеграммы и лежатъ тамъ“.

Роландсенъ подскочилъ. Какъ! уже пришли! Онъ спрашивалъ еще о всякой всячинѣ, получалъ отвѣты, и уже не отказывался ѣхать съ ними. Молодой гребъ въ лодкѣ Бёрре, а Роландсенъ сѣлъ къ старику въ лодку.

На носу въ лодкѣ стояла корзина съ провизіей; радостная надежда вспыхнула въ Роландсенѣ, можетъ быть тамъ были запасы. Онъ хотѣлъ спросить: „Есть что поѣсть?“ Но изъ самолюбія сдѣлалъ надъ собою усиліе и сталъ разгонять голодъ болтовней.

„Какъ Макъ узналъ, что я здѣсь?“

„Да такъ, люди говорили. Одинъ человѣкъ и женщина видѣли васъ здѣсь какъ-то ночью, они такъ испугались“.

„Да, что имъ тутъ нужно было!.. Представь себѣ, я нашелъ здѣсь новое рыбное мѣсто на островѣ. И вотъ надо уѣзжать отсюда“.

„А сколько же вы тутъ пробыть думали?“

„А тебѣ что за дѣло“, коротко отрѣзалъ Роландсенъ. Онъ посмотрѣлъ на корзину, онъ весь извелся отъ самолюбія, онъ сказалъ: „Какая необыкновенно безобразная корзина. Что въ ней можно держать? Что въ ней такое можетъ быть?“

„Если бы у меня много такъ было мяса и сала, и масла

и сыра, какъ бывало въ этой корзинѣ, у меня запаса было бы на много, много лѣтъ", отвѣтилъ человѣкъ.

Роландсенъ откашлялся и плюнулъ въ море.

„Когда пришли телеграммы?" спросилъ онъ.

„Да ужъ давненько".

На полъ-дорогѣ лодки подплыли другъ къ другу, отецъ съ сыномъ достали провизію и хотѣли закусывать. Роландсенъ сталъ смотрѣть во всѣ стороны. Старикъ сказалъ: „У насъ тутъ закуска съ собой, не хотите-ли!" И всю корзину поднесли Роландсену.

Онъ отвергъ ее рукой: „Я съ полчаса тому назадъ поѣлъ и здорово наѣлся. Впрочемъ, ты и понятія не имѣешь о томъ, какъ, на видъ, хорошо пропеченъ этотъ бѣлый хлѣбъ. Нѣтъ, покорно благодарю, я только посмотрю на него, только понюхаю его!" И Роландсенъ говорилъ и смотрѣлъ во всѣ стороны: „Да, да, мы въ сущности очень сыто живемъ здѣсь на Сѣверѣ. Я увѣренъ, что у каждаго въ домѣ имѣется вдоволь говядины. А потомъ все это количество сала. Но въ этомъ образѣ жизни есть что-то скотское!" Роландсенъ повернулся недовольно и сказалъ: „Сколько я тамъ собирался пробыть, спрашиваешь ты? Разумѣется, я бы остался до осени и смотрѣлъ бы на падающія звѣзды. Я большой любитель всякихъ происшествій, мнѣ забавно видѣть, какъ небесное тѣло разлетается въ куски".

„Ну, я въ этомъ ничего не понимаю".

„Да, небесное тѣло. Когда одна звѣзда выбиваетъ другую изъ своей орбиты и сбрасываетъ ее съ неба".

Но ѣда все длилась и Роландсенъ закричалъ: „Вы ѣдите, какъ свиньи. Какъ вы только можете жрать такъ много!"

„Ну, мы кончили", сказалъ старикъ уступчиво.

Лодки разъѣхались въ разныя стороны, и оба гребца налегли на весла. Роландсенъ растянулся въ лодкѣ, чтобы поспать.

Они пріѣхали послѣ полудня, и Роландсенъ прямехонько

направился къ станціи за своими телеграммами. Пришли радостныя извѣстія относительно открытія, предложеніе дорогого патента изъ Гамбурга, и предложеніе еще болѣе дорогого патента, черезъ бюро, изъ другого торговаго дома. А Роландсенъ былъ такой чудакъ, что онъ убѣжалъ въ лѣсъ, и долго былъ тамъ одинъ, прежде чѣмъ онъ подумалъ раздобыть себѣ поѣсть. Волненіе сдѣлало его мальчикомъ, ребенкомъ со сложенными для молитвы руками.

XIV.

Онъ пошелъ въ контору къ Маку и пошелъ, какъ человѣкъ реабилитированный, какъ левъ. Его видъ совсѣмъ особенно долженъ былъ подѣйствовать на семью Мака. Элиза, можетъ быть, поздравитъ его, и ихъ искренняя привѣтливость ему будетъ пріятна.

Онъ ошибся. Онъ встрѣтилъ Элизу у входа на фабрику, она разговаривала со своимъ братомъ, она такъ мало обратила на него вниманія, что еле отвѣтила на его поклонъ. И оба продолжали спокойно разговаривать. Роландсенъ не помѣшалъ имъ, онъ не спросилъ о старомъ Макѣ, онъ пошелъ наверхъ въ контору и постучался. Она была заперта. Онъ сошелъ внизъ и сказалъ: „Вашъ отецъ посылалъ за мной, гдѣ я могу его видѣть?"

Оба не особенно поторопились съ отвѣтомъ, сначала кончили свой разговоръ; потомъ Фрэдрикъ сказалъ: „Отецъ наверху у шлюзовъ".

Это они бы могли мнѣ сейчасъ же сказать, когда я подошелъ, подумалъ Роландсенъ. Оба были такъ равнодушны, что дали ему подняться въ контору, не остановивъ его.

„Вы бы не могли кого-нибудь послать за нимъ?" спросилъ Роландсенъ.

Фрэдрикъ сказалъ медленно: „Когда отецъ у шлюзовъ, то онъ тамъ потому, что у него тамъ есть дѣло".

Роландсенъ смотрѣлъ на нихъ озадаченно.

„Вамъ придется опять вернуться", сказалъ Фрэдрикъ.

И Роландсенъ покорился и сказалъ: „Да, хорошо". Потомъ онъ пошелъ.

Но онъ началъ поджимать губы и размышлять. Внезапно онъ повернулъ назадъ и сказалъ безъ предисловія: „Но если я пришелъ сюда, то не затѣмъ, чтобы видѣть кого-нибудь другого, кромѣ вашего отца, поняли?"

„Вернитесь попозже", сказалъ Фрэдрикъ.

„Если я вернусь вторично, то затѣмъ, чтобы сказать что въ третій разъ я не приду".

Фрэдрикъ пожалъ плечами.

„А вотъ и отецъ", сказала Элиза.

Показался старый Макъ. Онъ сдвинулъ брови и, много не разговаривая, прошелъ въ контору впереди Роландсена. Онъ былъ весьма немилостивъ, онъ сказалъ: „Прошлый разъ я предложилъ вамъ сѣсть, теперь я этого не сдѣлаю".

„Нѣтъ, конечно, нѣтъ", сказалъ Роландсенъ. Но онъ еще не понималъ этого гнѣвнаго состоянія его.

Но Маку не доставляла удовольствія жестокость. Этотъ человѣкъ, который передъ нимъ провинился, былъ въ его власти, но онъ слишкомъ разсудителенъ, чтобы пользоваться ею. Онъ сказалъ: „Вы, конечно, знаете, что произошло?"

Роландсенъ отвѣтилъ: „Меня не было здѣсь, могло многое случиться, что вы знаете и чего я не знаю".

„Такъ я васъ познакомлю съ этимъ", сказалъ Макъ. И онъ былъ въ это мгновеніе какъ маленькій Богъ, онъ держалъ судьбу человѣка въ своихъ рукахъ. „Вѣдь вы сожгли квитанцію на страхованіе моей жизни?" спросилъ онъ.

„Лучше будетъ, если..." началъ Роландсенъ. „Вы хотите знать..."

„Вотъ она", сказалъ Макъ и выложилъ документъ. „Деньги тоже нашлись. Все лежало въ платкѣ, который не вамъ принадлежалъ".

Роландсенъ не протестовалъ.

Макъ продолжалъ: „Онъ принадлежалъ Еноху".

Роландсенъ не могъ не засмѣяться на эту торжественность, и онъ сказалъ въ шутку: „Вотъ увидите, воромъ навѣрно окажется Енохъ."

Но его шутка не понравилась Маку, это была далеко не смиренная шутка. „Вы насмѣялись надо мной", сказалъ онъ, „и присвоили себѣ четыреста талеровъ".

Роландсенъ, у котораго въ карманѣ были его драгоцѣнныя телеграммы, не хотѣлъ сохранять серьезность. „Давайте-ка сообразимъ", сказалъ онъ.

Но Макъ рѣзко перебилъ его: „Я простилъ васъ прошлый разъ, теперь не прощу".

„Я могу вамъ вернуть эти деньги".

Макъ вспылилъ: „Отнынѣ для меня здѣсь деньги не играютъ никакой роли. А вы обманщикъ, вы это знаете?"

„Вы позволите мнѣ объясниться?"

„Нѣтъ".

„Это ужъ слишкомъ неблагоразумно", сказалъ Роландсенъ. „Что же вамъ отъ меня надо?"

„Хочу, чтобъ васъ арестовали", сказалъ Макъ.

Вошелъ Фрэдрикъ и сѣлъ на свое мѣсто за конторкой. Онъ слышалъ послѣднія слова, онъ рѣдко видѣлъ отца въ такомъ волненіи.

Роландсенъ сунулъ руку въ карманъ къ телеграммамъ и сказалъ: „А вы не хотите взять денегъ?"

„Нѣтъ", возразилъ старый Макъ. „Вы ихъ отдадите на судѣ".

Роландсенъ не двигался съ мѣста. Онъ былъ уже не левъ; если такъ разсматривать вопросъ, если онъ провинился, его могли арестовать. Хорошо! Когда Макъ вопросительно по-

смотрѣлъ, какъ будто удивляясь тому, что Роландсенъ стоитъ тутъ, онъ отвѣтилъ: „Я жду, чтобы меня арестовали“.

Макъ сказалъ смутившись: „Здѣсь? Нѣтъ, вы можете идти домой и приготовиться“.

„Очень благодаренъ. Мнѣ надо еще отослать нѣсколько телеграммъ“.

Эти слова умилостивили Мака; не людоѣдъ же онъ былъ. „Вы можете, конечно, располагать сегодняшнимъ и завтрашнимъ днемъ, чтобы сдѣлать всѣ нужныя приготовленія“, сказалъ онъ.

Роландсенъ поклонился и вышелъ.

На дворѣ все еще стояла Элиза, и онъ, не кланяясь, прошелъ мимо нея. Пропалъ, такъ пропалъ, тутъ ничего не подѣлаешь. Она тихо окликнула его, а онъ, пораженный и смущенный, остановился и смотрѣлъ на нее неподвижно.

„Я хотѣла только сказать вамъ, что... вѣрно это не такъ опасно“.

Онъ не понялъ рѣшительно ни одного слова, и не могъ также понять, что она теперь заговорила съ нимъ. „Я получилъ позволеніе идти домой, мнѣ надо отправить нѣсколько телеграммъ“, сказалъ онъ.

Она подошла къ нему ближе, ея грудь поднималась и опускалась, она оглядывалась и, казалось, была неувѣрена. Она сказала: „Отецъ, должно быть, былъ строгъ. Но это пройдетъ“.

Роландсенъ разсердился. Развѣ не важно было то, какъ дѣло обстояло съ его собственной личностью? „Ну ужъ это, какъ вашему отцу угодно будетъ“, отвѣтилъ онъ.

Ну, если такъ! Но она все еще съ трудомъ переводила дыханіе, и сказала: „Что вы на меня такъ смотрите? Вы не узнаете меня?“

Милость, одна милость. Онъ отвѣтилъ: „Узнаешь людей и не узнаешь ихъ, это какъ кому угодно“.

Пауза. Элиза сказала наконецъ: „Вы должны согласиться,

что то, что вы сдѣлали... Ну, вы сами отъ этого больше всего страдаете“.

„Хорошо, пусть я отъ этого страдаю больше всего. Но я не желаю вовсе нападокъ со стороны всевозможныхъ лицъ. Пусть меня вашъ отецъ прикажетъ арестовать“.

Не говоря ни слова, она пошла отъ него... Онъ ждалъ два дня, ждалъ три, но никто не являлся за нимъ въ домъ Бёрре. Онъ жилъ въ величайшемъ напряженіи. Онъ написалъ свои телеграммы и хотѣлъ ихъ разослать въ тотъ самый моментъ, какъ его придутъ взять; онъ соглашался на самое выгодное предложеніе, сдѣланное ему за его изобрѣтеніе, и соглашался продать патентъ. Между тѣмъ онъ не бездѣйствовалъ, онъ велъ переговоры съ заграничными домами о томъ и другомъ, о покупкѣ водопада противъ фабрики Мака, о страховкѣ транспортовъ. Всѣ эти вопросы пока предоставлялись на его усмотрѣніе.

Но Макъ не былъ такой человѣкъ, который сталъ бы преслѣдовать своего ближняго. Напротивъ, его дѣла опять шли отлично, и въ такое благопріятное время ему больше нравилось быть расточительно-благосклоннымъ. Новая телеграмма отъ агента въ Бергенѣ сообщала, что сельди проданы въ Россію. Если Макъ желаетъ деньги, то они къ его услугамъ. Итакъ, онъ былъ вновь на высотѣ.

Когда прошло больше недѣли и ничего въ положеніи вещей не измѣнилось, Роландсенъ опять спустился въ контору къ Маку. Онъ былъ истощенъ напряженіемъ и неизвѣстностью, и онъ хотѣлъ добиться какого-нибудь рѣшенія.

„Я уже цѣлую недѣлю, какъ готовъ, а вы все не посылаете арестовать меня“, сказалъ онъ

„Молодой человѣкъ, я поразмыслилъ относительно этого дѣла“, возразилъ Макъ снисходительно.

„Старый человѣкъ, вы должны немедленно придти къ какому-нибудь рѣшенію!“ сказалъ Роландсенъ рѣзко. „Вы воображаете, что можете колебаться до безконечности и за-

ставлять меня ждать, пока вы наслаждаетесь своимъ милосердіемъ; но я знаю, что дѣлать. Я самъ пойду заявлю о себѣ".

„Сегодня, по крайней мѣрѣ, я ожидалъ другого тона отъ васъ".

„Я вамъ покажу, какого отъ меня тона ждать!" воскликнулъ Роландсенъ, совсѣмъ ненужно надменно, и бросилъ передъ фабрикантомъ свои телеграммы. Онъ казался теперь еще болѣе большеносымъ, чѣмъ обыкновенно, потому что лицо его такъ похудѣло.

Макъ вскользь взглянулъ на телеграммы. „Вы пустились въ изобрѣтенія!" сказалъ онъ. Но чѣмъ дальше его глаза пробѣгали телеграммы, тѣмъ больше онъ щурилъ ихъ, и тѣмъ внимательнѣе вчитывался. „Рыбій клей?" сказалъ онъ наконецъ. И затѣмъ принялся перечитывать телеграммы сначала. „Это кажется многообѣщающимъ", сказалъ онъ и взглянулъ на Роландсена. „Это фактъ, что вамъ такую большую сумму предлагаютъ за изобрѣтеніе рыбьяго клея?"

„Да".

„Поздравляю въ такомъ случаѣ. Но тогда вы должны были бы выказать великодушіе и не быть невѣжливымъ относительно старика".

„Въ этомъ, конечно, вы правы. Но меня нѣсколько утомило напряженіе. Вы обѣщали, что меня арестуютъ, а теперь изъ этого ничего не вышло".

„Я долженъ вамъ сказать, почему это вышло: тутъ вмѣшались. Я хотѣлъ, чтобы васъ арестовали".

„Кто же вмѣшался?"

„Вы знаете, женщины. У меня есть дочь. Элиза не захотѣла".

„Это очень странно", сказалъ Роландсенъ.

Макъ опять заглядываетъ въ телеграммы. „Но это грандіозно. Можете вы мнѣ нѣсколько разъяснить ваше изобрѣтеніе?"

И Роландсенъ ему нѣсколько разъясняетъ его.

„Такъ что мы въ нѣкоторомъ родѣ конкурренты", сказалъ старикъ Макъ.

„Не только въ нѣкоторомъ родѣ. Съ того момента, какъ я отошлю свой отвѣтъ, мы станемъ ими на самомъ дѣлѣ".

„Вотъ какъ?" говоритъ Макъ ошеломленный. „Что вы этимъ хотите сказать? Вы хотите заняться производствомъ?"

„Да. Противъ вашего водопада находится другой водопадъ, гораздо большій. Ему шлюзовъ не нужно".

„Это водопадъ Левіона".

„Я купилъ его".

Макъ нахмурился и сталъ соображать. „Такъ будемъ конкуррентами", сказалъ онъ.

Роландсенъ отвѣтилъ: „При этомъ вы потеряете".

Этотъ способъ выраженія возбуждалъ все больше и больше недовольства въ господинѣ важномъ, онъ къ этому не привыкъ и не терпѣлъ этого. „Удивительно, какъ вы забываете, что вы еще въ моей власти", сказалъ онъ.

„Такъ распорядитесь меня арестовать, а потомъ очередь будетъ за мной".

„Ахъ, что вы хотите сдѣлать?"

Роландсенъ отвѣтилъ: „Разорить васъ".

Вошелъ Фрэдрикъ. Онъ тотчасъ же увидалъ, что произошелъ какой-то обмѣнъ словъ, и его разсердило, что отецъ пускается въ разговоры съ этимъ выгнаннымъ длинноносымъ телеграфистомъ.

Роландсенъ громко сказалъ: „Я дѣлаю вамъ предложеніе вотъ какое: мы вмѣстѣ примѣнимъ изобрѣтеніе. Мы преобразуемъ фабрику и я буду ею руководить. Черезъ двадцать четыре часа мое предложеніе перестаетъ быть дѣйствительнымъ!" Послѣ чего Роландсенъ, оставя телеграммы, удалился изъ комнаты.

XV.

Наступала осень, въ лѣсу свистѣлъ вѣтеръ, море было желтое и холодное, и звѣзды въ небѣ проснулись. Но у Ове Роландсена не было больше времени слѣдить за падающими звѣздами, хотя онъ все еще любилъ происшествія. На фабрикѣ Мака послѣднее время было занято много рабочихъ на постройкахъ; тутъ они сносили зданіе, тамъ выстраивали, по указаніямъ Роландсена, который завѣдывалъ всѣмъ. Онъ превозмогъ всѣ трудности и дошелъ до высокихъ степеней.

„Я, собственно, всегда цѣнилъ этого человѣка", сказалъ старый Макъ.

„Я нѣтъ", возразила Элиза въ своей гордости. „Какой онъ негодяй сталъ. У него такой видъ, какъ будто онъ насъ спасъ".

„Ну, не такъ уже это".

„Онъ кланяется, и не ждетъ, чтобы ему отвѣтили, проходитъ мимо".

„Онъ занятъ".

„Онъ вкрался въ нашу семью, вотъ что", сказала Элиза съ блѣдными губами. Гдѣ бы мы ни были, онъ всегда тутъ. Только если онъ что-нибудь воображаетъ себѣ обо мнѣ, то это напрасно".

Элиза уѣхала въ городъ.

И все пошло своимъ чередомъ, безъ нея обходились, казалось. Теперь дѣло обстояло такъ, что Роландсенъ съ того момента, какъ вступилъ въ товарищество съ Макомъ, далъ себѣ самъ слово работать изо всѣхъ силъ и не давать себѣ времени мечтать о чемъ-нибудь другомъ. Мечтать хорошо лѣтомъ, а потомъ надо это прекратить. Но многіе мечтаютъ всю жизнь и ихъ не передѣлаешь. Теперь дѣвица ванъ-Лоосъ была въ Бергенѣ. Роландсенъ получилъ отъ нея письмо, что она его ставитъ нисколько не ниже себя самой, потому что онъ себя не запятналъ воровствомъ, а только комедію

игралъ. И что она беретъ назадъ свой отказъ. если еще не поздно.

Въ октябрѣ Элиза Макъ вернулась домой. Говорили, что она окончательно помолвлена, и ея женихъ, Генрикъ Бурнусъ Генриксенъ, капитанъ берегового судна, гостилъ у Маковъ. Въ большомъ залѣ въ Росенгаардѣ долженъ былъ состояться балъ; былъ приглашенъ нѣмецкій оркестръ, чтобъ играть на флейтахъ и трубахъ: это были музыканты, посѣтившіе города Финмаркена, и теперь возвращавшіеся домой. Весь приходъ былъ приглашенъ на балъ, Роландсенъ какъ всѣ другіе, а дочь кистера, Ольга, принималась какъ будущая супруга Фрэдрика. Только семьѣ пастора что-то помѣшало. Теперь былъ назначенъ новый пасторъ и его ждали каждый день; добрѣйшій замѣститель получалъ другое мѣсто на сѣверѣ, гдѣ другая паства была безъ пастыря. И онъ ничего не имѣлъ противъ того, чтобы вспахивать новую ниву и засѣивать ее, здѣсь работа не всегда была благословенна. Одно только успѣшное дѣло онъ сдѣлалъ: онъ настоялъ на томъ, чтобы сестра Левіона вспомнила единственнаго человѣка, обязанность котораго была жениться на ней. Это былъ плотникъ того же прихода, въ то же время домовладѣлецъ съ немалымъ количествомъ шиллинговъ подъ подушкой. Когда они стояли передъ алтаремъ и пасторъ вѣнчалъ ихъ, у него было крохотное чувство удовлетворенія. Неусыпными трудами можно было исправлять нравы понемногу.

Ахъ, постепенно все образуется, дастъ Богъ, думалъ пасторъ. И въ домашнемъ хозяйствѣ у него водворился нѣкоторый порядокъ, хозяйствомъ занималась вновь прибывшая дѣвица, которая была въ годахъ и солидна; онъ хотѣлъ ее взять съ собой на новое мѣсто. Все въ концѣ концовъ сглаживается. Пасторъ былъ очень строгъ и взыскателенъ; но на него не сердились за это, очевидно. Когда онъ спустился внизъ къ пристани, тамъ многіе собрались проститься съ

нимъ. Что касается Роландсена, то онъ не хотѣлъ упустить случая разыграть вѣжливаго кавалера; уже лодка Мака съ тремя гребцами ждала его, но онъ не хотѣлъ входить въ нее, пока пасторъ съ женой не отчалятъ. За эту любезность пастору пришлось, несмотря на все, что произошло, благодарить Роландсена. И какъ въ свое время помощнику Левіону было предоставлено донести пасторшу до берега, такъ и теперь ему поручено было доставить ее на пароходъ. Будущее Левіона вообще прояснялось, пасторъ обѣщалъ съ своей стороны содѣйствовать тому, чтобы онъ получилъ мѣсто помощника.

Все въ концѣ концовъ образуется.

„Если бъ вамъ теперь не на сѣверъ, а мнѣ не на югъ, мы бы могли вмѣстѣ ѣхать“, сказалъ Роландсенъ.

„Да“, возразилъ пасторъ. „Но не забудемъ, милый Роландсенъ, что хотя одинъ ѣдетъ на сѣверъ, а другой на югъ, но намъ всѣмъ когда-нибудь придется встрѣтиться въ одномъ мѣстѣ!“ Итакъ, онъ все еще поучалъ, неутомимо, до послѣдней минуты.

Пасторша сидѣла на носу парохода въ своихъ старыхъ, печальныхъ башмакахъ; они были починены, но вмѣстѣ съ тѣмъ стали жестоко некрасивы. Но пасторшу это не сокрушало, у нея горѣли глаза, и она радовалась поѣхать на новое мѣсто, чтобы посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Съ нѣкоторой грустью она думала о большомъ булыжникѣ, взять который съ собой въ чемоданъ пасторъ ей не позволилъ, несмотря на то, что онъ былъ такъ красивъ.

Потомъ они отчалили. И махали шляпами и фуражками, и носовыми платками, и съ судна и съ берега раздавались прощальныя восклицанія.

Теперь и Роландсенъ сѣлъ въ лодку. Ужъ сегодняшній вечеръ онъ долженъ былъ провести въ Росенгаардѣ, гдѣ праздновалась двойная помолвка. Онъ и тутъ не хотѣлъ упустить случая разыграть кавалера. Такъ какъ на лодкѣ

Мака не было вымпела, онъ черезъ гребцовъ досталъ великолѣпный, красный съ бѣлымъ, вымпелъ съ десятивесельной лодки, который онъ заставилъ поднять, прежде чѣмъ онъ отплылъ.

Онъ пріѣхалъ къ вечеру. Издали можно было видѣть, что большой торговый домъ праздновалъ торжество, въ обоихъ этажахъ окна были освѣщены, и на пристани на судахъ нельзя было ничего различить, кромѣ флаговъ, хотя было совсѣмъ темно. Роландсенъ сказалъ людямъ: „Выходите теперь на берегъ и пошлите мнѣ трехъ другихъ сюда: въ полночь я опять поѣду назадъ на фабрику“.

Роландсенъ былъ тотчасъ же принятъ Фрэдрикомъ. Фрэдрикъ былъ хорошо настроенъ; теперь ужъ у него была полная надежда сдѣлаться шкиперомъ на береговомъ суднѣ, такъ что онъ могъ жениться и самъ достигнуть чего-нибудь. И старый Макъ былъ доволенъ, и на немъ былъ орденъ, данный ему королемъ въ его бытность въ Финмаркенѣ. Ни Элизы, ни капитана Генриксена не было видно; они вѣрно пребывали вдвоемъ въ какой-нибудь комнатѣ.

Роландсенъ выпилъ нѣсколько стакановъ и приготовился и вооружился. Со старымъ Макомъ онъ велъ переговоры о разныхъ дѣлахъ: теперь онъ открылъ красящее вещество. Какой пустякъ было это красящее вещество, а между тѣмъ оно могло сдѣлаться главнымъ предметомъ производства. Роландсену нужны были машины и аппараты для перегонки. Проходила Элиза. Она посмотрѣла Роландсену прямо въ лицо, громко сказала: „Здравствуйте“, и кивнула.

Онъ всталъ и поклонился, но она прошла мимо.

„Она такъ занята сегодня вечеромъ“, сказалъ старый Макъ.

„Надо, значитъ, быть готовымъ, когда начнется ловля на Лофотенскихъ“, сказалъ Роландсенъ, и опять сѣлъ. Го-го, какъ мало это на него дѣйствовало. „А потомъ, я думаю, мы наймемъ маленькій пароходъ, которымъ можетъ управлять Фрэдрикъ“.

„Фрэдрикъ получитъ, быть можетъ, другое назначеніе. Но объ этомъ мы поговоримъ потомъ; успѣемъ до завтра".

„Въ полночь я уѣзжаю отсюда".

„Но, послушайте!" вскричалъ Макъ.

Роландсенъ всталъ и сказалъ коротко: „Въ полночь!" Такимъ твердымъ и непреклоннымъ хотѣлъ онъ быть.

„А я, правда, думалъ, что вы переночуете у насъ. Такое событіе. Потому что я могу сказать, что это все же нѣкоторое событіе".

Они ходили взадъ и впередъ, подходили то къ однимъ, то къ другимъ, болтали то здѣсь, то тамъ. Когда Роландсенъ встрѣтилъ капитана Генриксена, они выпили, какъ добрые знакомые, хотя никогда не видали другъ друга. Капитанъ былъ добродушный и нѣсколько толстоватый господинъ. Затѣмъ заиграла музыка, въ трехъ комнатахъ сѣли за столъ, и Роландсенъ такъ ловко устроилъ, что получилъ мѣсто, гдѣ не сидѣлъ никто изъ почетныхъ гостей. Старикъ Макъ, при обходѣ столовъ, увидалъ его и сказалъ: „Вотъ вы гдѣ сидите? Н-н... да. А то бы я"...

Роландсенъ отвѣтилъ: „Очень благодаренъ, намъ и отсюда будетъ слышна ваша рѣчь".

Макъ покачалъ головой: „Я никакой рѣчи говорить не буду!" И онъ удалился съ задумчивымъ лицомъ; что-то, видимо, не клеилось.

Ужинъ кончался, и вино лилось рѣкой, и шумно было отъ людей. Во время кофе Роландсенъ написалъ телеграмму. Дѣвицѣ ванъ-Лоосъ въ Бергенѣ: „Еще не поздно. Пріѣзжай на сѣверъ, какъ можно скорѣй. Твой Ове".

И это было хорошо. Все было хорошо, все было прекрасно! Онъ самъ отнесъ телеграмму на станцію и видѣлъ, какъ ее отправили. Затѣмъ онъ вернулся назадъ. Вокругъ столовъ теперь было оживленнѣе, мѣнялись мѣстами. Къ нему подошла Элиза и протянула ему руку. Она извинилась, что раньше прошла мимо него.

„Если бъ вы только знали, какъ вы опять прекрасны сегодня вечеромъ", сказалъ онъ, и принялъ видъ холодной вѣжливости.

„Вы находите?"

„Я это, впрочемъ, всегда находилъ. Я вѣдь вашъ старый поклонникъ, вы знаете. А вспомните-ка, въ прошломъ году, я вамъ прямо предложеніе сдѣлалъ!"

Вѣрно тонъ его ей не понравился, она повернулась и пошла. Но немного погодя, онъ опять встрѣтилъ ее. Фрэдрикъ открылъ балъ со своей невѣстой, всѣ танцевали, такъ что никто не обратилъ вниманія, что они разговаривали вдвоемъ.

Элиза сказала: „Ахъ да, я могу передать вамъ поклонъ отъ одной хорошей вашей знакомой, отъ дѣвицы ванъ-Лоосъ".

„Да?"

„Она слышала, что я выхожу замужъ и просится ко мнѣ въ экономки. Она, говорятъ, очень работящая. Да вы же ее лучше знаете, чѣмъ я".

„Она очень работящая, да. Но экономкой у васъ она не будетъ".

„Не будетъ?"

„Потому что я ей только что телеграфировалъ и предложилъ ей другое мѣсто. Она моя невѣста".

Пораженная, неподвижно смотрѣла на него гордая фрэкенъ. „Я думала между вами все кончено", сказала она.

„А вы знаете, старая любовь... Правда, мы расходились разъ, но тогда—".

„Вотъ какъ", сказала она.

„Я долженъ сказать вамъ, вы никогда не были такъ красивы, какъ сегодня вечеромъ!" сказалъ онъ, выказывая чрезвычайную вѣжливость. „И потомъ, это платье, этотъ темно-красный бархатъ!" И этими словами онъ остался доволенъ. Кто бы за ними увидалъ безпокойство?

„Особеннаго чувства у васъ къ ней все же не было", сказала она.

Онъ замѣтилъ, что ея глаза были влажны, и остановился, его смутилъ также ея взволнованный голосъ, и его лицо приняло другое выраженіе.

„Куда же дѣвалось ваше великое спокойствіе?“ воскликнула она и улыбнулась.

Онъ прошепталъ: „Вы отняли его у меня!“

Тутъ она вдругъ погладила его руку, одинъ единственный разъ, и ушла. Она бросилась въ другія комнаты, никого не видѣла, ничего не слышала, бѣжала, все бѣжала. Въ передней стоялъ ея братъ, который окликнулъ ее; она обернула къ нему свое улыбающееся лицо, и съ ея рѣсницъ катились слезы; потомъ она побѣжала вверхъ по лѣстницѣ въ свою комнату.

Четверть часа спустя къ ней вошелъ отецъ. Она бросилась къ нему на шею и сказала: „Нѣтъ, я не могу“.

„Ну. Какъ хочешь. Но тебѣ нужно сойти и танцевать. А что ты такое сказала Роландсену? Онъ такъ измѣнился. Ты опять съ нимъ была невѣжлива?“

„Нѣтъ же, нѣтъ же. Я не была съ нимъ невѣжлива“.

„Потому что тогда тебѣ это нужно тотчасъ же загладить. Онъ въ полночь опять уѣзжаетъ“.

„Въ полночь?“ Элиза тотчасъ же оправилась и сказала. „Я сейчасъ иду“.

Она сошла внизъ и подошла къ капитану Генриксену. „Я не могу“, сказала она.

Онъ ничего не отвѣтилъ.

„Можетъ быть, я поступаю нехорошо, но иначе я не могу“.

„Да, да“, было все, что онъ сказалъ.

Она не могла ничего прибавить къ этому, и такъ какъ капитанъ былъ на этотъ разъ такъ скупъ на слова, этимъ все и кончилось. Элиза пошла на станцію и телеграфировала дѣвицѣ ванъ-Лоосъ въ Бергенъ, чтобъ она не принимала въ серьезъ предложеніе Ове Роландсена, ибо это была опять шутка. Письмо слѣдуетъ. Элиза Макъ.

Затѣмъ она вернулась и стала танцевать. „Что, это правда, вы въ полночь уѣзжаете домой?“ спросила она Роландсена.

„Да“.

„Я поѣду съ вами на фабрику. У меня тамъ есть дѣло“.

И она опять погладила его руку.

ВОИНСТВУЮЩАЯ ЖИЗНЬ

Пер. К. Д. БАЛЬМОНТА

ОСТРОВЪ ЧЕРНАГО.

Далеко въ морѣ на рыбныхъ мѣстахъ есть много острововъ, между ними одинъ маленькій, который называется островомъ Чернаго, онъ насчитываетъ едва сто душъ. Но уже сосѣдній островъ гораздо больше, на немъ живетъ отъ трехсотъ до четырехсотъ человѣкъ, и тамъ имѣется своя церковь и свое начальство. Онъ называется Церковнымъ островомъ. Со времени моего дѣтства, туда переведены также почта и телеграфъ.

Гдѣ бы ни сходились жители острововъ, всегда считалось благороднѣе всего, быть родомъ съ большого острова, да, даже люди съ берега не особенно почитались жителями Церковнаго острова, несмотря на то, что въ ихъ распоряженіи было все побережье, и они могли быть родомъ, откуда хотѣли. Населеніе на много миль кругомъ состоитъ изъ рыбаковъ.

Весь Атлантическій океанъ охватываетъ островъ Чернаго, такъ открыто лежитъ онъ въ морѣ. Со всѣхъ сторонъ берега у него отвѣсные, и съ трехъ сторонъ взобраться на него невозможно; только на югѣ въ сторону полуденнаго солнца Богъ и люди проторили тропинку вверхъ на гору; это—лѣстница въ двѣсти ступеней. Послѣ каждой непогоды на морѣ, къ острову прибиваетъ куски дерева, доски, обломки кораблей, изъ этихъ выбросковъ лодочники строятъ свои лодки. Они несутъ эти доски двѣсти ступеней вверхъ, сколачиваютъ лодки около своихъ лачугъ, и ждутъ, пока не подойдетъ зима, и въ сѣверной сторонѣ высоты не заблестятъ подъ голубымъ льдомъ; тогда они спускаютъ лодки на канатахъ и таляхъ

внизъ по глетчеру въ море. Я самъ въ дѣтствѣ видѣлъ, какъ это происходило. Два человѣка стояли на верху горы и держали тали, одинъ человѣкъ сидѣлъ въ лодкѣ и отталкивался отъ того мѣста, гдѣ она зацѣплялась. И продѣлывалось это смѣло и осторожно, съ легкими покрикиваніями въ продолженіе всего пути. А когда, наконецъ, лодка достигала моря, человѣкъ кричалъ обоимъ вверхъ, чтобы они отпустили канатъ, что лодка на мѣстѣ; и баста. И онъ больше ничего не говорилъ объ этомъ важномъ дѣлѣ, и лодка счастливо оказывалась внизу.

Самый большой домикъ на этомъ островѣ принадлежалъ старому бравому лодочнику Іоахиму. Подъ его кровлей изъ года въ годъ въ рождественскіе праздники устраивались танцы; и помѣстить четыре или шесть паръ танцующихъ заразъ, ему ничего не значило. Музыку составляла скрипка, а около скрипки сидѣлъ человѣкъ по имени Дидрикъ; онъ подпѣвалъ и притоптывалъ въ тактъ. И парни танцевали въ жилеткахъ.

Затѣмъ, одинъ изъ молодыхъ парней ходилъ между гостей и, такъ сказать, разыгрывалъ хозяина во время танцевъ; это былъ младшій сынъ лодочника, самъ лодочникъ. Онъ былъ въ большомъ почетѣ у всѣхъ, благодаря своему ремеслу и своей умной головѣ; „Марцеліусъ!“ думаетъ одна дѣвушка и „Марцеліусъ!“ думаетъ другая; даже дѣвушкамъ съ Церковнаго острова его имя было не безызвѣстно. Но самъ Марцеліусъ думалъ только о Фредриккэ, дочери учителя, хотя она и вела себя и говорила по благородному, какъ въ книгахъ, и такъ гордо держалась, что у него дѣйствительно мало было надежды получить ее. Домъ учителя, кромѣ того, былъ настоящій большой домъ, и такъ какъ онъ былъ не рыбакъ, а скорѣй занималъ привилегированное положеніе, у него были занавѣски на окнахъ; и къ нему стучали пальцемъ въ дверь, прежде чѣмъ войти. Но Марцеліусъ былъ слѣпъ и настойчивъ въ своей любви. Въ прошломъ году онъ былъ

въ семьѣ у учителя и въ этомъ году пошелъ опять къ нему; онъ вошелъ черезъ кухню. И онъ могъ сказать: „Добрый вечеръ, хотѣлось бы поговорить съ тобой малость, Фредриккэ“.

„А что тебѣ?“ говоритъ Фредриккэ, и выпроваживаетъ его, и отлично знаетъ, что ему надо.

„Да вотъ, спросить, не могла бы ты... Ты ужъ знаешь!“

„Нѣтъ,“ говоритъ Фредриккэ, „не могу. И тебѣ не надо больше обо мнѣ думать, Марцеліусъ, не надо становиться на моей дорогѣ.“

„О, да, я знаю, что новый учитель за тобой бѣгаетъ“, отвѣчаетъ ей Марцеліусъ. „Теперь только посмотримъ, что изъ всѣхъ этихъ тонкостей выйдетъ“.

Такъ оно и было: новый учитель бѣгалъ за Фредриккэ. Онъ родомъ былъ съ Церковнаго острова и учился въ семинаріи. Его отецъ былъ простой рыбакъ, какъ и всѣ другіе, но онъ кое-чего достигъ и былъ богатъ; на рыбныхъ сушилкахъ у него висѣла и треска, и навага, и въ его закромахъ было всегда много масла и сала. Когда его сынъ вернулся изъ семинаріи, онъ былъ такъ же важенъ, какъ сынъ пастора, — студентъ; онъ носилъ бакенбарды, въ карманѣ у него былъ носовой платокъ, и отъ крайняго изящества, со шляпы его всегда свѣшивался резиновый шнурокъ. Люди не мало изъ-за этого смѣялись надъ нимъ, они говорили, что Симонъ Рустъ сталъ, вѣрно, не въ мѣру бережливъ, потому что онъ началъ сохранять мокроту изъ своего носа.

„Теперь онъ намъ новую лодку заказалъ“, сказалъ Марцеліусъ, „и дай Богъ, чтобы ему это счастье принесло“.

„Зачѣмъ ты это говоришь?“ спросила Фредриккэ.

„Ужъ, я знаю, почему такъ говорю. Края, онъ хочетъ, чтобы были зеленые,—да, конечно, я ему ихъ выкрашу въ зеленую краску. Но онъ хочетъ, чтобы и названіе было на лодкѣ, но его пусть самъ напишетъ“.

„Онъ хочетъ, чтобы на ней было ея названіе?“

„А ты слышала когда о такомъ кощунствѣ! И не простая

это должна быть лодка, а четырехвесельная... А ты бы все-таки подумала, нельзя ли какъ-нибудь такъ, чтобы меня взять, Фредриккэ".

„Нѣтъ, я не могу, слышишь. Потому что мое сердце принадлежитъ ему".

„Да, вотъ что, гм... ему принадлежитъ твое сердце", говоритъ Марцеліусъ и уходитъ.

На Рождество Симонъ Рустъ пріѣхалъ съ Церковнаго острова и долженъ былъ написать на лодкѣ свое имя. Онъ квартировалъ пока у стараго учителя, и Фредриккэ ежедневно наряжалась въ воскресное платье и повязывала вокругъ шеи настоящую шелковую муаровую ленту. Когда названіе было начертано, немногіе могли прочесть латинскія буквы, а стояло тамъ: Superfin. Такъ должна была называться лодка. И только очень немногіе умѣли толковать это изысканное слово.

Потомъ наступилъ ясный звѣздный вечеръ, наканунѣ сочельника. Марцеліусъ пошелъ въ домъ учителя и попросилъ переговорить съ Симономъ Рустомъ.

„Названіе теперь высохло", сказалъ Марцеліусъ.

„Тогда мы завтра спустимъ лодку въ воду", сказалъ Симонъ Рустъ.

Марцеліусъ продолжалъ:

„А что правда, что Фредриккэ достанется тебѣ?"

„Ну, это тебя не касается", отвѣтилъ учитель Симонъ.

„Все равно; скажи мнѣ серьезно, тебѣ Фредриккэ достанется, тогда ты лодку даромъ получишь!"

Симонъ Рустъ подумалъ, онъ былъ очень, очень умный человѣкъ въ денежныхъ вопросахъ, такимъ, какъ былъ и его отецъ всегда. Онъ вызвалъ Фредриккэ и спросилъ:

„Не будетъ ли такъ, что мы достанемся одинъ другому?"

„И Фредриккэ отвѣтила: что „Да," что ея сердце ему принадлежитъ.

Вечеръ былъ такой ясный, звѣздный, и глаза Фредриккэ, казалось, будто сіяли радостью, когда она это сказала.

Когда Марцеліусъ пошелъ домой, его мучила жадность и раскаяніе, потому что онъ Симону даромъ сдѣлалъ лодку. „Но онъ ее въ хорошенькомъ состояніи получитъ", думалъ онъ. Я самъ сяду въ лодку, когда ее будутъ спускать въ воду.

Онъ бродилъ отъ одной лачуги къ другой, никуда не входилъ, бродилъ неизвѣстно гдѣ, надъ нимъ свѣтило сѣверное сіяніе и звѣзды. Онъ доходилъ до сѣверной стороны острова, гдѣ висѣли готовыя тали, чтобы принять его новую лодку и спустить въ глубину. Подъ нимъ шумѣлъ Атлантическій океанъ. Онъ сѣлъ.

Тамъ далеко въ морѣ горѣло два огня на кораблѣ; и дальше свѣтилось еще два огня парохода; тяжелый, черный, онъ двигался на востокъ. Онъ думалъ: теперь лучше всего было бы сѣсть какъ-нибудь на такой корабль, уѣхать далеко. Фредриккэ была для него потеряна навсегда; остаться здѣсь, когда она покинетъ этотъ островъ, было бы для него горше всего.

Да охранитъ ее Отецъ Небесный, да поддержитъ и поможетъ ей въ ея жизни! А что касается того, что онъ хотѣлъ испортить лодку Симона, то онъ проситъ Бога простить ему эту злую мысль, онъ теперь, наоборотъ, все сдѣлаетъ отъ него зависящее, чтобы предохранить лодку отъ поврежденія, при спускѣ ея со скалы. Вотъ какимъ хочетъ онъ быть.

Онъ всталъ и хотѣлъ брести назадъ, какъ вдругъ онъ услыхалъ слабый крикъ, кого-то звали; онъ прислушался. Онъ видѣлъ, какъ кто-то шелъ къ нему.

„Фредриккэ, это ты?" сказалъ онъ.

„Да. Я хотѣла только сказать тебѣ, чтобъ ты чего-нибудь надъ собой не сдѣлалъ, Марцеліусъ".

„Я пошелъ только прогуляться немного", отвѣтилъ Марцеліусъ.

Она взяла его за руку повыше локтя и, держа его крѣпко, продолжала:

„Потому что не надо такъ серьезно относиться къ этому. Да и не такъ ужъ твердо рѣшила я".

„Ты еще твердо не рѣшила?“

„Что изъ этого выйдетъ?“ вырвалось у нея. „Онъ сейчасъ былъ невозможенъ со мной. Я думаю ты лучше Симона. Онъ отговаривается; онъ сегодня сказалъ: Увидимъ“.

На это ни слова не отвѣтилъ Марцеліусъ. Они пошли. Фредриккэ была умна и осторожна въ своей спутанности, и она вдругъ сказала:

„Во всякомъ случаѣ ты не давай ему лодки даромъ“.

„Нѣтъ, нѣтъ“, возразилъ Марцеліусъ.

На перекресткѣ она подала ему руку и сказала:

„Мнѣ надо теперь домой, а то онъ будетъ сердиться на меня. Можетъ быть, онъ видѣлъ, куда я пошла“.

Они простились, и каждый пошелъ своей дорогой.

На слѣдующій день не было ни малѣйшаго вѣтерка и море было спокойно. Еще до разсвѣта бравый лодочникъ Іоахимъ, съ двумя своими сыновьями, отнесъ новую лодку на сѣверную сторону острова; все мужское населеніе острова помогало, чтобы изящная лодка не пострадала при перенесеніи. Теперь она висѣла на таляхъ, стройная, красивая и нарядная.

Старый учитель уговорилъ своего важнаго собрата и коллегу, Симона Руста, отложить свой отъѣздъ на Церковный островъ до послѣ обѣда; теперь какъ разъ было время. Между помолвленными, повидимому, царило то же несогласіе, что и вчера, даже большее. Непримирившіеся, они шли далеко другъ отъ друга по дорогѣ, и она, невѣста, казалась исполненной сомнѣній. Когда они подошли къ талямъ, Іоахимъ и всѣ другіе были въ сборѣ. Всѣ эти люди сняли шапки передъ обоими учителями и ихъ свитой.

„Все готово?“ спросилъ Симонъ.

Іоахимъ отвѣтилъ: „Готово. Какъ разумѣемъ“.

Тутъ вдругъ Фредриккэ громко сказала, мучимая своими сомнѣніями:

„Ты бы поостерегся, Марцеліусъ. Развѣ не можетъ кто-нибудь другой вмѣсто тебя спуститься сегодня?“

Всѣ прислушались къ этимъ словамъ.

„О, онъ къ этому привыкъ“, сказалъ Іоахимъ, отецъ парня.

„Что это за комедія эта лодка съ названіемъ“, сказала Фредриккэ.

„Почему же, очень хорошее названіе“, замѣтилъ отецъ снисходительно. „Ты объ этомъ не можешь судить, Фредриккэ“.

Тутъ Симонъ Рустъ вдругъ неожиданно заявилъ:

„Я самъ сяду въ лодку“.

Всѣ стали отговаривать его. Но Симонъ Рустъ влѣзъ наверхъ и сѣлъ въ лодку. Всѣ стали убѣдительно просить его, просили долго, но Симонъ отвѣтилъ гордыми и пышными словами:

„Пусть только Фредриккэ успокоится“.

„Во всякомъ случаѣ, привяжи себя покрѣпче“, сказалъ Іоахимъ, и подалъ ему веревку.

„Спускай!“ воскликнулъ Симонъ раздраженно.

Канатъ отпустили, лодка начала опускаться. Симонъ снялъ резиновый шнурокъ со шляпы и прикрѣпилъ конецъ его къ одной пуговицѣ.

Іоахимъ кричалъ ему, Симонъ отвѣчалъ ему снизу подъ скалой, но они не могли видѣть другъ друга. Марцеліусу нечего было дѣлать, и онъ стоялъ далеко позади.

„Онъ уже на полдорогѣ“, сказалъ Іоахимъ. „Умѣлый онъ“.

Тутъ изъ глубины послышался зовъ. Никто не понялъ словъ; это не было, чтобы они придержали, что онъ доѣхалъ, и баста; это было: О, о, и затѣмъ сильно дергали за сигнальную веревку. Вверху всѣ думали, что имъ надо потянуть, Іоахимъ и люди его стали это дѣлать. Тутъ изъ пропасти раздался рѣзкій и пронзительный вскрикъ, услыхали еще трескъ лодки, ударившейся о скалистую стѣну; и было, какъ будто охнулъ весь островъ.

Всѣ поблѣднѣли, кабели вдругъ стали такъ легки. Кричатъ,

спрашиваютъ, Іоахимъ говоритъ „Спусти“. Вслѣдъ затѣмъ раздается его „Подними“. Но всѣ видятъ, что это ни къ чему, лодка пуста, Симонъ ее опрокинулъ и упалъ внизъ въ море.

И ко всему этому на Церковномъ островѣ зазвучалъ рождественскій колоколъ. И ужъ какое тутъ Рождество могло быть.

Но Фредриккэ оставалась умной и предусмотрительной, она незамѣтно очутилась около Марцеліуса и сказала: „Да проститъ мнѣ Богъ мои прегрѣшенія, но какъ я рада, что это не ты. Что же ты стоишь? Развѣ ты не сойдешь внизъ, по южной сторонѣ и не возьмешь лодку, чтобы искать его?“

И такъ какъ всѣ увидали, что она права, всѣ люди побѣжали съ острова внизъ. Только старикъ Іоахимъ, бравый лодочникъ, остался наверху.

II.

Не могу же я стоять тутъ цѣлую вѣчность и держать лодку! думалъ Іоахимъ. Или мнѣ надо будетъ ее поднять кверху, но на это у меня силъ не хватитъ, или мнѣ придется ее спустить въ море. Онъ обдумывалъ этотъ вопросъ еще долго и основательно, потомъ онъ выпустилъ канатъ изъ рукъ. Тутъ случилось нѣчто весьма странное: канатъ выскользнулъ изъ его руки меньше чѣмъ въ полъ-минутки. Лодка достигла поверхности воды.

Іоахимъ не могъ этого понять. Онъ потянулъ чуточку канатъ вверхъ, вновь отпустилъ его, и опять лодка коснулась поверхности воды. Это привело въ восторгъ старика Іоахима, и онъ сталъ оглядываться во всѣ стороны, чтобы найти, кому разсказать это. Если лодка была такъ близка къ поверхности моря, то Симонъ Рустъ не могъ убиться до смерти. Но можетъ быть онъ теперь лежитъ тамъ и тонетъ.

„Скорѣе, молодцы!“ кричалъ Іоахимъ по направленію южной стороны: „Его можно спасти!“

И въ то время, какъ Іоахимъ держалъ въ рукахъ опять ослабѣвшій канатъ, онъ почувствовалъ, какъ его дернуло; какъ будто кто-то рукой схватился за лодку. Это, вѣрно, волны объ лодку бьются, подумалъ Іоахимъ и закричалъ внизъ:

„Ты спасся?“

Но Атлантическій океанъ глухо шумѣлъ, и до верху не донеслось отвѣта. Онъ держалъ веревку надлежащимъ образомъ въ рукахъ. Онъ бы могъ ее привязать и спокойно дождаться, чѣмъ это кончится; но Іоахимъ думалъ, что минуты слишкомъ драгоцѣнны и неумѣстно себя щадить. Можетъ быть, тутъ на его глазахъ погибалъ ученнѣйшій человѣкъ. Такъ превыше всякаго пониманія человѣческаго была жизнь.

Прошло долгихъ четверть часа. Изрѣдка вѣтромъ доносило колокольный звонъ съ Церковнаго острова, и дѣйствительно, это были минуты, исполненныя для него мистичности и серьезности. Потомъ онъ услыхалъ голоса тамъ, въ глубинѣ, это были люди, побѣжавшіе спасать его. Въ лодкѣ гребли его сыновья, и поэтому онъ зналъ, что она подвигалась. Іоахимъ, затаивъ дыханіе, прислушивался.

„Вонъ онъ“, сказалъ Марцеліусъ.

„Нашли вы его?“ спросилъ отецъ, свѣсившись съ обрыва.

Вслѣдъ затѣмъ онъ чувствуетъ, что его канатъ отвязываютъ отъ лодки, онъ наклоняется надъ обрывомъ и кричитъ:

„Живъ онъ?“

„Конечно, да!“ возражаетъ Марцеліусъ. „Тащи канатъ къ себѣ“.

„Слава Тебѣ Господи“, бормочетъ Іоахимъ. Онъ втащилъ канатъ кверху, понюхалъ табаку, и отправился внизъ къ мѣсту, гдѣ была лодка, на южную сторону, чтобы тамъ встрѣтить всю компанію. По дорогѣ этотъ честнѣйшій лодочникъ не могъ удержаться отъ своихъ особенныхъ мыслей о Симонѣ и его предотвращенной гибели. Все же этотъ Симонъ былъ ученнѣйшимъ и глубокомысленнымъ проказникомъ, можетъ

быть онъ самъ опрокинулъ лодку и выбросился изъ нея, когда онъ увидалъ воду въ сажени отъ себя.

„Какой безбожникъ!“ подумалъ Іоахимъ.

На мѣстѣ, гдѣ были лодки, онъ встрѣтилъ учителя и его дочь и сказалъ:

„Онъ спасся“.

„Спасся?“ воскликнула Фредриккэ. „Ты шутишь?“

„Спасся“.

И старый учитель тоже сказалъ: „Слава Тебѣ Господи!“ И обрадовался отъ всего сердца. А Фредриккэ осталась твердой и спокойной...

Когда лодки подъѣхали, Симонъ Рустъ сидѣлъ на веслахъ и гребъ изо всѣхъ силъ; онъ былъ мокрый съ головы до ногъ и дрожалъ.

„Ты раненъ?“ спросила Фредриккэ. „А гдѣ же твоя шляпа?“

„Мы ее не нашли“, сказалъ Марцеліусъ.

„Такъ ты бы могъ ему дать твою шапку пока“, сказала Фредриккэ, хлопоча около Симона.

„Онъ не беретъ ее“, возразилъ Марцеліусъ.

„Да, извини пожалуйста, я не возьму ее“, сказалъ ей Симонъ съ гордой осанкой, хотя дрожалъ отъ холода.

Старый учитель сталъ разспрашивать о несчастьи своего собрата и коллегу, и тотъ отвѣчалъ; у Іоахима было впечатлѣніе, что языкъ, на которомъ оба говорили, когда были предоставлены сами себѣ, несравненный и глубокомысленный. Симонъ Рустъ объяснялъ, что онъ выучился плавать въ семинаріи, благодаря чему стало возможнымъ его полное спасеніе. Но онъ претерпѣлъ муки Тантала, прежде чѣмъ показалась спасательная лодка. Онъ разскажетъ совершенно точно обо всемъ происшествіи, какъ что съ нимъ было, чтобы потомъ не разсказывали о немъ иначе.

„Одно бы только я желалъ знать“, сказалъ онъ, обращаясь къ Фредриккэ. „Что ты почувствовала, Фредриккэ, когда лодка моя опрокинулась?“

„Что я почувствовала“, сказала Фредриккэ.

„И что ты сказала прежде всего?“

Фредриккэ быстро оправилась.

„Да это я людей уговорила бѣжать внизъ спасать тебя“, сказала она.

„Это хорошо“, сказалъ Симонъ.

Марцеліусъ молчалъ. Онъ понялъ, что ея сердце опять всецѣло принадлежитъ Симону Русту.

„Пойдемте сейчасъ же домой, чтобы тебѣ переодѣться въ сухое платье“, сказалъ старый учитель. „Поистинѣ, это чудо Господа Бога, если ты перенесешь эту катастрофу“.

Всѣ помогали при вытаскиваніи лодокъ на берегъ, и Марцеліусъ не дѣлалъ разницы, напротивъ, онъ поставилъ такія же подпорки подъ лодку Симона, какъ подъ свою собственную, чтобъ онѣ не стояли такъ и не опрокидывались. Онъ далъ разойтись всѣмъ, и самъ въ весьма дурномъ расположеніи духа пошелъ домой.

Вечеромъ пришла Фредриккэ, ей что-то нужно было у сосѣдей, но къ Марцеліусу она не зашла. Онъ вышелъ, чтобы подождать ее; и когда она показалась, онъ сказалъ:

„Добрый вечеръ, ты гуляешь при сѣверномъ сіяніи?“

„У меня дѣло было“, отвѣтила она. „Что ты скажешь про сегодняшнее чудо?“

Марцеліусъ отвѣтилъ: „Я тебѣ вотъ что скажу, мнѣ кажется, что чуда никакого не было“.

„Такъ? Ну, а если бы ты упалъ изъ лодки, ты бы спасся?“

„Онъ вовсе не падалъ. Онъ выпрыгнулъ изъ лодки, когда былъ всего въ сажени отъ воды, сказалъ отецъ“.

„Онъ выпрыгнулъ? Такъ. А ты бы и этого не сдѣлалъ“.

Марцеліусъ молчалъ.

„Потому что ты не умѣешь плавать“, продолжала Фредриккэ. „И ты не обучался всему тому, чему онъ обучался. И ты не обучался играть на органѣ“.

„Значитъ, вы все таки достанетесь другъ другу?“ сказалъ Марцеліусъ.

„Я не знаю, какъ это будетъ“, возразила она. „Но какъ будто правда такъ будетъ“.

Марцеліусъ сказалъ озлобленно:

„Ну, такъ мнѣ все равно; и ты и онъ можете даромъ получить лодку, какъ я раньше говорилъ“.

Фредриккэ обдумала то, что онъ сказалъ, и отвѣтила:

„Да, да, если между нами что-нибудь будетъ, тогда мы получимъ лодку, какъ ты говоришь. А если онъ порветъ со мной, тогда вѣдь мы, ты и я, соединимся, и тогда пусть онъ намъ заплатитъ за лодку“.

Ни малѣйшаго удивленія на этотъ расчетъ нельзя было прочесть въ лицѣ Марцеліуса, онъ спросилъ:

„А когда я объ этомъ могу узнать?“

Фредриккэ отвѣтила:

„Онъ завтра уѣзжаетъ домой, тогда скажетъ. Но, знаешь, спросить объ этомъ я же его не могу“.

Но Марцеліусу пришлось ждать цѣлые мѣсяцы, прежде чѣмъ онъ узналъ что-нибудь опредѣленное.

Къ Рождеству Симонъ Рустъ уѣхалъ домой и передъ отъѣздомъ ничего не рѣшилъ съ Фредриккэ; затѣмъ онъ сватался въ разныхъ мѣстахъ на Церковномъ островѣ и всюду получалъ согласіе, вслѣдствіе вліятельнаго положенія своего отца. Но Симонъ нигдѣ не связывалъ себя, а наоборотъ, держался всюду открыто и независимо до извѣстной поры. Въ концѣ концовъ, онъ попыталъ счастье у учительницы въ семьѣ пастора, но она была барышня, и благородная, и отъ нея Симонъ Рустъ услыхалъ „Нѣтъ“.

Обо всемъ этомъ слышала Фредриккэ, и печалилась часто объ этомъ, больше чѣмъ стоило.

Въ Крещеніе, какъ въ прежнее время, рождественскіе танцы должны были происходить въ домѣ у лодочника Іоахима, и Марцеліусъ долженъ былъ, какъ всегда, быть

хозяиномъ. Наняли скрипача, и съ тѣмъ Дидрикомъ, который умѣлъ напѣвать и отбивать тактъ ногой, условились заранѣе. Уже парни выбрали дѣвушекъ себѣ, и Фредриккэ обѣщала Марцеліусу придти.

Въ этотъ самый день къ острову причалила четырехвесельная лодка стараго рыбака Руста, чтобы отвезти Фредриккэ на Церковный островъ, на танцы въ тотъ же вечеръ. Фредриккэ тотчасъ же стала собираться и нарядилась дѣйствительно великолѣпно.

На лодочной пристани появился Марцеліусъ и сказалъ ей:

„Ну что же, теперь видно рѣшеніе выйдетъ?“

„Да, теперь рѣшеніе выйдетъ“, отвѣтила Фредриккэ.

Весь этотъ день въ лодкѣ у нея былъ такой видъ, какъ будто она хорошо знала, что она теперь сдѣлаетъ.

Она была очень хорошо принята крупнымъ рыбакомъ, Рустомъ, и вечеромъ, когда начались танцы, она была весьма отмѣчена парнями съ Церковнаго острова. Но Симонъ, хозяйскій сынъ, шутилъ съ каждой, а относительно Фредриккэ сохранялъ свою старую неопредѣленную манеру обращенія.

Съ нѣкоторыми промежутками, весь вечеръ обносили гостей спиртными напитками и кофе, и старикъ Рустъ охотно поставилъ одинъ, даже два полубоченка: самъ онъ расположился удобно и покойно въ комнатѣ съ нѣсколькими пожилыми рыбаками. И Симонъ Рустъ выпилъ не одинъ стаканъ, чтобы не разыгрывать изъ себя важнаго барина; но танцевать ему буквально не подобало съ рыбацкими дѣвушками, такъ какъ онъ былъ учителемъ молодежи.

Ночью, когда всѣ отправились домой, Фредриккэ осталась одна съ Симономъ, она только утромъ должна была уѣхать къ себѣ. Но даже и теперь Симонъ не выказывалъ ей больше нѣжности, чѣмъ прежде, и такъ глупа она не была, чтобы принимать его маленькіе толчки въ бокъ за вѣчную любовь,—такъ глупа она не была.

„Я стою здѣсь и освѣжаюсь“, сказала Фредриккэ.

„Тебѣ бы, правда, этого не надо было дѣлать“, возразилъ Симонъ, „это легко могло бы имѣть нежелательныя послѣдствія для твоего здоровья“.

„Богъ знаетъ, почему это дверь въ сарай открыта“, сказала Фредриккэ и показала на нее.

Симонъ тоже этого не зналъ.

„Мы ее закроемъ“, сказала она.

И они пошли къ сараю и ярко свѣтило Сѣверное сіяніе и звѣзды.

Фредриккэ сунула голову въ сарай и сказала: „Ну-ка я посмотрю, много ли у васъ корму“.

Они оба вошли туда.

„Тамъ у насъ сѣно наверху на чердакѣ, а тамъ другой чердакъ“, сказалъ Симонъ.

„Гдѣ?“

Симонъ залѣзъ на сѣно и показалъ ей его.

И Фредриккэ полѣзла за нимъ.

III.

Еще нѣкоторое время Фредриккэ продолжала держать Марцеліуса полу-обѣщаніями, что онъ можетъ получить ее, и онъ ждалъ этого времени въ тихой надеждѣ. Къ посту, въ мартѣ, Фредриккэ не была больше въ неизвѣстности, и она сказала Марцеліусу: „Да, теперь это неизмѣнно, она будетъ принадлежать Симону“.

Такъ, такъ, подумалъ Марцеліусъ.

И о лодкѣ онъ не говорилъ больше. Пусть она получитъ ее даромъ, ему это было все равно. У него достаточно было времени приготовиться къ своей судьбѣ, и всю весну Марцеліуса видѣли спокойнымъ за своей работой, какъ прежде. Но душа его оставалась совсѣмъ не прежней, онъ искалъ уединенія. Теперь дни становились длиннѣе, солнце

и мягкая погода причинила снѣгу большой вредъ, такъ что спусканіе лодокъ по глетчерамъ, съ сѣверной стороны острова, скоро совсѣмъ прекратилось. Тогда лодочники недѣли двѣ шатались праздно; а когда миновали весеннія бури, и Атлантическій океанъ вновь успокоился, лодочники занялись рыбной ловлей, кругомъ по берегамъ острова. Одинъ разъ при закидываніи невода, Марцеліусъ и его братъ заработали большую кучу денегъ спасеніемъ шкуны, безъ мачты и экипажа, носящейся по волнамъ.

Никакой ошибки не могло быть: уваженіе къ Марцеліусу весьма возросло на островѣ послѣ этого дѣянія, и такъ какъ онъ ежедневно смотрѣлъ за поврежденнымъ судномъ, которое было приведено въ лодочную пристань, онъ сдѣлался чуть ли не капитаномъ этого покинутаго судна. Объявились датскіе судохозяева и заплатили за спасеніе ихъ судна. Сумма была очень большая по условіямъ жизни на островѣ; но люди еще увеличили эту сумму, и сумма пріобрѣла сказочные размѣры. Говорили о томъ, что лодочникъ Марцеліусъ сдѣлался купцомъ на этомъ островѣ, и будетъ называться Іоахимсенъ.

Въ одинъ прекрасный день онъ пошелъ къ Фредриккэ и сказалъ:

„Такъ что къ тому идетъ дѣло, что ты будешь женой Симона?“

„Да“, отвѣтила она, „къ тому идетъ“.

И она проводила его до его дома и вязала при этомъ. По дорогѣ она сказала:

„Если бы все было такъ, какъ въ прежнее время, я бы попросила тебя съѣздить къ Симону и привезти его сюда. Но ты теперь сталъ важнымъ человѣкомъ, Марцеліусъ“.

Тогда Марцеліусъ отвѣтилъ:

„Я тебѣ докажу, что я не важнѣе, чѣмъ былъ“.

И онъ честно отправился въ своей лодкѣ за Симономъ.

Когда Симонъ пріѣхалъ и опять уѣхалъ, Марцеліусъ

опять пошелъ къ Фредриккэ и спросилъ ее въ своей слѣпотѣ:

„Вы все еще не измѣнили свое рѣшеніе?“

Она отвѣтила:

„Да. Теперь и основаніе есть сдѣлать это какъ можно скорѣй“.

„Такъ что объ этомъ и спрашивать больше не нужно?“

„Ты знаешь, какъ это бываетъ съ сердцемъ“, сказала Фредриккэ. „Я никогда не любила никого другого“.

На это Марцеліусъ промолчалъ, потому что это были однѣ книжныя рѣчи, и больше ничего. Онъ пригласилъ ее къ себѣ пить кофе, но она сказала нѣтъ, и поблагодарила: пусть онъ не безпокоится. Когда она собралась уходить, она вспомнила о лодкѣ.

„Касательно платы за лодку тебѣ это не важно?“ сказала она, „такъ какъ ты сталъ такимъ богатымъ. Симонъ просилъ меня узнать объ этомъ“.

„Да, касательно лодки мнѣ все равно“, возразилъ онъ. „Слава Богу, у меня довольно и денегъ, и власти. Когда васъ огласятъ?“

„Черезъ двѣ недѣли“.

„А ты не подумала о стрижкѣ овецъ въ этомъ году?“ спросилъ онъ.

Она возразила:

„Подождемъ и съ этимъ нѣсколько недѣль. Еще не время. Снѣгъ еще не стаялъ“.

„Я только спросилъ“, замѣтилъ онъ.

Овцы эти были исландской породы съ густой, грубой шерстью. Ихъ оставляли на одномъ изъ острововъ свободно пастись, тамъ онѣ жили и находили себѣ пропитаніе и зимой, и лѣтомъ. Разъ въ годъ ихъ ловили, чтобы стричь; это происходило весной, когда становилось теплѣе.

Когда миновали двѣ недѣли, въ церкви Церковнаго острова огласили Фредриккэ и Симона. Наконецъ-то они соединялись, эти двое, довольно долго пришлось приходу этого ждать.

Въ тотъ же вечеръ Фредриккэ зашла къ лодочнику Іоахиму и была весьма легкомысленна и расположена шутить.

„Желаю счастья, да благословитъ васъ Богъ“, сказала жена лодочника. Я слышала въ церкви твое имя“.

„Не ослышалась ли ты?“ сказала Фредриккэ, шутя.

„Поздравляю и желаю счастья!“ сказалъ Марцеліусъ. „А ты не забыла о стрижкѣ овецъ?“

Тутъ Фредриккэ засмѣялась и сказала:

„Ты просто невозможно торопишься со стрижкой, этой весной. Что съ тобой? Ужъ ты въ началѣ мая началъ болтать о ней“.

„Мнѣ же надо тебя спросить, я думаю“, возразилъ онъ.

„Впрочемъ, я какъ разъ пришла сказать, что ты можешь получить людей для стрижки“, сказала Фредриккэ.

Онъ быстро спросилъ:

„Могу получить людей, говоришь ты? А ты сама вѣроятно не въ состояніи быть въ этомъ году при этомъ?“

Она сама про себя наполовину рѣшилась поберечься этой весной; но при злобномъ вопросѣ Марцеліуса она немного покраснѣла и отвѣтила:

„Не въ состояніи? Можетъ, ты мнѣ скажешь, почему не въ состояніи?“

Да, Фредриккэ никакъ не хотѣла себѣ сознаться, что она дѣлалась все полнѣе и полнѣе въ послѣднія недѣли, поэтому она и въ этомъ году, какъ всегда прежде, хотѣла непремѣнно присутствовать при загонѣ овецъ.

Когда Марцеліусъ это услыхалъ, онъ тотчасъ же вышелъ и не возвращался, пока она оставалась тутъ.

Марцеліусъ спустился нѣсколько ступеней внизъ къ утесамъ, гдѣ была лодочная пристань. Это была длинная пещера, въ которой были приспособлены подставки для всевозможныхъ лодокъ, отъ самыхъ маленькихъ до десятивесельныхъ. Онъ привелъ въ порядокъ свою лодку, почистилъ ея дно. Былъ конецъ мая, до одиннадцати ночи, и позднѣе, было

свѣтло. Марцеліусъ положилъ къ себѣ шестъ, которымъ отталкиваются отъ берега. Его четырехвесельная лодка покоилась на подставкахъ, какъ будто смотрѣла на него. Полночь наступила, когда онъ вернулся домой.

Онъ не снялъ платья, а продолжалъ сидѣть на краю кровати; его старшій братъ уже лежалъ и спалъ. Марцеліусъ подошелъ къ окну и долго смотрѣлъ въ него. „О, да, да, да, да, да, дѣйствительно, истинная правда, Господи Боже мой!" сказалъ онъ тихо и вернулся къ своей постели. Не раздѣваясь онъ легъ, и не сомкнулъ глазъ всю ночь напролетъ. Какъ только онъ услыхалъ, что мать внизу зажигаетъ огонь, онъ всталъ, разбудилъ своего брата и сошелъ внизъ.

„Ты рано поднялся", сказала мать.

„У меня овцы изъ головы не выходятъ", возразилъ онъ. „Если ихъ всѣхъ сегодня остричь, намъ надо спозаранку выѣхать".

Всѣ трое снарядились, братья и мать, и всѣ отправились къ дому учителя, около котораго ждали, пока къ нимъ вышла Фредриккэ. Съ Фредриккэ была одна только служанка. Ихъ было пятеро въ лодкѣ. Оба брата гребли осторожно и увѣренно, разговоры предоставили женщинамъ. Солнце взошло, и тяжело и спокойно выплылъ овечій островъ изъ моря. Уже на большомъ разстояніи овцы замѣтили приближеніе лодки, стояли какъ съ неба свалившись и глазѣли; всѣ перестали жевать. Чтобы не спугнуть боязливыхъ животныхъ, въ лодкѣ старались избѣгать по возможности всякаго шороха.

Овцы забыли такое же посѣщеніе лодки въ прошломъ году, никогда въ жизни, казалось имъ, не видали онѣ ничего подобнаго. И онѣ дали лодкѣ подплыть ближе, и онѣ не двинулись въ своемъ удивительномъ простодушіи; только, когда лодка причалила, одно изъ животныхъ, огромный косматый баранъ, принялся дрожать. Онъ бросилъ взглядъ на своихъ собратій, потомъ опять посмотрѣлъ на лодку. Но

внезапно—когда всѣ пять человѣкъ на минуту неподвижно остановились на берегу, втащивъ лодку на берегъ—барану показалось это страшнѣе всего, что онъ видѣлъ до сихъ поръ, онъ бросился назадъ, и громадными прыжками умчался вглубь острова. И всѣ остальныя овцы послѣдовали за нимъ.

„Ихъ въ этомъ году не легко будетъ переловить," сказали женщины другъ другу.

Все общество двинулось на островъ. Нужно было только схватить раньше ягненка, тогда и мать легче будетъ поймать. До поздняго утра работали они, прежде чѣмъ имъ посчастливилось захватить взрослое животное. Одну кучку изъ стада удалось пригнать къ лодкѣ, и животныя въ смертельномъ страхѣ поскакали въ море, тогда Марцеліусъ выѣхалъ за ними и сталъ ловить одну овцу за другой.

„Ты теперь совсѣмъ вымокъ", сказала Фредриккэ.

Въ то время какъ три женщины сидѣли и стригли, братья держали на привязи трехъ овецъ, и Марцеліусъ стоялъ вблизи Фредриккэ. И весеннее солнце заливало теплымъ свѣтомъ ихъ всѣхъ.

„Ну вотъ, я вторую кончила", сказала Фредриккэ, и стала запихивать шерсть въ мѣшокъ, и встала.

„А ну-ка посмотримъ, что мы поймаемъ съ тобою вдвоемъ овцу?" сказалъ Марцеліусъ, странно дрожащимъ голосомъ.

Фредриккэ пошла съ нимъ рядомъ и они отдалились отъ другихъ, такъ что ихъ не стало слышно.

„Я думаю, они не здѣсь", сказала Фредриккэ.

Марцеліусъ отвѣтилъ:

„Мы тутъ посмотримъ сначала".

Они подошли къ сѣверной сторонѣ острова, гдѣ было тѣнисто; но ни одной овцы они тамъ не увидали.

„Они вѣрно тамъ въ самомъ концѣ мыса", сказалъ Марцеліусъ и побѣжалъ впередъ. Но Фредриккэ не могла такъ

легко бѣжать, какъ въ прежнее время, и не пошла за нимъ.

Марцеліусъ схватилъ ее за руку и потащилъ за собой, въ то же время онъ говорилъ неестественно громко, онъ говорилъ:

„Ну вотъ, ты увидишь! Ну вотъ, ты увидишь, говорю я".

„Не кричи такъ громко, ты спугнешь овецъ", сказала Фредриккэ. Она думала о своей работѣ.

Но онъ тащилъ ее и говорилъ громко и дико:

„Ну вотъ, ты увидишь! Я тебя научу играть на органѣ".

„Что это у тебя на умѣ?" спросила она, стараясь читать въ его лицѣ.

Но его лицо было неузнаваемо. Чтобы защититься, она сѣла на землю и уперлась въ нее изо всей силы. Ея башмаки волочились вдоль по дорогѣ, а Марцеліусъ нещадно тащилъ ее дальше. Тогда она поняла, что онъ хочетъ ее убить, и мужество оставило ее. Ни одного слова, ни одного крика не издала она; до самаго конца мыса дотащилъ онъ ее, и тамъ сбросилъ въ пропасть.

Такъ велико было ея оцѣпенѣніе, что она даже не схватилась за платье Марцеліуса, и онъ остался, какъ былъ, на краю, хотя въ его планы входило броситься самому внизъ.

Онъ робко осмотрѣлся кругомъ, не было ли другихъ за нимъ; но никого не было видно. Онъ посмотрѣлъ внизъ за край; глухо шумѣло внизу, море уже поглотило Фредриккэ. Онъ хотѣлъ самъ послѣдовать за ней; и онъ снялъ куртку и хотѣлъ ее сошвырнуть, но раздумалъ и сталъ искать, гдѣ бы ему спуститься. При спускѣ внизъ онъ старательно нащупывалъ, какъ ему поставить ногу, чтобы не поскользнуться. На полдорогѣ ему пришло въ голову, что это ему должно быть безразлично, если бы онъ упалъ и разбился; но онъ соблюдалъ ту же осторожность, при каждомъ шагѣ, въ продолженіе всего пути.

Море подходило вплоть до утеса, и когда онъ былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, Марцеліусъ остановился. Онъ снялъ куртку и жилетку и положилъ ихъ на камень, чтобы его платье пригодилось кому-нибудь, затѣмъ молитвенно сложилъ руки, и попросилъ Бога принять его душу, Христа ради. Потомъ онъ спрыгнулъ внизъ.

АЛЕКСАНДРЪ И ЛЕОНАРДА.

Была у насъ рѣка, впадающая въ море, и называлась она Глимма. И былъ въ свое время молодой цыганъ, и звали его Александръ. Съ этимъ Александромъ у меня однажды былъ разговоръ въ крѣпости Акерхусъ, гдѣ онъ былъ заключенъ за совершенное преступленіе. Теперь я прочелъ, что опасный преступникъ умеръ; его убилъ тюремный воздухъ. Мнѣ онъ разсказывалъ, что онъ однажды убилъ дѣвушку... Сегодня я не могу не думать о его разсказѣ, но по своей безпорядочности, я начинаю съ середины. Начну съ начала.

Есть крупные и есть мелкіе рыбаки въ Нордландѣ. И крупный рыбакъ съ неводомъ, съ амбаромъ, полнымъ запасами, могущественный человѣкъ. Онъ носитъ преувеличенно широкое и плотное платье, чтобы казаться толще, въ знакъ того, что онъ можетъ позволить себѣ хорошо питаться. Онъ никогда не бываетъ долженъ ни пастору, ни начальству; на Рождество онъ беретъ себѣ въ домъ цѣлый боченокъ водки. Сейчасъ увидишь, гдѣ живетъ такой рыбакъ, потому что онъ обшиваетъ свой домъ деревомъ, краситъ его въ красную краску, а окна и двери въ бѣлую. А сыновей и дочерей его, когда они идутъ въ церковь, всегда узнаешь по дорогимъ вещамъ, что на нихъ.

Однажды къ пристани такого крупнаго рыбака Іенса Олайя причалилъ большой цыганскій таборъ. Это было раннею весною. Цыгане пріѣхали въ своей собственной большой семейной лодкѣ, ими предводительствовалъ старикъ Александръ,—„Щепа“, великанъ—ростомъ въ три аршина. Одинъ молодой красавецъ, лѣтъ двадцати, вышелъ на берегъ и пошелъ въ домъ Іенса Олайя просить милостыни. Это былъ молодой Александръ. Происходило это во времена моего дѣтства. Мы, дѣти, тотчасъ же узнали Александра, онъ игралъ съ нами, когда былъ моложе, мѣнялся съ нами свѣтлыми пуговицами и разными металлическими кусочками.

Іенсъ Олай, этотъ гордый представительный мужчина, который ни у кого не былъ въ долгу, приказалъ цыганамъ отчаливать, отказавъ имъ дать что-нибудь; но Александръ былъ наглъ и безстрашенъ, онъ продолжалъ стоять, гдѣ стоялъ, и его прогоняли три раза.

„Ты можешь работу получить“, сказалъ Іенсъ Олай.

„Какую работу?“

„Будешь котлы и горшки чинить. И помогать женѣ и дочери моей,когда мы, мужчины, поѣдемъ на рыбную ловлю“.

Молодой Александръ повернулся и пошелъ внизъ къ мѣсту, гдѣ стояла лодка, и сталъ совѣщаться со своими. Когда онъ вернулся, онъ заявилъ величественному Іенсу Олайю: Да, онъ согласенъ поступить къ нему на службу. Вѣрно онъ со своимъ отцомъ сговорился на мѣстѣ обокрасть хорошенько крупнаго рыбака.

Черезъ нѣкоторое время Іенсъ Олай съ сыновьями уѣхалъ на рыбную ловлю и дома остались только его жена и дочь. Дочь звали Леонардой. И ей не было еще двадцати лѣтъ.

Молодой Александръ хорошо приспособился къ работѣ. Онъ понималъ болѣзни скота и лѣчилъ, и у него была дѣйствительно особенная ловкость въ рукахъ, чтобы чинить всякую посуду. Хозяйка стала скоро выказывать ему чувство особаго рода, хотя ей было безъ малаго сорокъ; но цыганъ совралъ и сказалъ, что его возлюбленная осталась въ отцовской лодкѣ, и что онъ ни о комъ, кромѣ нея, не думаетъ. Это причинило женѣ рыбака горькую обиду, и она стала усиленно оберегать свою дочь отъ цыгана. Да, не успѣла

даже оттаять земля, какъ она поставила молодого Александра копать торфъ, и удалила его такимъ образомъ изъ дому. Тамъ Александръ пѣлъ непонятныя пѣсни и за день успѣшно справлялся со своей работой въ торфяномъ болотѣ. Былъ онъ большимъ и веселымъ язычникомъ. Леонарда не часто говорила съ нимъ.

Да, не часто говорила съ нимъ Леонарда. И вообще у нея съ нимъ не было никакихъ дѣлъ, она не забывала, что она дочь Іенса Олайя. Но весна такое опасное время, и когда воздухъ серьезно потеплѣлъ, глаза Александра стали какъ звѣзды, и онъ иногда проходилъ ненужно близко около Леонарды, если ему надо было пройти мимо нея. Совсѣмъ непонятнымъ образомъ стали у нея изъ сундука исчезать вещь за вещью, несмотря на то, что замокъ оставался совершенно въ порядкѣ. Оказалось, что дно въ сундукѣ было вскрыто, и Леонарда обвинила Александра въ воровствѣ.

„Нѣтъ, я не кралъ", отвѣтилъ онъ. „Но я могу тебѣ, быть можетъ, достать твои вещи, если ты оставишь открытой дверь къ себѣ на чердакъ".

Она посмотрѣла на него.

„Ты что же, непремѣнно хочешь вылетѣть завтра же отъ насъ"?

Но цыганъ ужъ умѣетъ попросить и знаетъ толкъ во всѣхъ сладостныхъ искусствахъ, этотъ, съ краснымъ ртомъ своимъ, темной кожей и своими глазами. Да притомъ онъ ужасный мастеръ въ любви.

День спустя Леонарда сидѣла со своимъ вязаньемъ въ рукахъ на дворѣ, къ ней подошелъ Александръ. Онъ сказалъ:

„Позволь мнѣ все же здѣсь остаться, потерпи, чтобы я былъ на торфяномъ болотѣ. И никогда я больше не скажу ничего подобнаго".

Она бросила на него взглядъ, такъ подѣйствовали на нее его немногія слова. Онъ снялъ при этомъ шапку, его

волосы такъ жалостно висѣли надъ глазами, и все же его красный ротъ былъ красивъ. Леонарда отвѣтила:

„Да, да, попробуемъ".

Она нагнулась надъ своей работой; она покраснѣла. Но цыганъ хорошо зналъ, что дѣлалъ, когда онъ такъ возвышалъ молодую дѣвушку и просилъ позволить ему работать на торфяномъ болотѣ. Онъ хотѣлъ къ ней подольститься, хотя отлично зналъ, что власть не ей принадлежитъ, а ея матери.

Дни проходили.

Сынъ столяра, Конрадъ, былъ въ отлучкѣ и теперь самъ сталъ столяромъ. Онъ выучился ремеслу у городскихъ мастеровъ и быстро вошелъ въ славу. Онъ жилъ по другую сторону рѣки Глиммы, и къ нему отправлялись люди, если имъ нужна была вещь тонкой работы. Однажды этой же дорогой отправилась къ нему и Леонарда, и повезъ ее черезъ рѣку Александръ.

Она до удивительности долго пробыла у молодого Конрада, уговариваясь съ нимъ относительно новаго сундука и относительно многаго другого, потому что оба знали другъ друга съ дѣтства. Прождавъ довольно долго внизу у лодки, Александръ, наконецъ, пошелъ къ дому столяра и заглянулъ въ окно къ нему. Въ то же мгновеніе онъ отшатнулся отъ окна и вбѣжалъ въ домъ, разгоряченный, въ бѣшенствѣ.

Всѣ трое неподвижно смотрѣли другъ на друга. Но цыганъ былъ похожъ на скаковую лошадь съ висящей гривой и дрожащими ноздрями.

„Ну, теперь я иду", сказала Леонарда, чтобы успокоить его.

Мужчины смѣрили другъ друга съ головы до ногъ, оба были молоды. Пальцы Александра нащупывали ножъ на боку, но у него не было ножа, и глаза его стали опять смиренными. Цыганъ безпомощенъ безъ оружія, но съ ножомъ въ рукѣ онъ дерзокъ до убійства.

Это была первая встрѣча.

По прошествіи недѣли столяръ Конрадъ явился съ сундукомъ въ домъ къ рыбаку. Сундукъ былъ сдѣланъ и склеенъ съ величайшей тщательностью, и замокъ былъ новый и весьма искусно устроенъ. Но вышло такъ, что, когда Леонарда стала пользоваться своимъ сундукомъ, всѣ ея утраченныя вещи лежали на своихъ мѣстахъ. Такъ мирно покоились они въ старомъ сундукѣ, какъ будто ихъ никогда не трогали.

„Это ты опять сдѣлалъ?“ сказала Леонарда цыгану.

„Нѣтъ, я этого не дѣлалъ“, отвѣтилъ онъ, и вѣрно опять совралъ, хотя это было ему ни къ чему.

Столяръ Конрадъ долго оставался въ домѣ съ Леонардой, и она сварила кофе для него и угощала. Но до тѣхъ поръ цыганъ изловчился сказать „тьфу“, и плюнулъ въ котелъ. Онъ поджидалъ столяра, когда тотъ вышелъ.

Опять эти два человѣка смѣрили другъ друга, и у Александра былъ ножъ.

„Ни къ чему это, „цыганъ“, сказалъ Конрадъ. „Она мнѣ сегодня дала слово“.

Тутъ вспыхнули глаза Александра, какъ огонь, и онъ выхватилъ ножъ. Но столяръ прыгнулъ въ свою лодку и отчалилъ, и когда онъ отдалился на нѣсколько саженей, онъ закричалъ, что онъ подастъ въ судъ на бродягу.

Дни проходили.

Старикъ Александръ „Щепа“, вернулся на своей лодкѣ, и хотѣлъ увезти съ собой сына; но молодой Александръ уклонился и потребовалъ дать ему отслужить свой срокъ. И вѣрно онъ наговорилъ отцу, что ему много чего есть украсть во дворѣ, потому что лодка цыгана уѣхала безъ молодчика.

А молодой Александръ сказалъ Леонардѣ:

„Ласточки прилетѣли. Не время ли спуститься тебѣ со мной въ амбаръ, и показать мнѣ, какіе бочки и чаны сбить къ лѣтнему рыбному улову?“

Она, видно, все еще не знала, съ кѣмъ она имѣла дѣло. Она сдѣлала насмѣшливое лицо и отвѣтила:

„Ужь такъ и быть рѣшусь“.

Но насмѣшливое лицо она сдѣлала не очень-то серьезно. И его двусмысленныя слова не такъ не понравились ей, какъ раньше. Она видѣла, что любовь его изо дня въ день становится горячѣй.

Какъ только они пришли въ амбаръ,Александръ тотчасъ же схватилъ ее, и держалъ ее, и цѣловалъ ея ротъ много, много разъ.

„Ты совсѣмъ съ ума сошелъ“, сказала она, и вырвалась изъ его объятій, красная и задыхающаяся.

„Что же мнѣ, опять уѣзжать завтра?“ спросилъ онъ.

И совсѣмъ, совсѣмъ усмиренная Леонарда отвѣтила на этотъ разъ:

„Это зависитъ отъ того, какъ ты себя поведешь“.

„Я никогда больше не буду этого дѣлать“, сказалъ онъ.

Онъ не сдержалъ слова. Онъ лгалъ непрестанно, и не давалъ ей прохода своими ласками.

И долженъ былъ наступить день, когда сердце Леонарды начало склоняться къ темнокожему язычнику. Онъ рѣшительно ничего не добился въ первыя недѣли; но на четвертой недѣлѣ глаза ея сдѣлались томными и нѣжными. И это было какъ разъ, когда распускались почки на деревьяхъ, во время безумныхъ свѣтлыхъ ночей въ Нордландѣ. Въ концѣ концовъ она стала ходить на торфяное болото и спускалась къ нему съ обѣдомъ въ яму, хотя бы отлично могла остаться на краю ея, какъ дѣлала это прежде. Но она хотѣла быть возможно ближе къ нему.

Мать погибала отъ ревности и дѣлала все возможное, чтобъ преимущество осталось за столяромъ. И Леонарда отвѣтила, что такъ оно и будетъ. Но сама она ходила въ единственномъ сладкомъ опьяненіи и знала про себя что-то другое. Этотъ бродяга Александръ стоялъ въ болотѣ и копалъ торфъ, и она спускалась къ нему, и для нея были его молодость, его красота. Бывали дни, когда у нея совершенно

изъ головы вонъ выходилъ столяръ Конрадъ, и это далеко были не самые печальные дни.

Позже, лѣтомъ, съ рыбной ловли вернулся домой хозяинъ съ сыновьями, начались посѣвы, и Александръ помогалъ въ работѣ. А къ Иванову дню онъ долженъ былъ уѣхать. Становилось все труднѣе встрѣчаться съ Леонардой тайкомъ, такъ какъ и братья ея оберегали ее, а столяра Конрада поощряли всѣ. И такъ прихотлива къ тому же любовь, что она пресыщается, когда ей слишкомъ хорошо; молодой цыганъ начиналъ надоѣдать Леонардѣ. Она приготовлялась къ свадьбѣ съ Конрадомъ.

Александръ сказалъ:

„Въ первый разъ, когда столяръ покажется здѣсь въ домѣ, я убью его".

Но Леонардѣ онъ надоѣлъ, и она отвѣтила ему опять насмѣшливо:

„Такъ, такъ. А что ты сдѣлаешь во второй?"

Въ Ивановъ день въ домѣ столяра собирались танцевать, и Леонарда должна была ѣхать туда, и танцевать. Въ тотъ же вечеръ и Александръ кончалъ свою службу.

Леонарда сказала Александру:

„Перевези меня на ту сторону, передъ тѣмъ какъ уѣдешь".

„А ты куда?" спросилъ онъ.

„Это не твое дѣло", возразила она.

Александръ собралъ свои вещи. Сложилъ ихъ въ узелокъ и сказалъ:

„Я готовъ".

Они сошли къ рѣкѣ и сѣли въ лодку. Вода въ Глиммѣ сильно прибыла съ тѣхъ поръ, какъ тронулся ледъ, и переправляться черезъ нее было опасно.

Александръ гребъ и сказалъ ей:

„Значитъ, ты хочешь за него замужъ выйти?"

„Да", отвѣтила она,

„Это не я твои вещи укралъ", сказалъ онъ опять. „Это твоя мать ихъ украла".

Она неподвижно смотрѣла на него въ продолженіе цѣлой минуты, и потомъ вскрикнула:

„Что ты говоришь?"

„Она хотѣла поссорить насъ. Но я догадался, куда она запрятала всѣ твои вещи, и выкралъ ихъ для тебя".

„Ты лжешь, и лжешь", отвѣтила Леонарда и не повѣрила ему.

Цыганъ гребъ все невнимательнѣе и не видѣлъ, куда онъ гребъ.

„Я тебѣ не сдѣлалъ никакого зла", сказалъ онъ, наконецъ. „Я бы могъ сдѣлаться порядочнымъ человѣкомъ, если бъ ты захотѣла".

„А мнѣ до этого какое дѣло", возразила она, и въ душѣ у нея было одно желаніе ссоры. „Куда ты гребешь? Мы наѣдемъ на камень".

Но онъ предоставилъ лодку теченію.

Тогда она громко закричала тѣ же самыя слова.

Онъ сильно взмахнулъ веслами, какъ бы для того, чтобы исполнить ея волю, и сломалъ одно весло.

Имъ не было спасенія.

„Ты это нарочно сдѣлалъ", сказала она, въ первый разъ почувствовавъ страхъ.

Онъ возразилъ:

„Да. Ты живой не выйдешь на берегъ".

Черезъ мгновеніе раздался визжащій крикъ, лодка налетѣла на скалу, и конецъ ея разбился вдребезги. Въ то же мгновеніе цыганъ выскочилъ на камень. Онъ видѣлъ, какъ закружилась нѣсколько разъ Леонарда, затѣмъ ее приподняло и перевернуло головой впередъ. И она полетѣла внизъ, въ водоворотъ.

Съ берега ихъ увидали, и цыгана спасли.

И никто не могъ ни въ чемъ упрекнуть Александра. Его весло сломалось, никакой вины его не было; несчастье стерегло.

Эту исторію разсказалъ мнѣ самъ Александръ въ крѣпости Акерхусъ, куда онъ былъ заключенъ за совершенное преступленіе.

намъ очень дорого; извѣстили начальника округа, объявили о ней въ церкви, но собственника не нашлось; вѣроятно онъ былъ въ горахъ, гдѣ пасутся оленьи стада. Тогда стали говорить о томъ, чтобы продать ее съ торговъ; но кто могъ въ нашемъ бѣдномъ приходѣ купить такое большое животное? Однимъ словомъ, надо было съ ланью раздѣлаться по частямъ, ее надо было убить.

А мы все время только и дѣлали, что заботились, какъ бы накормить ее. Она любила ѣсть лепешки; но кашу не могла проглотить. Очень любила она еще жевать мерзлые листья рѣпы, которыми, къ счастью, мы распоряжались; кромѣ того, Гансъ и я, мы доили потихоньку корову и предлагали лани молока; но молока она тоже не пожелала, за то сама дала немножко молока. Впрочемъ, она была такъ зла и раздражительна съ взрослыми, что вблизи себя терпѣла только насъ, дѣтей; иногда она сталкивала шапки съ нашихъ головъ и обнюхивала наши волосы. Можетъ быть она думала, что мы особаго рода рѣдкостные телята.

И вотъ, въ одинъ прекрасный день, явился къ намъ сосѣдъ, который долженъ былъ заколоть ее. Но онъ былъ глупъ въ этомъ исскуствѣ, онъ не сумѣлъ воткнуть ножъ, онъ не зналъ мѣста и наткнулся на кость; лань вырвалась отъ насъ всѣхъ и ускакала внизъ по дорогѣ съ ножомъ въ загривкѣ. „Вотъ ты увидишь, ничего съ ней не сдѣлаютъ“, сказалъ мнѣ Гансъ; „ужъ лань сумѣетъ уйти!“

Тогда рѣшили ее застрѣлить.

„И это не поможетъ“, сказалъ Гансъ, „и мы схватились за руки и принялись ревѣть отъ восторга, что ничего нельзя сдѣлать съ нашей ланью.

Извѣстили полевого сторожа. У него было старое охотничье ружье, которое онъ прежде всего сталъ отогрѣвать на тепломъ очагѣ, затѣмъ, началъ заряжать его. Не знаю, было ли у него недостаточно дроби, но онъ сталъ нарубать на мелкіе кусочки большіе гвозди и ими зарядилъ ружье. Затѣмъ, про-

шепталъ нѣсколько словъ надъ очагомъ. Это, вѣроятно, было заклятіе, или что-нибудь въ такомъ родѣ, онъ обернулся во всякомъ случаѣ, шепча что-то про себя съ искаженнымъ лицомъ. Предчувствіе чего-то темнаго и страннаго охватило насъ при этомъ. Такой стрѣлокъ не ремесленникъ вѣрно, а сновидецъ; въ его дѣланіи была необыкновенная мистика.

Затѣмъ, мы опять стали слѣдить за нею. Она стала упряма и зла до крайности, не хотѣла больше возвращаться къ намъ на дворъ, намъ всѣмъ пришлось спуститься съ горы къ ней. Тогда полевой сторожъ взялъ ружье на перевѣсъ, цѣлился цѣлую вѣчность и спустилъ курокъ.

Конечно, лань большое животное, но и большое животное придетъ въ величайшее волненіе, если ему всадить въ мозгъ зарядъ дроби и гвоздей. Съ минуту лань стояла, какъ оглушенная, какъ будто она прислушивалась къ шуму въ своей собственной головѣ, затѣмъ она упала на колѣни и перевернулась на бокъ. Мы увидали, какъ что-то сѣрое, всклокоченное, шевельнулось нѣсколько разъ, и затѣмъ осталось неподвижнымъ.

Такъ для лани наступила смерть.

Я написалъ стихотвореніе, чтобы не дать ей околѣть среди насъ, какъ собакѣ. Въ немъ было много строфъ, но сейчасъ я помню только одну:

Она жила здѣсь впроголодь, украдкой,
Но въ саванѣ теперь покоится она.
Приди въ Сіонъ, получишь манны сладкой,
И досыта—церковнаго вина.

Затѣмъ, надо еще упомянуть о вредныхъ птицахъ. Есть такія, что весной, во время посѣва, стаями нападаютъ на поля и поѣдаютъ зерна; между ними особенно отличались дикіе гуси, воробьи и куры. На обязанности насъ, дѣтей, лежало охранять засѣянныя поля, и такъ какъ, правда, это была трудная обязанность, которая врывалась помѣхой въ наши чудныя игры, то эти птицы навлекли на себя всю нашу

ненависть, и эту ненависть особенно пришлось испытать на себѣ курамъ: мы часто бывали искренно жестокосерды къ нимъ. Такъ, мы бывали истинными артистами, когда надо было попасть въ нихъ камнемъ или полѣномъ; имъ удавалось только спастись убѣгая, громко крича; тогда, правда, старики стучали изъ комнатъ въ окна, чтобы мы умѣрили нашу кровожадность. Какъ-то разъ Гансу дали на подержаніе ружье, изъ котораго ему позволили стрѣлять. Онъ сталъ ярымъ охотникомъ; но въ лѣсу онъ всегда попадалъ мимо, и, наоборотъ, когда онъ сталъ стрѣлять въ куръ, которыя прекрасно умѣли стоять неподвижно, онъ всегда попадалъ въ цѣль. Но благодаря этому дни пользованія ружьемъ были сочтены.

ВЪ ЛѢТНЕМЪ УПОЕНІИ.

Пансіонъ былъ полонъ гостей, мужчинъ и дамъ, пріѣхало нѣсколько человѣкъ изъ сосѣднихъ мѣстечекъ. Большинство страдало чѣмъ-нибудь совсѣмъ, совсѣмъ незначительнымъ, мужчины, какъ и дамы, были переутомлены и пріѣхали въ эту маленькую рыбацкую деревню на берегу моря, чтобы отдохнуть здѣсь нѣсколько недѣль. Большинство изъ нихъ были женаты и, чтобы отдохнуть по настоящему, они оставили свою дражайшую половину дома, и такимъ образомъ могли вести себя самостоятельно. Немало флёртировали они между собой, эти одинокіе мужья и жены, и въ салонѣ подъ лампой можно было видѣть, какъ обращались пожилые люди въ обновленныхъ молодыхъ людей. Но всѣ они говорили: „Это здоровый воздухъ, это море!“

Это все были люди просвѣщенные изъ хорошаго общества, крупные коммерсанты, нѣсколько профессорскихъ женъ, директоровъ, одна жена генеральнаго консула, жена совѣтника. Раззолоченный господинъ изъ столицы, на карточкѣ котораго стояло просто: Отто Менгель, негоціантъ, называли его господиномъ директоромъ. Хозяйка обладала большимъ талантомъ, при представленіи повысить каждаго одной степенью въ его званіи. О директорѣ Менгелѣ, впрочемъ, нельзя было ничего сказать дурного; навѣрное, онъ былъ очень вліятельнымъ человѣкомъ, онъ носилъ массонскій знакъ на часовой цѣпочкѣ. Во всякомъ случаѣ нѣкоторое удивленіе возбудило, когда молодой Оксенстандъ, который былъ настоящимъ львомъ и не передъ кѣмъ не преклонялся, поразительно низко нагнулъ голову, здороваясь съ директоромъ Менгелемъ, когда этотъ появился въ пансіонѣ. Только гораздо позже стало извѣстно, что господинъ Менгель развивалъ въ столицѣ большую заимодавческую дѣятельность.

На сплетни, которыя были въ ходу между пансіонерами, можно было посмотрѣть просто, какъ на сплетни между друзьями, безъ особенной злобности. Но агентъ по страхованію жизни, изъ сосѣдняго мѣстечка, навлекъ на себя настоящую непріязнь со всѣхъ сторонъ, и это своими попытками найти кліентовъ для своего общества среди тѣхъ же пансіонеровъ. Было такъ, какъ будто онъ разсчитывалъ на смерть кого-нибудь изъ нихъ, а какъ разъ наоборотъ не было никого, кто бы собирался умирать. Его тоже называли господиномъ директоромъ, чтобы пробудить въ немъ чувство собственнаго достоинства; но это былъ напрасный трудъ. Онъ самъ себя называлъ агентомъ Андерсономъ и все тутъ, и онъ поправлялъ всѣхъ, кто его титуловалъ директоромъ.

Скотина—онъ былъ только дѣлецъ и больше ничего. Онъ ни чуточки не былъ боленъ, и воистину онъ отлично ѣлъ, отлично спалъ, и силъ у него былъ избытокъ. Однажды жена генералъ-консула сказала: вонъ отсюда его надо, этого господина Андерсона!

Но фру Мильде хорошо знала, почему жена генеральнаго консула требовала теперь, чтобы вышвырнули вонъ Андерсона: онъ не сумѣлъ оцѣнить ея глупой нѣжности по отношенію къ нему. Однажды темнымъ вечеромъ, когда жена генеральнаго консула сидѣла одна въ саду и мечтала, господинъ Андерсонъ прошелъ мимо нея. Она окликнула его и назвала его директоромъ, да, она намекнула ему даже, что онъ такой сильный и здоровый, что ея нервы успокаиваются, когда она просто только видитъ его.

„Вотъ какъ“, сказалъ Андерсонъ.

„И представьте себѣ, мнѣ кажется, у васъ волосатыя руки, ха, ха, ха“, сказала жена генеральнаго консула. „Пойдите сюда и посидите со мной немного“.

„Ужъ очень темно", возразилъ онъ.

„Да, только не пойдемте въ ту свѣтлоту".

„Нѣтъ, пойдемте, видите ли, я по опыту знаю, что я лучше вижу, когда свѣтло, чѣмъ когда темно", сказалъ Андерсонъ.

Упрямъ онъ былъ. И всеобщее мнѣніе было, что онъ не любилъ природы; его видѣли, какъ онъ стоялъ и смотрѣлъ на море сухими, совсѣмъ сухими глазами. Левъ Оксенстандъ попробовалъ какъ-то разъ поднять его на смѣхъ; но это ему не удалось. Вообще было очень забавно слушать реплики агента. Молодая фру Трампе, красавица, спросила его разъ черезъ весь столъ:

„Значитъ, вы не женаты?"

„Нѣтъ", отвѣтилъ онъ. „Но и у меня обошлось не безъ напасти"...

Теперь должна была пріѣхать новая дама.

Получилась телеграмма изъ сосѣдняго мѣстечка, въ которой спрашивали, имѣется ли въ пансіонѣ мѣсто для одной дамы. Еще въ ней стояло, что это могла быть маленькая тихая комнатка, въ первомъ этажѣ. Хозяйка отвѣтила: да, мѣсто имѣется.

Всѣ въ пансіонѣ теперь ждали эту даму. Почему это она хотѣла жить въ первомъ этажѣ? Не была ли она хромая? Молодыя дамы на третьемъ или четвертомъ году своего замужества ничего не имѣли противъ того, чтобы она была не красавица. Левъ Оксенстандъ сказалъ: „Нѣтъ, пусть ужъ она будетъ красива; съ вами, фру Трампе, она все равно не сравнится".

Черезъ два дня она пріѣхала. Кучеръ быстро подкатилъ ее къ подъѣзду пансіона и сразу осадилъ лошадей. Дама вышла изъ экипажа. На площадкѣ сразу остановилась игра въ теннисъ и всѣ посмотрѣли на даму. На ней была большая шляпа и одѣта она была очень изящно, а когда она вышла изъ экипажа, всѣ могли видѣть, какъ она молода.

„Фру Андерсонъ моя фамилія", сказала она хозяйкѣ.

„Какъ ея фамилія?" спросила жена генеральнаго консула.

„Андерсонъ!" отвѣтила фру Трампе, красавица.

„Ну вотъ, еще Андерсонъ. Здѣсь скоро станетъ невыносимо".

Жена генеральнаго консула была права, фру Андерсонъ стала дѣйствительно невыносима—для всѣхъ, кромѣ мужчинъ. Для нихъ она внесла удивительную жизнь. И съ перваго взгляда это было какъ-то непонятно. Красива лицомъ она не была нисколько, и у нея вовсе не было свѣтлыхъ глазъ, какъ у фру Трампе, сравнивать ихъ и думать нечего было. Но у нея были темные опасные глаза, вотъ что у нея было. Къ этому надо прибавить, что ея брови походили на двухъ темныхъ піявокъ, которыя соприкасались своими головками и имѣли въ себѣ что-то мистическое. И молодая она была, и почти бѣлокурая, и ротъ ея былъ, какъ цвѣтокъ.

Хорошо...

Фру Андерсонъ вставала утромъ слишкомъ поздно и хозяйкѣ пришлось напомнить ей строгое росписаніе дня въ пансіонѣ: первый завтракъ въ девять часовъ ровно.

Фру Андерсонъ отвѣтила:

„Я буду приходить ровно въ девять часовъ—только не утра".

Тутъ самъ генеральный консулъ посмотрѣлъ на нее. Онъ встрѣтилъ ея взглядъ. И генеральный консулъ былъ не такимъ человѣкомъ, чтобы кто-нибудь долженъ былъ научить его читать во взглядѣ. Онъ происходилъ изъ семьи поэтовъ и самъ сочинялъ отмѣнные стихи о природѣ и человѣкѣ.

Какой явный пожаръ горѣлъ въ этихъ женскихъ глазахъ среди бѣла дня! Генеральный консулъ видѣлъ это: это были глаза, въ которыхъ зажигалось желаніе...

Когда фру Андерсонъ представили счетъ, она безъ стѣсненія попросила подождать. У нея не было денегъ, сказала она, но на этихъ же дняхъ у нея будетъ возможность заплатить.

Вечеромъ у нея завязался разговоръ съ совѣтникомъ Адами. Онъ какъ разъ переживалъ свою вторую молодость, годы, когда послѣдняя вспышка дѣлаетъ человѣка неестественно молодымъ. Вопросы и отвѣты фру Андерсонъ необычайно тѣшили этого лысаго изящнаго господина.

Когда его жена вызвала его, генеральный консулъ немедленно занялъ его мѣсто. И онъ долго поджидалъ этой минуты.

Онъ сказалъ:

„Я завидовалъ совѣтнику во время его длиннаго разговора съ вами".

„Я ждала васъ, господинъ генеральный консулъ", возразила фру. „Между прочимъ, чтобы васъ спросить что-то и поблагодарить васъ".

„Что такое?"

„Это вы велѣли поставить цвѣты въ мою комнату?"

„Цвѣты? Я долженъ сознаться... А вамъ цвѣты"...

„Извините", сказала фру. „Я правда уже слишкомъ много себѣ вообразила".

Поэзія ударила въ голову генеральному консулу, благодаря этимъ таинственнымъ цвѣтамъ, и онъ разразился слѣдующимъ потокомъ словъ:

„Ахъ, Господи, я долженъ былъ это сдѣлать. Мы всѣ должны были это дѣлать. И каждый день".

„Я люблю цвѣты", сказала фру. „Но я слишкомъ бѣдна, чтобы покупать ихъ себѣ".

И такъ случилось, что она стала разсказывать разныя разности изъ своей жизни, и генеральный консулъ сталъ тоже разсказывать. Никогда прежде онъ не былъ такъ сообщителенъ съ чужими. Кончилось тѣмъ, что онъ совсѣмъ растаялъ.

Фру сказала:

„Но вы женаты, господинъ генеральный консулъ!"

„Въ любви приноситъ больше счастья смотрѣть впередъ, а не назадъ", возразилъ онъ и вздохнулъ.

А на слѣдующій день генеральный консулъ сидѣлъ за обѣдомъ, смущенный и лихорадочно настроенный; виной тому было маленькое стихотвореніе, которое онъ потихоньку всунулъ въ салфетку фру Андерсонъ. Когда она нашла его и начала читать, онъ обернулся къ своему сосѣду со словами:

„Фу, сегодня здѣсь жарче, чѣмъ когда-нибудь!"

Перешептывались, что это, несомнѣнно, совѣтникъ, старый плѣшивый совѣтникъ, послалъ розы въ комнату фру Андерсонъ. Но самой фру онъ это отрицалъ.

„Нѣтъ, нѣтъ, это не я", сказалъ онъ, „и мнѣ не въ чемъ сознаваться".

Фру внезапно посмотрѣла на него съ удивленіемъ. Она приподняла нѣсколько брови, эти двѣ тонкія піявки, что соприкасались головками, и сказала:

„Какъ хорошо вы это сказали! Вашъ голосъ—какъ низкія ноты арфы. Господинъ совѣтникъ, быть можетъ, поетъ?"

„Ну... не то, чтобы... т. е. немного, конечно, приходилось".

Какъ будто онъ юношей былъ. Конечно, это здоровый воздухъ и море сдѣлали его такимъ свѣжимъ и пылкимъ.

Жена совѣтника послала за нимъ, но онъ не двинулся съ мѣста.

„ Я не пойду", сказалъ онъ. Оставили бы меня въ покоѣ. И что отъ меня понадобилось?"

И фру Андерсонъ кивнула и взяла его сторону: Конечно, пусть сидитъ.

„Мы же можемъ говорить о дѣлахъ", сказала она. „Тогда, вы можете вѣрно остаться?".

„Да, съ вами я бы хотѣлъ имѣть дѣло, фру Андерсонъ. Скажите! Пусть у насъ съ вами будетъ какое-нибудь маленькое дѣло!"

„А не большое?"

„Нѣтъ, почему же, и большое. Чѣмъ больше, тѣмъ лучше, ха, ха, ха. Да благословитъ васъ Богъ!"

Но фру Андерсонъ была очень серьезна. Она хотѣла за-

страховать его жизнь. „Ахъ, вотъ что", сказалъ озадаченный совѣтникъ, фру — страховой агентъ?

„Видите ли, это было нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Мнѣ пришлось зарабатывать, помогать своему мужу. Что же мнѣ было дѣлать?"—И она стала объяснять, что она совсѣмъ не хочетъ дорого брать; страховка могла быть и небольшая.

„Нѣтъ", сказалъ совѣтникъ, „если ужъ страховать жизнь, такъ въ большой суммѣ. И, можетъ быть, вообще не глупо страховать свою жизнь".

„Я пошлю бумаги домой своему мужу для подписи", сказала фру Андерсонъ. „Васъ для проформы долженъ освидѣтельствовать врачъ, хотя вы и здоровы, какъ юноша. Врачъ этого общества не замедлитъ пріѣхать".

Когда совѣтникъ встрѣтился съ своей женой, онъ сказалъ ей коротко:

„У меня были дѣловые переговоры, и я не могъ ихъ прервать. Что тебѣ отъ меня надо?"

„У тебя были дѣловые переговоры? Съ ней?"

„Я застраховалъ свою жизнь. Это имѣетъ необычайное значеніе быть застрахованнымъ. Она представительница лучшаго общества".

„Худшаго общества", былъ двусмысленный отвѣтъ совѣтницы, „худшаго общества она представительница".

Совѣтникъ былъ очень радъ, что онъ могъ оказать услугу фру Андерсонъ. Онъ самъ настаивалъ, чтобы поскорѣй покончить съ этимъ дѣломъ, и когда появился врачъ изъ сосѣдняго мѣстечка, совѣтникъ въ наилучшемъ расположеніи духа подвергся освидѣтельствованію.

Конечно, онъ не страдалъ ничѣмъ, рѣшительно ничѣмъ.

Фру Андерсонъ протянула ему руку и поблагодарила его.

„Развѣ я дѣйствительно оказалъ вамъ этимъ услугу?" спросилъ онъ.

„Очень большую. Помощь. Мнѣ не хотѣлось бы говорить больше".

Тогда совѣтникъ далъ восторжествовать лучшему, самому лучшему, что было въ немъ, и сказалъ:

„Я думаю, что въ сущности, я бы могъ также уговорить генеральнаго консула сдѣлать то же, что сдѣлалъ я, если бъ вамъ это было пріятно".

Тогда фру Андерсонъ назвала его благодѣтелемъ и другомъ. Она въ то же мгновеніе посмотрѣла вокругъ, и странно покраснѣли ея щеки.

„Я думаю, мы бы могли тотчасъ же сдѣлать это, пока здѣсь врачъ этого общества", сказалъ совѣтникъ генеральному консулу. „Мы сдѣлаемъ этимъ доброе дѣло. Она не то, что мнѣ это прямо сказала, но..."

„А мнѣ она прямо сказала, что она бѣдная", возразилъ генеральный консулъ. „Мнѣ ее искренно жаль. Красивое дитя, глаза опасные".

Поэтъ взялъ въ немъ верхъ, онъ не хотѣлъ отстать отъ совѣтника, хотѣлъ застраховать себя въ такую же высокую сумму. Кромѣ того, у него было еще одно маленькое личное основаніе оказать фру Андерсонъ эту услугу: она только что благодарила его за его стихотвореніе съ такимъ горячимъ чувствомъ, что этого нельзя было назвать иначе, какъ порывомъ сердца. Поэтъ продолжалъ волноваться въ немъ и онъ сказалъ:

„А что если бъ мы застраховали и жизнь нашихъ женъ?"

„Что? нашихъ женъ?" спросилъ совѣтникъ. „Нѣтъ, ничего не выйдетъ, я свою ни за что не уговорю. Вы знаете: Освидѣтельствованіе. Нѣтъ, никогда".

„А я держусь того мнѣнія, что мы почти обязаны это сдѣлать".

Наступило молчаніе. Совѣтникъ усиленно соображалъ.

„Она должна это сдѣлать!" вскричалъ онъ вдругъ. „Я сейчасъ пойду къ ней".

Рѣдко когда совѣтница видѣла своего мужа выступающимъ столь опредѣленно, онъ не терпѣлъ никакихъ возраженій.

„Мы обязаны это сдѣлать!“ сказалъ онъ, наконецъ, словами генеральнаго консула.

„Обязаны?“

Тогда совѣтникъ, находчиво и хитро, и не выдавая себя нисколько, торжественно склонилъ голову и сказалъ:

„Да, мы обязаны это сдѣлать. У насъ есть дочь, съ которой намъ когда-нибудь придется разстаться“.

И несмотря на то, что дочь была уже давно замужемъ, за двумя милліонами, нельзя было найти никакого возраженія противъ такой торжественности...

Чужому врачу была масса дѣла съ освидѣтельствованіемъ всѣхъ этихъ важныхъ господъ внутри и снаружи, и съ выдачей имъ аттестатовъ, сообразно съ состояніемъ ихъ здоровья. Это былъ молодой человѣкъ, темноглазый, въ свѣтломъ костюмѣ. Левъ Оксенстандъ не могъ при немъ разойтись, напротивъ, онъ совсѣмъ былъ незамѣтенъ въ тѣ дни, когда чужой докторъ находился въ пансіонѣ. Сначала онъ пытался оставаться совсѣмъ равнодушнымъ къ этому; но когда и у фру Трампе, красавицы, глаза начинали блистать при видѣ доктора, добрѣйшій Левъ терялъ голову.

„Вы играли мной“, сказалъ онъ фру Трампе. Онъ говорилъ это ежедневно, и повторялъ свои упреки.

Какъ-то разъ она отвѣтила ему безъ всякихъ околичностей, потому что Левъ Оксенстандъ надоѣлъ ей:

„Я вами не играла. Но я не люблю васъ такъ, какъ вы этого хотите. Да и что изъ этого могло бы выйти? Я замужемъ, подумайте объ этомъ“.

„Вамъ бы слѣдовало начать съ этого“, возразилъ онъ. „Но вы, напротивъ, не говорили объ этомъ съ самаго начала“.

„Но мы будемъ добрыми, добрыми друзьями, не правда ли?“ продолжала она.

Тутъ засмѣялся Левъ.

„И вы будете мнѣ какъ сестра, не такъ ли?“

Она изъ-за доктора потеряла голову, и вечеромъ въ саду говорила съ нимъ.

„Я знаю кого-то, кто могъ бы быть счастливѣе“, сказала она и вспыхнула вся.

„Но это не вы?“

„Нѣтъ, это я. Вы врачъ и понимаете это. Такъ опасно въ деревнѣ жить вотъ такой здоровой, какъ я. И здѣсь нѣтъ никого, съ кѣмъ можно было бы говорить. Здѣсь не было никого, пока вы не пріѣхали“.

Оксенстандъ проходилъ мимо. Казалось, онъ искалъ, кого бы ему убить.

„Это фру Андерсонъ можетъ быть съ вами, когда захочетъ“, продолжала она.

Докторъ засмѣялся:

„Когда мы дѣла дѣлаемъ. Мы страхуемъ жизнь. Она кучами загребаетъ деньги... Покажите-ка мнѣ ваше кольцо. Дайте же мнѣ вашу руку. Не хотите? На минутку лишь?“

„Нѣтъ, я не рѣшаюсь. А фру Андерсонъ даетъ свою руку?.. Господи, я кладу теперь свою руку въ вашу, какъ будто я даю на что-то согласіе. Но, Боже мой, я этого совсѣмъ не хочу, я ни на что не даю согласія, вы поймите меня. Но что это вы дѣлаете?“

Она отдернула свою руку.

Но онъ успѣлъ поцѣловать ее.

„Какая у васъ тонкая и теплая рука“, сказалъ онъ.

Фру Андерсонъ проша мимо нихъ. Ревность ли пробудилась въ ней, ея глаза такъ странно засверкали, когда она увидала ихъ вмѣстѣ. Фру Андерсонъ гордо прошла мимо. Но, когда Левъ Оксенстандъ, сидѣвшій на верандѣ, заговорилъ съ ней, она очень охотно отвѣтила ему. И они сидѣли долго и лихорадочно разговаривали, какъ будто у обоихъ было основаніе показать тѣмъ двумъ въ саду, что они наконецъ нашли другъ друга.

Фру Андерсонъ уже не боялась счетовъ. Она платила въ пан-

сіонъ, какъ будто ея маленькій долгъ былъ совсѣмъ ничтоженъ, такъ на чаекъ, остатокъ большихъ страховыхъ премій. А совѣтникъ темными вечерами бросалъ ей въ окно большіе букеты. Конечно она была въ большой немилости у всѣхъ дамъ; но что ей было до этого! У нея было каменное сердце для всѣхъ, кромѣ тѣхъ, которыми она интересовалась. Такъ не пользовался никакой симпатіей ея несчастный конкуррентъ страховой агентъ Андерсонъ. Это было животное, не говорившее ничьему сердцу. Изъ немногихъ словъ, которыми они обмѣнивались, всѣ присутствовавшіе могли видѣть и слышать, какія между ними отношенія: никакихъ. Смерть и запустѣніе.

Агентъ Андерсонъ имѣлъ совсѣмъ видъ опаснаго заговорщика.

Одной теплой ночью совѣтникъ высунулся въ окно, чтобы освѣжиться. Было тепло и онъ слышалъ только шелестъ деревьевъ въ саду. Ему пришло въ голову посмотрѣть на окна фру Андерсонъ въ нижнемъ этажѣ: закрыты ли окна, потушены ли лампы, и спитъ ли она сама. Вдругъ въ темнотѣ онъ слышитъ, что открывается окошко, одно изъ оконъ фру Андерсонъ, изъ него выпрыгиваетъ человѣкъ на землю. Совѣтникъ почувствовалъ себя уязвленнымъ, онъ не могъ спать эту ночь.

Утромъ онъ хранилъ свою тайну, какъ мужчина, но днемъ онъ отказался отъ борьбы съ самимъ собой. Онъ отправился къ фру Мильде и разсказалъ ей все.

Оказалось, что эти два пансіонера, познакомившіеся только здѣсь, были очень подвигнуты во взаимномъ пониманіи. Должно быть здоровый морской воздухъ былъ этому причиной.

„Какое тебѣ дѣло до фру Андерсонъ, милый!“ сказала фру Мильде.

„Я этого не выношу“, возразилъ совѣтикъ. „Нужно же имѣть покой ночью!“

Фру Мильде бросилась ему на шею и плакала, и заклинала его думать только о ней, исключительно о ней одной. Больше ни о комъ. А иначе она не вынесетъ.

„Да — да — да“, сказалъ совѣтникъ. „Ну да, конечно, только о тебѣ. Исключительно. Но... Конечно, я же говорю, только о тебѣ“. Но фру Мильде продолжала плакать и упрекала его, что дни проходятъ за днями, и она не видитъ его. И она сказала: „Это виновата чужая женщина, что ты знать меня не хочешь“.

„Ты бы не могла мнѣ сказать, кто этотъ шалопай, котораго она принимаетъ по ночамъ?“, сказалъ совѣтникъ, очнувшись отъ своихъ размышленій.

Тогда фру Мильде разразилась:

„Вотъ видишь, ты опять думалъ о ней! Нѣтъ, я этого не выдержу!“

Добрыхъ полчаса пришлось совѣтнику остаться у нея, и ублажать ее, и дѣлать все возможное, чтобы вернуть ей хорошее расположеніе духа. Прежде чѣмъ уйти, онъ все же сказалъ съ большимъ достоинствомъ:

„Я думаю, намъ все же придется быть другъ съ другомъ какъ брату съ сестрой“.

И было довольно странно, что фру Мильде настолько смягчилась, что выслушала эти слова совѣтника безъ слезъ. Она откинулась на спинку софы и вскорѣ послѣ этого задремала.

А совѣтникъ пошелъ съ своей тайной дальше, къ генеральному консулу. И какъ было глупо съ его стороны обращаться къ женщинѣ въ такомъ случаѣ.

„Я васъ не подозрѣваю, не вы были у нея сегодня ночью“, сказалъ онъ генеральному консулу. „И вы обо мнѣ этого не подумаете“.

„Нѣтъ, ни во-вѣки вѣковъ!“, сказалъ генеральный консулъ въ поэтическомъ подъемѣ чувствъ.

И глаза обоихъ просвѣтлѣли отъ взаимнаго довѣрія.

Они обсудили приключеніе и рѣшили, что герой его Левъ Оксенстандъ. Совѣтникъ былъ приглашенъ и впредь слѣдить за окномъ соблазнительницы.

„Все же очень досадно", сказалъ совѣтникъ, „если Оксенстандъ нашелъ къ ней доступъ. Вѣдь это же мы, вы и я, были ея настоящими друзьями".

„Если это Оксенстандъ, я поговорю съ хозяйкой", сказалъ генеральный консулъ. „Его надо будетъ удалить. Я этого не выношу".

Совѣтникъ отвѣтилъ:

„Я тоже. Я глазъ не закрылъ сегодня ночью"...

Вышеупомянутый Оксенстандъ давалъ поводъ ко многимъ подозрѣніямъ. Фру Андерсонъ все больше и больше дѣйствовала на него, и онъ въ присутствіи всѣхъ ухаживалъ за ней и нашептывалъ ей нѣжныя слова. А его прежняя любовь, красавица, отходила для него все больше и больше въ тѣнь.

Онъ отвелъ въ сторону Отто Менгеля, коммерсанта, и сталъ говорить съ нимъ о деньгахъ, о большой суммѣ денегъ, о новомъ займѣ.

„Нѣтъ", сказалъ ростовщикъ, „ это будетъ слишкомъ много. Вамъ и безъ того навѣрно трудно приходится съ тѣмъ, что я вамъ раньше давалъ".

„Нѣтъ, нисколько. Тутъ вы совершенно ошибаетесь. Кромѣ того, мой дядя скоро умретъ. Я только что получилъ письмо: онъ умретъ въ самомъ ближайшемъ будущемъ".

„Ну, такъ будемъ надѣяться", сказалъ Отто Менгель.

Но не захотѣлъ больше дать денегъ.

И наступили тяжкіе дни для льва. Онъ уже объявилъ, что хочетъ застраховать свою жизнь у фру Андерсонъ, и теперь не могъ сдержать слова. Наконецъ, въ одинъ прекрасный день онъ получилъ телеграмму, что дядя его умеръ, и Отто Менгель немедленно предложилъ ему нужную сумму. Но такихъ баснословныхъ процентовъ льву никогда еще не

приходилось платить. И все же онъ на все молчалъ, потому что онъ самъ послалъ себѣ эту телеграмму.

Затѣмъ опять случилось, что въ одну темную ночь окно фру Андерсонъ открылось, и изъ него выпрыгнулъ человѣкъ. Злосчастный совѣтникъ Адами лежалъ тамъ наверху и сторожилъ, онъ могъ все видѣть, но ничего, рѣшительно ничего не могъ предпринять. Утромъ онъ вмѣстѣ съ генеральнымъ консуломъ отправился подъ окна фру Андерсонъ, чтобы разсмотрѣть слѣды.

„Совсѣмъ особенные слѣды", сказалъ генеральный консулъ.

„Это отъ башмаковъ съ каблуками, подкованныхъ желѣзомъ", сказалъ совѣтникъ.

На слѣдующую ночь они осмотрѣли со свѣчей всѣ башмаки, выставленные у дверей комнатъ, и они нашли одну пару съ такими каблуками; это были башмаки агента Андерсона.

Никогда въ жизни эти два пожилыхъ господина не испытывали такого удивленія. И оба были возмущены и не хотѣли больше этого терпѣть. Утромъ они дѣлали разные намеки агенту, и молодую легкомысленную женщину они тоже помучили.

„У васъ подъ окномъ были какіе-то люди сегодня ночью", сказалъ совѣтникъ.

„Да", сказалъ и генеральный консулъ, „какъ разъ подъ вашимъ окномъ. Глубокой темной ночью".

„Что вы говорите?", возразила фру. „Это были воры?"

„Какой-то человѣкъ, плотнаго тѣлосложенія. Лѣтъ тридцати. Въ темномъ костюмѣ. Съ желѣзными каблуками, какъ носятъ мужики".

„Я боюсь теперь спать въ своей комнатѣ".

И ей больше ужъ и не пришлось спать въ своей комнатѣ.

Днемъ фру Андерсонъ нигдѣ не было видно, и за обѣденнымъ столомъ мѣсто ея оставалось пустымъ. Рядомъ съ

нимъ было еще одно пустое мѣсто. Это было мѣсто врача страхового общества. „Куда они дѣвались? Куда только они могли дѣваться?“ спрашивали всѣ. Только агентъ Андерсонъ изъ сосѣдняго мѣстечка закусилъ губу и имѣлъ видъ упорнаго молчаливаго заговорщика.

Его физіономія нисколько не смягчилась, когда хозяйка вызвала его къ себѣ въ контору, и сообщила ему, что его видѣли ночью вылѣзающимъ изъ окна фру Андерсонъ.

„А дальше что?“ сказалъ Андерсонъ.

„Вамъ надо будетъ уѣхать, г. директоръ“, сказала хозяйка. „Въ моемъ домѣ не можетъ происходить ничего подобнаго“.

Андерсонъ пробормоталъ:

„Это еще не худшее, что я былъ въ ея комнатѣ и что долженъ уѣхать“.

„Я уже послала за экипажемъ для васъ“.

„Худшее то, что они теперь уѣхали“, продолжалъ Андерсонъ. „Можетъ быть, вы скажете мнѣ, куда они поѣхали?“

„Этого я не могу вамъ сказать“, возразила хозяйка.

Андерсонъ продолжалъ говорить про себя:

„Подозрѣвалъ я ужъ ихъ давно. Но я надѣялся, что она сократится здѣсь, въ чужомъ мѣстѣ“.

„Мнѣ сдается, что вамъ бы не мѣшало сократиться“.

Андерсонъ пришелъ въ волненіе и сказалъ:

„Мнѣ нужно было къ ней, заготовить бумаги, чтобы подписать полисы. Понимаете вы теперь?“

„А вамъ какое дѣло до полисовъ? Она же вамъ чужая“.

„Она? Мнѣ чужая? Жена она моя, и больше ничего“.

„Ваша жена?“ спросила хозяйка недовѣрчиво.

„Она была моей женой“, вскричалъ агентъ Андерсонъ. „Я здѣсь измучился, никакого дѣла не могъ сдѣлать, написалъ ей, чтобы она пріѣхала, а она теперь взяла да и скрылась съ докторомъ. Обошли меня оба; и всѣ деньги взяли съ собой“.

Цѣлую минуту молчала хозяйка и раздумывала объ услышанномъ. У ней еще оставалось подозрѣніе.

„Но свою жену можно же навѣщать днемъ“, сказала она, дѣлая еще слабую попытку.

„А развѣ нельзя свою жену навѣщать ночью?“ спросилъ Андерсонъ озлобленно...

Это было настоящимъ ударомъ для всего пансіона, когда всѣ мужчины поняли, что эта хитрая женщина ихъ провела. Агентъ Андерсонъ выкладывалъ одну бумагу за другой и доказывалъ, что эта дама была его законной женой. Это было несомнѣнно, и при страхованіи всѣхъ пансіонеровъ они дѣйствовали сообща. Левъ Оксенстандъ охотнѣе всего уничтожилъ бы свою страховую премію, но онъ принужденъ былъ молчать изъ-за своей злосчастной телеграммы. Совѣтникъ Адами и генеральный консулъ грозили жаловаться на Андерсона.

„Пожалуйста, жалуйтесь!“ возразилъ агентъ. „Вы застраховались у меня, полисы дѣйствительны, моя подпись сдѣлала ихъ дѣйствительными“.

И агенту Андерсону не пришлось даже бѣжать сломя голову изъ пансіона, какъ вначалѣ этого отъ него требовали. Всѣ мужчины осудили эту уловку пользоваться собственной женой какъ посредникомъ; но всѣ дамы заступились за агента, и своимъ участіемъ сдѣлали ему сносной жизнь въ пансіонѣ. Радуясь на исчезновеніе опасной женщины, они зашли такъ далеко, что стали прямо утѣшать его въ его несчастіи.

„Ужъ она конечно вернется!“ говорила фру Мильде. „Она сознаетъ, что только вы правы, а никто другой въ цѣломъ мірѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, со мной бываетъ относительно моего мужа“.

И фру Трампе, красавица, которую темноглазый докторъ такъ позорно обманулъ, увѣряла, что у нея съ мужемъ тоже бываетъ такъ, и что онъ единственный, да, единственный, на землѣ...

Но агентъ Андерсонъ грустилъ по своему.

„Конечно, она вернется", сказалъ онъ. „Я жду ее, потому что она такъ хорошо умѣетъ страховать жизни. Но, если она еще разъ сбѣжитъ съ преміями, это будетъ мнѣ обходиться слишкомъ дорого".

Недѣли черезъ три послѣ этого пришло письмо отъ сбѣжавшей жены, что она падаетъ къ его ногамъ и на колѣняхъ проситъ прощенія у своего мужа. И глаза ея полны слезъ, писала она. А о докторѣ не спрашивай, стояло дальше въ письмѣ, потому что онъ уѣхалъ навсегда.

Агентъ Андерсонъ невольно кивнулъ головой:

„Что я говорилъ! Вѣдь вотъ вернулась! Но, если она еще разъ это сдѣлаетъ и кассу съ собой возьметъ, такъ я ее разыщу съ полиціей".

И агентъ Андерсонъ перебрался къ себѣ домой.

Въ тотъ же вечеръ фру Трампе, красавица, ходила взадъ и впередъ по комнатѣ и ломала руки отъ избытка здоровья. Она успѣла забыть доктора и дала вспыхнуть своему чувству ко Льву Оксенстанду. Такъ какъ Левъ Оксенстандъ тоже совершенно поправился, благодаря деревенской жизни и морскому воздуху, то они оба обрадовались другъ другу, какъ никогда прежде.

Онъ обнялъ ее и сказалъ.

„Ну, теперь вы не уйдете отъ моей вѣчной любви".

Она не отказала, она улыбнулась и прошептала: „Въ лѣтнемъ упоеніи"... И ни одного „Нѣтъ" не сорвалось у нея.

Совѣтникъ Адами не видѣлъ другого исхода, какъ вернуться опять къ фру Мильде. Но та отомстила ему, и очень жестоко, за то, что онъ однажды, въ бѣшенствѣ, хотѣлъ быть ей братомъ: два вечера подрядъ она сидѣла и занималась ни съ кѣмъ другимъ, какъ съ поэтическимъ генеральнымъ консуломъ. Только на третій вечеръ она сказала: „Ну, на пробу!" И опять у нихъ съ совѣтникомъ пошло все по хорошему.

ЖЕНСКАЯ ПОБѢДА.

Я былъ кондукторомъ на конно-желѣзной дорогѣ въ Чикаго.

Вначалѣ я былъ приставленъ къ линіи Хальстэдъ, къ конкѣ, которая ходила между центромъ города и рынкомъ скота. Мы, служащіе, ночью были совершенно беззащитны на этой линіи передъ темными личностями, которыя слѣдовали по этой дорогѣ ночною порой. Мы не смѣли ни въ кого стрѣлять, не смѣли никого убивать, потому что денежная отвѣтственность падала на общество этой конно-желѣзной дороги; что касается меня, у меня тоже не было револьвера, и мнѣ оставалось только полагаться на свое счастье. Впрочемъ, совсѣмъ безоружнымъ рѣдко бываешь: такъ, у меня былъ оцѣпъ тормаза, который снимался сразу и могъ оказать большую помощь. Впрочемъ, больше одного раза мнѣ не пришлось имъ пользоваться.

Въ 1886 году я простоялъ всѣ рождественскія ночи въ вагонахъ конно-желѣзной дороги, и со мной ничего не случилось. Большая партія ирландцевъ возвращалась съ рынка скота и заняла весь мой вагонъ, они были пьяны и съ собой у нихъ были бутылки, они горланили во-всю, и не пожелали платить за мѣста, несмотря на то, что ужъ мы тронулись. Они платили, видите ли, компаніи въ продолженіе цѣлаго года, утромъ и вечеромъ по пять центовъ, говорили они, а теперь Рождество, и они одинъ разъ хотятъ не заплатить. Ихъ разсужденіе было совсѣмъ не глупо; но дать имъ проѣхать даромъ я не рѣшился, изъ страха „шпіоновъ",

которые состояли на службѣ у компаніи, и обязаны были наблюдать за честностью кондукторовъ. По дорогѣ въ вагонъ вошелъ констэбль. Онъ постоялъ нѣсколько минутъ, сказалъ нѣсколько словъ о Рождествѣ и погодѣ и затѣмъ соскочилъ, потому что насъ и безъ того было слишкомъ много. Я зналъ, что по одному слову констэбля, всѣ бы пассажиры заплатили свои пять центовъ; но я ничего не сказалъ. „Что же вы на насъ не пожаловались?“ спросилъ одинъ. „Счелъ излишнимъ“, возразилъ я, „я же имѣю дѣло съ джентльмэнами“. Тутъ нѣсколько изъ нихъ принялись надо мной хохотать; другіе же взяли мою сторону и нашли выходъ въ томъ, что заплатили за всѣхъ.

На слѣдующее Рождество я попалъ на линію Коттэджъ. Это была перемѣна весьма значительная. У меня теперь былъ поѣздъ въ два или три вагона, которые двигались посредствомъ подземнаго каната; публика въ этой части города была очень важная, и мнѣ приходилось монеты собирать въ перчаткахъ. Зато здѣсь не было никакого напряженія, а видѣть и слышать всю эту массу людей очень скоро утомляло.

Все же маленькое приключеніе мнѣ было суждено пережить на Рождествѣ въ 1887 г.

Въ сочельникъ, въ послѣобѣденное время, я провожалъ свой вагонъ въ городъ; въ то время у меня была денная служба. Ко мнѣ въ вагонъ входитъ господинъ и начинаетъ со мной разговоръ; если мнѣ нужно въ другіе вагоны, онъ ждетъ, пока я не возвращусь на заднюю платформу, гдѣ было мое мѣсто, и продолжаетъ начатый разговоръ. Ему около тридцати лѣтъ, онъ блѣденъ, съ усами, и очень изящно одѣтъ, на немъ нѣтъ пальто, хотя было довольно холодно.

„Я уѣхалъ изъ дому какъ былъ“, сказалъ онъ. „Я хотѣлъ опередить мою жену“.

„Рождественскіе подарки“, замѣтилъ я.

„Совершенно вѣрно“, отвѣтилъ онъ и улыбнулся.

Но это была странная улыбка, гримаса, нервное подергиваніе рта.

„Сколько вы зарабатываете?“ спросилъ онъ.

Это нисколько не удивительный вопросъ въ странѣ янки, итакъ я сказалъ ему, сколько я зарабатываю.

„Хотите заработать десять долларовъ сверхъ того?“ спросилъ онъ.

Я сказалъ: „Да“.

Онъ вынулъ изъ кармана свой бумажникъ и протянулъ мнѣ прямо бумажку. Онъ прибавилъ, что чувствуетъ довѣріе ко мнѣ.

„Что мнѣ надо будетъ сдѣлать?“ спросилъ я.

Онъ попросилъ меня показать ему росписаніе моего дня, и сказалъ: „Вы сегодня восемь часовъ будете ѣздить?“

„Да“.

„Окажите мнѣ услугу въ одинъ изъ вашихъ рейсовъ. Здѣсь на углу улицы Монроэ мы проѣзжаемъ надъ отверстіемъ одного бассейна, который ведетъ къ подземному ходу. Надъ этимъ отверстіемъ крышка; эту крышку я приподниму и спущусь внизъ“.

„Вы хотите лишить себя жизни?“

„Не совсѣмъ. Но хочу сдѣлать какъ будто бы“.

„Ага!“

„Вы должны остановить вашъ поѣздъ и достать меня изъ этой дыры, даже если я буду оказывать сопротивленіе“.

„Хорошо, такъ будетъ“.

„Благодарю васъ. Впрочемъ, я не сумасшедшій, какъ вы, быть можетъ, предполагаете. Я все это дѣлаю жены моей ради, пусть она увидитъ, что я хотѣлъ лишить себя жизни“.

„Ваша жена, значитъ, будетъ находиться въ моемъ поѣздѣ?“

„Да. Она будетъ сидѣть въ the Grip“.

Я изумился. The Grip былъ вагонъ машиниста, который стоялъ и управлялъ поѣздомъ; это была платформа

безъ стѣнъ, тамъ было холодно зимой, и никто туда не садился.

„Она поѣдетъ въ the Grip", повторилъ этотъ человѣкъ. „Она обѣщала это своему любовнику въ письмѣ, ѣхать тамъ сегодня и подать ему знакъ, когда она сядетъ въ поѣздъ".

„Хорошо, но я долженъ вамъ напомнить, чтобы вы возможно скорѣй сняли крышку съ отверстія съ бассейна, и не задерживаясь спустились въ дыру, а то насъ нагонитъ другой поѣздъ, мы ѣздимъ каждыя три минуты".

„Я все это знаю", возразилъ человѣкъ. „Крышка будетъ поднята, когда я тамъ буду. Она уже теперь поднята".

„А еще: какъ вы можете знать, съ какимъ поѣздомъ поѣдетъ ваша жена?"

„Объ этомъ мнѣ сообщатъ по телефону. У меня есть люди, которые слѣдятъ за нею. На моей женѣ будетъ коричневый мѣховой костюмъ, вы ее легко узнаете—она очень красива. Если она упадетъ въ обморокъ, вы ее доставьте въ угловую аптеку на улицѣ Монроэ".

Я спросилъ:

„А вы говорили съ машинистомъ?"

„Да", сказалъ человѣкъ, „и я далъ ему ту же сумму, что и вамъ. Но я не хочу, чтобы вы шутили на мой счетъ. Не говорите совсѣмъ объ этомъ".

„Хорошо".

„Вы будете въ the Grip, когда будете подъѣзжать къ улицѣ Монроэ, смотрите внимательно. Когда вы увидите мою голову надъ отверстіемъ бассейна, вы дадите сигналъ къ остановкѣ, и поѣздъ остановится. Машинистъ поможетъ вамъ уговорить меня и вытащить изъ отверстія бассейна, сколько бы я ни утверждалъ, что хочу умереть.

Я подумалъ немного обо всемъ этомъ и сказалъ:

„Мнѣ кажется, вы могли бы сберечь ваши деньги, и никого не посвящать въ вашъ умыселъ. Вы бы просто могли спуститься въ ту дыру".

„Господи Боже мой!" воскликнулъ человѣкъ, „а если бъ машинистъ меня не замѣтилъ, вы бы меня не замѣтили! Никто!"

„Да, вы правы".

Мы поговорили еще о томъ-о семъ, человѣкъ доѣхалъ до послѣдней станціи, и когда мой поѣздъ возвращался, поѣхалъ и онъ назадъ.

На углу улицы Монроэ онъ сказалъ:

„Вотъ аптека, въ которую вы отнесете мою жену, если ей сдѣлается дурно".

Затѣмъ онъ спрыгнулъ съ поѣзда.

Я сталъ богаче на десять долларовъ; слава Тебѣ, Господи, случаются и счастливые дни въ жизни! Въ продолженіе всей зимы, я защищался отъ рѣжущаго вѣтра, обложивъ себѣ грудь и спину слоемъ газетной бумаги. При каждомъ движеніи я шуршалъ самымъ непріятнымъ образомъ, и товарищи смѣялись надо мной. Теперь этихъ денегъ должно было, между прочимъ, хватить и на мѣховую куртку замѣчательной плотности. Когда въ слѣдующій разъ товарищи будутъ приставать ко мнѣ, чтобы послушать, какъ я шуршу, я этого не потерплю...

Я сдѣлалъ два рейса въ городъ, сдѣлалъ три; ничего не случилось. Когда я въ четвертый разъ собирался отъѣзжать со станціи Коттэджъ, въ вагонъ вошла дама и сѣла въ the Grip. На ней былъ коричневый мѣховой костюмъ. Когда я пошелъ, чтобы получить съ нея за мѣсто, она посмотрѣла на меня, повернувшись ко мнѣ всѣмъ лицомъ. Она была очень молода и красива, глаза у нея были совершенно невинные и голубые. Бѣдняжка, вамъ предстоитъ большой испугъ, подумалъ я; но вы, конечно, совершили маленькій грѣхъ, и должны нести за него наказаніе. Во всякомъ случаѣ, для меня будетъ удовольствіе бережно отнести васъ въ аптеку.

Мы покатили къ городу.

Со своей платформы я замѣтилъ, что машинистъ вдругъ заговорилъ съ этой дамой. О чемъ онъ могъ съ ней говорить? Кромѣ того, ему было запрещено во время службы разговаривать съ пассажирами. Къ моему изумленію, я вижу, что дама даже пересаживается однимъ мѣстомъ ближе къ машинисту, а онъ стоитъ у своей машины и напряженно слушаетъ, что она ему говоритъ.

Дальше мы въѣзжаемъ въ городъ, останавливаемся, къ намъ входятъ люди, мы останавливаемся—люди выходятъ—все идетъ своимъ чередомъ.—Мы подъѣзжаемъ къ улицѣ Монроэ. Я думаю про себя: этотъ оригинальный молодой человѣкъ умно выбралъ себѣ мѣсто, уголъ Монроэ тихое мѣсто, гдѣ ему едва ли помѣшаютъ спрятаться въ отверстіе бассейна. Дальше, я думаю, что я часто видалъ рабочихъ конно-желѣзной дороги, спускающихся въ отверстіе бассейна, чтобы производить ремонтъ того, что попортилось. Но, если бы какому-нибудь рабочему пришло въ голову остаться въ этой дырѣ, когда поѣздъ идетъ надъ ней, его бы навѣрно разрѣзало пополамъ; желѣзная скоба, которая идетъ внизъ отъ the Grip къ кабелю, снесла бы ему голову. Слѣдующая улица была Монроэ, поэтому я пошелъ напередъ въ the Grip.

Теперь ни машинистъ, ни дама не говорили больше. Послѣднее, что я замѣтилъ, это, что машинистъ кивнулъ головой, какъ будто онъ что-то про себя рѣшилъ, потомъ онъ сталъ смотрѣть неподвижно передъ собой, и поѣздъ шелъ полнымъ ходомъ. И машинистомъ сегодня былъ же большой Патъ, ирландецъ. „Slack her a bit", сказалъ я на жаргонѣ машинисту. Это значило: Поѣзжай потише. Дѣло въ томъ, что я увидалъ черную точку на рельсахъ и это могла быть человѣческая голова, высунувшаяся изъ земли.

Я посмотрѣлъ на даму, ея глаза были тоже устремлены на ту точку, и она крѣпко схватилась за сидѣнье. Она уже тревожится о возможности какого-нибудь несчастья, думалъ

я: Что она сдѣлаетъ, когда увидитъ, что это ея собственный мужъ, который хочетъ покончить съ собой!

Но большой Патъ нисколько не замедливалъ хода. Я закричалъ ему, что въ углубленіи бассейна люди, онъ ѣхалъ все также. Мы ясно теперь видѣли человѣческую голову, это былъ тотъ безумный молодой человѣкъ, который стоялъ въ углубленіи, онъ повернулся къ намъ лицомъ. Тогда я схватилъ свистокъ, издалъ пронзительный свистъ, сигналъ къ остановкѣ. Патъ продолжалъ ѣхать съ тою же быстротой; черезъ четверть минуты должно было случиться несчастье. Я сталъ звонить въ колокольчикъ, затѣмъ бросился впередъ и схватилъ за тормазъ. Но было слишкомъ поздно, поѣздъ визжа и скрипя проѣхалъ надъ отверстіемъ бассейна, прежде чѣмъ можно было остановить поѣздъ.

Я спрыгнулъ на землю; я былъ какъ помѣшанный и помнилъ только, что я долженъ былъ вытащить человѣка, который будетъ сопротивляться. Но я тотчасъ же опять влѣзъ на the Grip, и нигдѣ не могъ найти себѣ покоя. И машинистъ былъ какъ помѣшанный, онъ спрашивалъ безъ толка и смысла, были ли люди въ углубленіи, и какъ могло случиться, что онъ не остановилъ поѣздъ. Молодая дама вскрикнула: „Ужасно, ужасно!" Въ лицѣ ея не было ни кровинки, и она судорожно держалась за сидѣнье. Но она не упала въ обморокъ, и вслѣдъ затѣмъ она скоро вышла и пошла своей дорогой.

Собралось много людей; мы нашли голову несчастнаго подъ заднимъ вагономъ, его тѣло еще стояло въ углубленіи. Желѣзная скоба машины врѣзалась ему подъ подбородокъ и сорвала голову. Мы убрали покойника съ рельсовъ, подошелъ констэбль, который долженъ былъ его унести. Констэбль записалъ много именъ, а пассажиры всѣ засвидѣтельствовали, что я свистѣлъ, звонилъ, и подъ конецъ схватился за тормазъ. Впрочемъ, мы, желѣзно-дорожные рабочіе, должны были сами подать рапортъ въ контору.

Большой Патъ попросилъ у меня мой ножъ. Я его не такъ понялъ и сказалъ, что несчастій и безъ того достаточно. Тутъ большой Патъ улыбнулся и показалъ мнѣ свой револьверъ, въ знакъ того, что оружіе у него есть, и что ножъ ему нуженъ не для глупости, а совсѣмъ для другого. Когда онъ получилъ ножъ, онъ простился со мной: онъ не могъ больше оставаться на службѣ; онъ очень жалѣетъ, но теперь мнѣ придется довести поѣздъ до конечной станціи, тамъ мнѣ дадутъ другого машиниста. И онъ объяснилъ мнѣ, что мнѣ надо было дѣлать. А ножъ онъ просилъ оставить ему, онъ пойдетъ въ какую-нибудь прихожую и срѣжетъ свои форменныя пуговицы.

Съ этимъ онъ и ушелъ.

Нечего было дѣлать, пришлось мнѣ ѣхать одному; за мной стояло нѣсколько поѣздовъ, которые только и ждали, чтобы я тронулся. И такъ какъ я зналъ прежде обращеніе съ машиной, я доѣхалъ благополучно.

Однажды вечеромъ, между Рождествомъ и Новымъ Годомъ, я былъ свободенъ и шлялся по городу. Проходя около одного вокзала, я вошелъ туда на минуту, чтобы посмотрѣть на движеніе. Я дошелъ до платформы и смотрѣлъ на поѣздъ, который долженъ былъ отойти. Вдругъ слышу свое имя, улыбающійся человѣкъ стоитъ на подножкѣ вагона и зоветъ меня. Это былъ большой Патъ. Прошла минута, прежде чѣмъ я его узналъ, онъ былъ изящно одѣтъ и борода у него была сбрита.

У меня вырвался легкій крикъ удивленія.

„Тс... не такъ громко! Ну какъ кончилось дѣло?“ спросилъ Патъ.

„Насъ привлекли къ суду. Тебя разыскиваютъ“.

Патъ сказалъ:

„Я уѣзжаю на Западъ. Какая тутъ жизнь? Семь, восемь долларовъ въ недѣлю, и изъ нихъ четыре на содержаніе. Я куплю себѣ землю и буду фермеромъ. Деньги у меня на

это, разумѣется, есть. Если ты хочешь со мной ѣхать, мы бы себѣ поискали земли близь Фриско.

„Я не могу ѣхать“.

„А я сейчасъ вспомнилъ: вотъ твой ножъ. Нѣтъ, видишь ли, въ жизни городскихъ желѣзныхъ дорогъ нѣтъ будущаго. Я прослужилъ три года и у меня раньше никогда не было случая выдвинуться.

Поѣздъ засвистѣлъ.

„Прощай“, сказалъ Патъ. „Да, послушай-ка, сколько ты получилъ съ человѣка, котораго переѣхало?“

„Десять долларовъ“.

„Столько и я получилъ. Онъ былъ честный плательщикъ. Но жена его была честнѣе“.

„Жена?“

„Ну да, молодая жена. Я съ ней сдѣлалъ дѣльце. Ей все равно было дать тысячу, двѣ тысячи, потому что ей хотѣлось отдѣлаться отъ своего мужа. Если я теперь могу начать жизнь полегче, это благодаря ея деньгамъ“.

ДНИ БРОДЯГИ.

I.

„Вставать!" кричитъ смотритель отдѣленія Орэнджъ-Флэтъ. Мы его не видимъ, еще ночь темная-претемная, но мы вскакиваемъ тотчасъ же съ постелей и напяливаемъ на себя блузы и штаны.

Время жатвы, мы измучены, какъ собаки, спимъ слишкомъ мало, и всѣ находимся въ какомъ-то неестественномъ возбужденіи. Мы ссоримся между собой изъ-за пустяковъ; при малѣйшемъ затрудненіи, которое встрѣчается въ теченіе дня, мы пускаемъ въ ходъ всю нашу силу и ломаемъ орудія.

Смотритель самъ исхудалъ и изсохъ, какъ палка. Онъ разсказываетъ намъ, что сосѣдняя партія намного опередила насъ и нѣсколькими днями раньше насъ окончитъ жатву. „Этого никогда не будетъ", отвѣтили мы со стиснутыми зубами. Мы забрали себѣ въ голову догнать сосѣднюю партію, да еще съ блескомъ ее перещеголять; и никто насъ отъ этого не воздержитъ. Поэтому смотритель, въ послѣднія двѣ недѣли, поднималъ насъ съ постели уже въ три часа, и его „Вставайте!" мы услышимъ завтра опять, и послѣ завтра, въ три часа ночи. И мы не видали конца этой спѣшкѣ.

Мы бросались къ обѣденному столу и заставляли себя проглатывать самое необходимое по части хлѣба, мяса, и масла и кофе. Пища хорошая, но аппетита у насъ больше нѣтъ. Черезъ десять минутъ мы уже сидимъ на повозкахъ и ѣдемъ на мѣсто работы.

И мы работаемъ, какъ каторжные, какъ окаянные какіе. Мы отлично знаемъ, что насъ ждетъ признаніе и похвалы, если мы на одинъ только день раньше сосѣдней партіи придемъ къ цѣли, и сосѣдняя партія точно также дѣлаетъ крайнія усилія. У всякаго свое честолюбіе на этомъ свѣтѣ, и у насъ было свое.

Начинаетъ свѣтать, солнце показывается и начинаетъ жечь, мы сбрасываемъ наши блузы. Сотни людей разсыпались, по этой безконечной преріи, въ пшеницѣ; тутъ мы будемъ заняты до вечера сегодня, пока не стемнѣетъ.

„Я не знаю, выдержу ли я еще, Нутъ", сказалъ Хёнтли, ирландецъ.

А Нутъ былъ я.

Среди дня я слышалъ, какъ Хёнтли то же самое сказалъ бродягѣ Джесси: что онъ этого больше не выдержитъ.

Я выругалъ его за его излишнюю болтливость, и упрекнулъ его за то, что онъ это сказалъ бродягѣ.

Хёнтли понимаетъ, что онъ этимъ пріобрѣлъ нѣкоторую власть надо мной и пробудилъ мою ревность. Онъ пускается со мной въ дальнѣйшіе разговоры, и объявляетъ открыто:

„Я больше не могу, я еще сегодня ночью уйду отсюда. Хочешь со мной, такъ я буду въ двѣнадцать часовъ у конюшни въ сѣверномъ углу".

„Я не хочу уходить", сказалъ я.

Я работалъ весь день и обдумывалъ это; и когда наступилъ вечеръ, я рѣшился не идти съ Хёнтли. Я отлично видѣлъ, что онъ хотѣлъ говорить со мной, и за ужиномъ и послѣ, когда мы ложились спать, но я избѣгалъ его, и былъ доволенъ собой, тѣмъ, что я могъ противостоять ему.

Вечеромъ мы раздѣлись и пошли къ своимъ кроватямъ. Все было окутано тьмой. Черезъ нѣсколько минутъ вся комната храпѣла.

Я сидѣлъ одѣтый на своей постели и размышлялъ. Черезъ нѣсколько часовъ смотритель опять закричитъ: „Вставайте!"

и день опять пройдетъ какъ вчерашній, какъ позавчерашній! И напротивъ, въ нѣсколькихъ дняхъ пути отсюда, вѣрно находилась какая-нибудь ферма, или какой-нибудь городъ, гдѣ я могъ найти другую работу и заработать деньги. И тамъ, быть можетъ, я бы могъ побольше спать.

Я потихоньку вышелъ изъ комнаты и пошелъ къ сѣверному углу конюшни.

Хёнтли былъ уже тамъ; онъ стоялъ съежившись, прислонившись спиной къ стѣнкѣ, руки въ карманахъ. Онъ зябъ. Минуту спустя подошелъ и бродяга Джессъ.

Я спросилъ:

„И Джессъ идетъ?"

„Разумѣется", возразилъ Хёнтли. „Именно онъ пойдетъ со мной. Ты же не хотѣлъ".

„Нѣтъ, я хочу", сказалъ я, и вдругъ захотѣлъ.

„Да, но теперь поздно", объяснилъ Хёнтли. „У меня провіанта только на насъ двухъ".

Тогда въ бѣшенствѣ я сказалъ:

„Тогда я скажу смотрителю".

„Ты скажешь смотрителю?", спросилъ Хёнтли кротко, особенно кротко. Навѣрно, ты этого не сдѣлаешь", сказалъ онъ, „ни въ какомъ случаѣ ты этого не сдѣлаешь".

Онъ такъ близко подошелъ ко мнѣ, что я слышалъ его дыханіе.

„Тс..." прошепталъ бродяга. „Если Нутъ хочетъ идти съ нами, такъ я достану еще ѣды. Я знаю, гдѣ у повара мясо".

Пока бродяга Джессъ уходилъ, Хёнтли и я стояли у конюшни и ссорились изъ-за того, что я хотѣлъ донести на него, и когда Джессъ вернулся съ мясомъ, Хёнтли былъ еще такъ взволнованъ, что сказалъ:

„Ты не могъ найти побольше мяса, негодяй! Что это такое для взрослаго человѣка? Ну, вотъ тебѣ твое мясо, Нутъ", и бросилъ мнѣ мясо.

Потомъ мы всѣ потихоньку прокрались съ фермы Орэнджъ-Флэтъ.

II.

Мы пошли по направленію къ Сѣверу, чтобы набрести на желѣзно-дорожные рельсы, и мы шли нѣсколько часовъ. Тогда Джессъ объявилъ, что онъ долженъ немного поспать. Мы оба могли бы еще пройти дальше.

Мы были посреди преріи, и не было никакого указанія на то, что разсвѣтъ близокъ. Такъ какъ ночью былъ морозъ порядочный, мы прошли по пшеничнымъ полямъ и огромнымъ преріямъ, не промокнувъ. Мы шли теперь, дѣлая круги и ощупывая почву ногами передъ собой, чтобы найти удобное мѣсто для отдыха; я легъ плашмя, опираясь на локти, и задремалъ, подперевъ голову руками.

Вдругъ насъ разбудилъ Джессъ. Онъ, вѣроятно, послѣднія недѣли слишкомъ мало спалъ и потому теперь не могъ заснуть.

„Вставайте!" закричалъ онъ.

Заспанные и встрепанные, мы вскакиваемъ; никакой опасности нѣтъ, мрачная тишина окружала насъ. Хёнтли ругается и утверждаетъ, что будить насъ такъ рано не было никакой нужды.

Джессъ возражаетъ:

„Надо намъ убираться отсюда. Здѣсь всюду иней. Смотритель можетъ преслѣдовать насъ по нашимъ слѣдамъ изъ конюшни, и такъ какъ онъ ѣздитъ на пони, онъ можетъ насъ отлично догнать".

„Ну такъ что же", спрашиваетъ Хёнтли. „Мы его на мѣстѣ положимъ".

„А до тѣхъ поръ онъ насъ пристрѣлитъ", возразилъ Джессъ.

Тогда мы опять отправились по направленію къ Сѣверу. Съ правой стороны отъ насъ небо, казалось, начинало свѣтлѣть, насъ тоже подкрѣпило то, что мы поспали немного, такъ что мы нѣсколько пріободрились; даже Джессъ,

который не спалъ, казалось, чувствовалъ себя болѣе сильнымъ; онъ шелъ тверже, и рѣже спотыкался о неровную травяную поверхность прерій.

„Теперь они просыпаются“, сказалъ Джессъ. „Я это по небу узналъ“. Затѣмъ черезъ минуту онъ сказалъ: „Теперь они завтракаютъ. Теперь онъ объ насъ спрашиваетъ“.

Мы всѣ невольно пошли быстрѣе.

„Теперь онъ вышелъ и смотритъ, гдѣ мы“, опять сказалъ Джессъ.

Я чувствовалъ, какъ бьется мое сердце.

„Замолчи ты!“ закричалъ Хёнтли. „Не можешь ли ты поменьше болтать, или еще лучше замолчать совсѣмъ?“

„Ему здорово придется скакать, если онъ хочетъ догнать насъ“, сказалъ я, чтобы показать свое мужество.

„Да, ты правъ“, сказалъ также и Хёнтли. „Ему никогда не догнать насъ“.

Увѣренность Хёнтли все росла; немного спустя, мы услыхали, какъ онъ украдкой началъ ѣсть провіантъ, который онъ несъ.

Становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе, взошло и солнце.

Джессъ остановился и оглядѣлся: ничего не было видно, никакого всадника, никакого живого существа. И не было ни дома, ни дерева въ этомъ безконечномъ морѣ преріи.

Джессъ сказалъ:

„Теперь мы возьмемъ нѣсколько восточнѣе. Солнце живо высушитъ наши слѣды; а если мы будемъ держаться все того же направленія, насъ смотритель все-таки можетъ догнать“.

„Ты правъ“, опять сказалъ Хёнтли. „Пусть себѣ все ѣдетъ на Сѣверъ, насъ онъ не отыщетъ“.

Мы шли еще съ добрый часъ, и ужъ еле держались на ногахъ. Поднимаясь, солнце грѣло все теплѣй и теплѣй, въ концѣ концовъ изморозь на травѣ совсѣмъ растаяла. Было, вѣроятно, семь или восемь часовъ утра, и мы всѣ легли отдыхать.

Я былъ переутомленъ и не могъ спать, я сидѣлъ и разсматривалъ двухъ моихъ товарищей. Бродяга Джессъ былъ теменъ лицомъ и худъ, руки и плечи у него были узкія, покатыя. Богъ знаетъ, быть можетъ онъ бывалъ на всевозможныхъ мѣстахъ, и бросалъ ихъ, чтобы бродяжничать, непрестанно бродяжничать, и вести случайную жизнь бродяги. Изъ его матросской службы на рѣчныхъ пароходахъ у него были понятія о компасѣ, онъ зналъ толкъ въ товарахъ, и, быть можетъ, онъ торговалъ въ какой-нибудь городской лавкѣ. Онъ былъ услужливый товарищъ: когда онъ ночью отговаривался усталостью, это было для того, чтобы дать намъ возможность поспать; самъ онъ сторожилъ.

Хёнтли былъ выше и полнѣй его; судьба, кажется, сыграла съ нимъ дурную шутку. Въ одномъ разговорѣ на фермѣ, въ дождливый день, когда мы всѣ ничего не дѣлали, онъ очень жалѣлъ человѣка, „у котораго невѣрная жена“. „Если ты ее не любишь, такъ застрѣли ее“, сказалъ онъ, „а если ты любишь ее, то грусти о ней всю жизнь твою, и сдѣлайся отщепенцомъ и отбросомъ!“ Хёнтли, очевидно, зналъ лучшіе дни, но онъ несомнѣнно былъ пьяницей, и по образу мыслей сдѣлался ползающей лисой. У него были кроткіе, гнусные глаза, на которые смотрѣть было отвратительно. Подъ жилеткой онъ носилъ старую шелковую рубашку, которая стала коричневой, какъ его кожа, и слилась съ ней. На первый взглядъ было похоже, что онъ голый до пояса. Такъ какъ онъ превосходилъ всѣхъ насъ силой, онъ пользовался большимъ уваженіемъ среди насъ.

Солнце, въ концѣ концовъ, беретъ свое, оно наводитъ и на меня дремоту. И въ высокой травѣ повѣяло прохладой.

III.

Сонъ мой былъ очень безпокоенъ, нѣсколько разъ я вскакивалъ и кричалъ, но опять спокойно укладывался, когда

видѣлъ, гдѣ я. Джессъ говорилъ каждый разъ: „Спи, Нутъ, спи".

Когда я проснулся позднѣе днемъ, оба мои товарища сидѣли и ѣли. Они говорили о томъ, что мы лишились нашей платы, и что мы даромъ проработали четыре недѣли на той фермѣ.

„Когда я подумаю объ этомъ, я готовъ вернуться назадъ и спалить эту ферму", сказалъ Хёнтли.

Онъ поглощалъ неумѣренное количество пищи изъ своего запаса и не берегъ его на послѣ. Такъ какъ у меня было мясо для себя, мнѣ нужно было только немного хлѣба, который я и получилъ отъ Джесса. Отнынѣ у насъ у каждаго былъ свой запасъ.

Когда мы поѣли, мы опять пустились въ путь. Солнце склонялось къ закату, мы предполагали, что было часа четыре, половина пятаго, когда мы двинулись. И опять мы держались сѣвернаго направленія, чтобы выйти на желѣзнодорожную линію.

Мы шли до темной ночи, и опять улеглись спать въ преріи; Хёнтли передъ этимъ съѣлъ весь свой запасъ, и былъ совсѣмъ сытъ, когда заснулъ. Ночью мы проснулись всѣ трое одинъ за другимъ отъ ледяного холода, затѣмъ мы стали прыгать въ темнотѣ взадъ и впередъ, пока не упали и не коснулись лицомъ травы, покрытой инеемъ. Затѣмъ мы всѣ сползлись въ кучу, и погрузились въ дремоту, стуча зубами. Хёнтли зябъ немного меньше насъ, потому что онъ былъ очень сытъ.

Наконецъ, Джессъ сказалъ, вставъ при этомъ: „Мы бы могли такъ же хорошо идти дальше, пока солнце встанетъ, и тогда лечь".

Но, когда мы собрались въ дорогу, Хёнтли хотѣлъ идти одной дорогой, а Джессъ другой. Свѣта никакого не было, ни одной звѣзды на небѣ, которой бы мы могли руководиться.

„Я пойду съ Джессомъ", сказалъ я, и пошелъ за нимъ.

А Хёнтли пошелъ за нами, и поносилъ, особенно меня, и ругалъ злосчастнымъ, безтолковымъ, безсмысленнымъ парнемъ.

Когда начало свѣтать, мы на ходу принялись закусывать. Хёнтли, которому нечего больше было ѣсть, молча слѣдовалъ за нами. Въ теченіе дня мы начали ощущать жажду, и Джессъ сказалъ: „Мы, можетъ быть, весь день не найдемъ воды, берегите табакъ, ребята, и берите только понемножку зараз".

Но Хёнтли извелъ и свой табакъ, такъ что намъ пришлось съ нимъ подѣлиться.

Къ вечеру, въ сумерки, когда уже больше ничего не было видно, мы услыхали далеко передъ собой грохотъ желѣзнодорожнаго поѣзда. Это прозвучало для нашего слуха, какъ нѣжнѣйшая музыка, и мы, пріободрившись, зашагали впередъ. Наконецъ наши ноги натолкнулись на рельсы. Но ни на Востокъ, ни на Западъ ничего не было видно, кромѣ рельсъ, и намъ пришлось лечь тамъ, гдѣ мы стояли, и ждать утра. Мои товарищи легли прямо на полотно желѣзной дороги, положивъ голову на рельсы, но я не рѣшился этого сдѣлать, мужество покинуло меня, я легъ поэтому опять въ траву. Прошла и эта ночь. А что касается меня, то я всю ночь пропрыгалъ около рельсъ, чтобы согрѣться.

Когда утро забрезжило, Джессъ вдругъ вскочилъ и сказалъ:

„Послушайте-ка, ребята, это поѣздъ идетъ".

Онъ лежалъ, положивъ голову на рельсы, и почувствовалъ слабое сотрясеніе издали. Мы всѣ трое встали порознь и дѣлали знаки машинисту на локомотивѣ, хотя у насъ не было денегъ; Хёнтли, хитрая лиса, стоялъ на колѣняхъ и простиралъ руки. Но поѣздъ промчался мимо. Это былъ поѣздъ, нагруженный пшеницей, онъ отлично могъ бы насъ взять. Два закоптѣлыхъ человѣка стояли на паровозѣ и смѣялись надъ нами.

Хентли всталъ, онъ былъ въ бѣшенствѣ. Онъ сказалъ:

„У меня когда-то былъ револьверъ, вотъ обида, что у меня его сейчасъ нѣтъ".

Мы пошли вдоль полотна къ Западу, это былъ утомительный путь по тысячамъ шпалъ, какъ будто мы шли по лежачей лѣстницѣ. Джессъ и я слегка закусили; Хёнтли, нисколько не стыдясь, сталъ просить у насъ хоть кусочка, но мы ему ничего не дали. И чтобы остатки моей ѣды не достались Хёнтли, когда я буду спать, я съѣлъ все на его глазахъ.

„Что жъ, ты думаешь, ты хорошо поступилъ?", сказалъ Хёнтли, исполненный ненависти.

Днемъ мы услыхали приближеніе еще одного поѣзда. Джессъ рѣшилъ, что мы встанемъ вдоль полотна, на разстояніи нѣсколькихъ сотъ метровъ другъ отъ друга, и попробуемъ одинъ за другимъ вскочить на ходу въ поѣздъ. Далеко въ воздухѣ стоитъ полоса дыма, весь поѣздъ кажется такимъ маленькимъ, онъ похожъ на одинъ единственный маленькій ящичекъ. Мы въ неимовѣрномъ напряженіи.

Хентли долженъ былъ первый сдѣлать попытку. Ему и удалось схватится за вагонъ, но онъ былъ слишкомъ тяжелъ, чтобы уцѣпиться ногами; вися на рукахъ, онъ извивался и долженъ былъ отпустить, его отбросило далеко въ траву. Я даже и не пытался влѣзть, у меня больше не было достаточно смѣлости. Джессу, вѣроятно, приходилось раньше вскакивать въ поѣздъ на ходу, онъ сдѣлалъ нѣсколько быстрыхъ шаговъ около поѣзда, схватился за ручку дверцы и въ ту же минуту очутился на ступенькѣ.

„Собака, онъ уѣдетъ у насъ подъ носомъ", сказалъ Хёнтли, и сталъ выплевывать траву изо рта.

Вдругъ, немножко дальше, поѣздъ останавливается, мы видимъ, какъ два кондуктора уговариваютъ Джесса, и затѣмъ ссаживаютъ его. Когда Хёнтли и я подбѣжали помочь ему, было поздно, поѣздъ двинулся, и мы, трое бродягъ, стояли опять въ преріи.

Жажда мучила насъ все сильнѣе и сильнѣе. Хёнтли вторично сжевалъ свой табакъ, и у него ничего не осталось. Онъ поплевалъ въ свою руку и показалъ намъ бѣлую слюну, въ доказательство того, что жажда мучаетъ его больше другихъ. Тогда мы съ Джессомъ раздѣлили съ нимъ въ послѣдній разъ нашъ табакъ.

И опять мы пошли, и шли на Западъ. День склонялся къ вечеру.

Навстрѣчу намъ по шпаламъ шелъ человѣкъ; онъ шелъ по направленію къ Востоку. Это былъ такой же бродяга, какъ мы, на шеѣ у него маленькій шелковый платокъ и одѣтъ онъ теплѣе насъ, но его обувь никуда не годится.

„Есть у тебя ѣда или табакъ?" спросилъ Хёнтли.

„Нѣтъ, господинъ", спокойно отвѣтилъ бродяга.

Тогда мы обыскали его, вывернули ему карманы, посмотрѣли за-пазухой, но у него ничего не было.

Мы сѣли всѣ вчетверомъ и стали бесѣдовать.

„На Западъ вамъ незачѣмъ идти", сказалъ новый бродяга. „Я теперь иду два дня и двѣ ночи и живой души не встрѣтилъ".

„А что намъ дѣлать на Востокѣ?" спросилъ Хёнтли. „Мы оттуда идемъ, мы съ ранняго утра въ пути".

Но новый бродяга уговорилъ насъ повернуть и идти съ нимъ на Востокъ. Весь нашъ трудный путь за сегодняшній день пропадалъ даромъ; теперь, больше, чѣмъ прежде еще, мы надѣялись, что проѣдетъ какой-нибудь машинистъ, который дастъ намъ сѣсть въ поѣздъ.

Нашъ новый товарищъ шелъ сначала бодрѣе насъ, потому что тѣло его было легче, и силъ въ немъ было больше; но къ вечеру, когда мы подошли къ мѣсту, гдѣ мы лежали послѣдней ночью, онъ пошелъ тише, и все отставалъ отъ насъ.

Джессъ спросилъ его, сколько времени онъ ничего не ѣлъ, и онъ сказалъ: сорокъ восемь часовъ.

Мы еще съ часъ шли съ нашимъ усталымъ спутникомъ. Когда не стало видно ни зги, намъ пришлось поднимать ноги и идти, какъ пѣтухамъ, чтобы не натыкаться на шпалы. Мы попробовали идти, держась за руку, но оказалось, что Хёнтли такъ повисалъ на насъ и сталъ такъ заставлять насъ тащить себя, что мы это бросили. Въ концѣ концовъ мы легли отдыхать.

IV.

Когда утро забрезжило, мы были уже на ногахъ. Сегодня было какъ вчера: на Востокъ проѣхалъ поѣздъ, нагруженный пшеницей, и не обратилъ никакого вниманія на наши сигналы. Скрежеща зубами, Хёнтли грозилъ ему вслѣдъ кулакомъ. Новому бродягѣ онъ сказалъ:

„Хоть бы у тебя сколько-нибудь табаку нашлось, насъ бы не такъ жажда мучила. Какъ тебя зовутъ?“

„Фрэдъ“, отвѣтилъ человѣкъ.

„Значитъ ты нѣмецъ проклятый?“

„Да, по рожденію“.

„Я такъ и думалъ. Я по тебѣ видѣлъ“, сказалъ Хёнтли враждебно.

Фрэдъ повеселѣлъ и выступалъ, какъ герой. Онъ, видимо, былъ увѣренъ теперь, что на Востокѣ находилась ферма, или какой-нибудь городокъ; вообще же, онъ только изрѣдка вставлялъ свое слово, но не вмѣшивался въ то, что мы говорили. Черезъ нѣсколько часовъ онъ усталъ, и опять сталъ отставать отъ насъ. Когда мы, наконецъ, оглянулись, онъ опустился на землю.

Бродяга Джессъ сказалъ:

„Надо будетъ намъ подѣлиться съ нимъ нашей ѣдой, Нутъ“.

Это было одно важничанье со стороны Джесса, потому что онъ зналъ, что у меня больше ничего не было; но онъ

сказалъ это, чтобы мы замѣтили, что́ онъ самъ сдѣлаетъ. Онъ пошелъ къ Фрэду и отдалъ ему свою ѣду.

„Это ты дѣлаешь только, чтобы на тебя всѣ удивлялись“, закричалъ я ему взволнованно, такъ какъ видѣлъ его насквозь.

Тутъ Джессъ вздрогнулъ.

„И все ты дѣлаешь только для того, чтобы выказаться. Когда ты не спалъ въ первую ночь, въ то время, когда мы спали, ты тоже старался о томъ, чтобъ мы это замѣтили. Мошенникъ, обманщикъ ты. Я въ сто разъ больше люблю Хёнтли, хотя онъ и скверный человѣкъ“.

„Придержи ты свой пакостный языкъ“, сказалъ Хёнтли, онъ не понялъ ни одного слова изъ того, что я говорилъ. „Тебѣ просто завидно на Джесса, потому что онъ лучше тебя“.

Для Фрэда эта ѣда былъ цѣлый обѣдъ, который сослужилъ ему большую службу. И мы опять двинулись въ путь.

Но ѣда для Фрэда имѣла не только хорошія, а и дурныя послѣдствія. Онъ пришелъ въ нѣкоторое душевное разстройство и потерялъ надъ собою власть. Онъ принялся болтать, да, въ своей заносчивости онъ дошелъ до того, что сталъ строить большіе проэкты относительно маленькой станціи въ преріи. „Тамъ на рельсахъ стоитъ поѣздъ“, сказалъ онъ, „и тамъ же стоитъ нагруженный моторъ, который мы можемъ поджечь“.

„Зачѣмъ же мы будемъ его поджигать?“ спросилъ Хёнтли сердито. И произошелъ смѣшной обмѣнъ словъ относительно этого мотора. „Если мы его подожжемъ, произойдетъ взрывъ“, сказалъ Фрэдъ, „сбѣжится много людей, которыхъ мы можемъ перебить“.

„Много намъ ѣды достанется“, возразилъ Хёнтли насмѣшливо. А мнѣ онъ сказалъ: „Намъ бы надо скорѣй отдѣлаться отъ этого сумасшедшаго. Онъ мѣшаетъ нашему кружку. Пока его не было, все было въ порядкѣ“.

Поговоривъ нѣкоторое время всякій вздоръ, Фрэдъ опять погрузился въ свою обычную молчаливость. Мы всѣ молчали и усердно шагали впередъ, только Хёнтли болталъ языкомъ.

„Что же теперь будетъ?“, сказалъ онъ намъ около полудня.

„Я почемъ знаю“, былъ мой отвѣтъ.

„Конечно, конечно, ты этого не знаешь. А тебѣ что же, хочется назадъ въ Орэнджъ Флэтъ? И что ты тамъ будешь дѣлать?“

„Намъ только надо идти впередъ“, сказалъ Джессъ.

Потомъ, послѣ полудня, мы сѣли, чтобы отдохнуть часокъ.

Хёнтли замѣтилъ:

„Ты ничего не говоришь, Фрэдъ“.

„Ты обезьяна“, возразилъ Фрэдъ, и въ глазахъ его было бѣшенство.

Это раздражило Хёнтли.

„А ты вѣрно такой важный, что тебѣ надобно рожокъ для этихъ вотъ лодокъ“, сказалъ онъ и показалъ на башмаки Фрэда.

Фрэдъ молчалъ и вздыхалъ. Онъ понималъ, что ни одинъ изъ насъ не былъ за него. Когда мы потомъ пошли дальше, Фрэдъ старался казаться интереснымъ въ нашихъ глазахъ тѣмъ, что онъ вдругъ нагибался къ землѣ, и поднималъ камень или заржавленную скобку, которые онъ очень внимательно разсматривалъ. Мы подбѣгали къ нему и отходили разочарованные, когда видѣли, что это было. Но Фрэдъ это дѣлалъ, должно быть, чтобъ привлечь хоть на минуту наше вниманіе къ себѣ.

Мы набрели на полуразрушенный сарай среди преріи. Онъ стоялъ тамъ вѣрно еще со времени постройки желѣзной дороги. Мы вошли и оглядѣлись въ немъ; но бродяга Фрэдъ не пошелъ съ нами.

Джессъ и Хёнтли начали по обычаю бродягъ вырѣзать

свои начальныя буквы на стѣнахъ; въ это время Фрэдъ стоялъ снаружи, и Хёнтли подходилъ то къ одной, то къ другой щели, чтобы подсмотрѣть за нимъ. Когда онъ вырѣзалъ свои буквы, онъ вышелъ изъ сарая и оглядѣлся.

„Вонъ онъ бѣжитъ“, закричалъ онъ громко. „Собака, это онъ отъ насъ улепетываетъ. Онъ, вѣроятно, знаетъ о какомъ-нибудь мѣстѣ, гдѣ хорошо жить“.

И мы всѣ трое бросились за убѣгающимъ Фрэдомъ, и мы проклинали его, какъ будто мы хотѣли отнять у него жизнь. Когда онъ увидалъ, что мы преслѣдуемъ его, онъ повернулъ къ преріи, описывая большіе круги; но такъ какъ насъ было трое, онъ не могъ отъ насъ убѣжать. Когда Хёнтли удалось схватить его, онъ сталъ трясти его, какъ ребенка, и требовалъ сказать намъ, какое хорошее мѣсто онъ знаетъ.

„Я не знаю никакого хорошаго мѣста“, отвѣтилъ Фрэдъ, „но я не могу быть съ вами. Вы такіе злющіе. Пожалуйста, убейте меня. Мнѣ это все равно“.

Мы столковались и пошли опять вмѣстѣ, пока не стемнѣло; мы были измучены, и поэтому легли раньше. Но до тѣхъ поръ я обмѣнялся съ бродягой Джессомъ нѣкоторыми словами, и кончилось тѣмъ, что онъ ударилъ меня нѣсколько разъ въ лицо за то, что я назвалъ его обманщикомъ.

„Такъ ему и нужно“, сказалъ Хёнтли, и съ любопытствомъ смотрѣлъ на насъ. Подъ конецъ, я ударилъ Джессу подъ подбородокъ, такъ, что онъ растянулся и удовольствовался.

Ночью я слышалъ, какъ Джессъ всталъ и вышелъ въ прерію. Его штаны касались травы, покрытой инеемъ. Онъ что-то затѣваетъ, подумалъ я. И тихо прокрался въ темнотѣ за нимъ. Я подвинулся шаговъ на десять, когда замѣтилъ, что Джессъ опустился въ траву и что-то жуетъ, мнѣ показалось, что около него пахло мясомъ. У него, значитъ, есть еще пища, подумалъ онъ. Я тихонько вернулся на свое мѣсто и притворился, что сплю. Черезъ полчаса пришелъ Джессъ и легъ.

Утромъ я разсказалъ Хёнтли, что я узналъ, и потребовалъ, чтобы онъ помогъ мнѣ обыскать Джесса. Хёнтли тотчасъ же согласился, и ему удалось схватить Джесса. Оказалось, что у Джесса въ трехъ мѣстахъ подкладки блузы былъ хлѣбъ, и что хлѣбъ былъ выщипанъ и въ отверстіяхъ лежало мясо. Это насъ спасло, мы раздѣлили вчетверомъ все, что у него было, каждый изъ насъ получилъ свою долю. Когда мы поѣли, мы благодарили Джесса и благословляли его, хотя онъ и хотѣлъ насъ обмануть. Тогда Джессъ въ смущеніи своемъ принялся свистать, онъ хотѣлъ насъ занять этимъ. И свисталъ, какъ артистъ.

Затѣмъ, мы пошли дальше.

Не больше, какъ черезъ часъ, мы увидали, какъ вынырнуло передъ нами нѣсколько маленькихъ, бѣлыхъ четырехъугольниковъ.

Прошло еще не мало времени, пока мы дошли туда: это была ферма съ полями пшеницы, съ искусственнымъ водоснабженіемъ и всѣмъ прочимъ. Прежде еще, чѣмъ мы дошли до зданій, мы повстрѣчали молодую дѣвушку, которая сидѣла на жатвенной машинѣ и жала. Это было великолѣпное зрѣлище для насъ,—для насъ, пришедшихъ изъ прерій и больше года не видавшихъ ни одной женщины. Она была молода, на головѣ у нея была большая соломенная шляпа, и она кивнула намъ, когда мы поклонились. Хёнтли первый заговорилъ съ ней и попросилъ у нея поѣсть и попить.

Дѣвушка отвѣтила, что мы получимъ все, что мы желаемъ.

„Мы получили расчетъ въ отдѣленіи Орэнджъ Флэтъ, потому что уборка полей тамъ окончена“, сказалъ Хёнтли.

Но тутъ Джессъ захотѣлъ обратить на себя вниманіе и быть честнымъ и онъ сказалъ:

„Нѣтъ, мы оттуда убѣжали, потому что мы недостаточно высыпались тамъ. Вотъ она правда“.

„Хорошо“, сказала дѣвушка.

И мы всѣ приблизились къ ней, и я стоялъ передъ ней со шляпой въ рукѣ и говорилъ съ ней. Но призъ все-таки взялъ нашъ новый товарищъ Фрэдъ, потому что онъ былъ бѣлокурый нѣмецъ и лучше насъ всѣхъ наружностью. Она попросила его проводить ее домой, къ себѣ на ферму, чтобы принести намъ пищу; а мы въ это время должны были присмотрѣть за ея лошадьми. Въ домѣ, на фермѣ, не было ни одного человѣка, и она боялась взять насъ всѣхъ съ собой, чтобы не испугать свою мать.

Въ то время какъ дѣвушка и Фрэдъ уходили, мы всѣ трое, одинъ за другимъ, садились на жатвенную машину и жали.

Немного погодя, къ намъ подошелъ хозяинъ фермы. Онъ видѣлъ, что мы могли дѣлать, и прежде чѣмъ вернулась молодая дѣвушка съ ѣдой, отецъ ея взялъ насъ, всѣхъ четырехъ бродягъ, на службу до окончанія жатвы.

V.

Съ жатвой мы покончили въ пять дней, и съ молотьбой, потомъ, въ два; такимъ образомъ, намъ заплатили за семь дней и мы опять были свободны, какъ птицы. Бродяга Джессъ тотчасъ же приготовился покинуть это мѣсто—какъ онъ покидалъ сотни мѣстъ до тѣхъ поръ; на цѣлыхъ семь дней отложилъ онъ свое бродяжничество. Я собирался идти съ нимъ; но Хёнтли и нѣмца Фрэда мы не хотѣли брать съ собой.

Когда мы стояли во дворѣ, и Хёнтли уже отошелъ отъ насъ на нѣсколько шаговъ, фермеръ сказалъ намъ, что двоимъ изъ насъ онъ бы могъ дать еще работу на мѣсяцъ при осенней пахотѣ.

Джессъ отказался оставаться, подъ тѣмъ предлогомъ, что ему необходимо немедленно идти на Востокъ, такъ что выбрали нѣмца Фрэда и меня остаться на фермѣ. А Фрэду

только этого и хотѣлось, онъ тотчасъ же снялъ куртку и всталъ на работу.

Джессъ сказалъ мнѣ:

„Уговоръ же былъ, что мы съ тобой вдвоемъ пойдемъ бродить. Проводи меня, по крайней мѣрѣ, до города. У насъ у обоихъ есть деньги, и мы можемъ поискать мѣсто получше здѣшняго".

Поэтому я сказалъ фермеру, что я завтра возвращусь, и пошелъ съ Джессомъ.

Пройдя нѣсколько часовъ вдоль полотна желѣзной дороги, мы пришли на одну ферму, черезъ четыре часа опять на другую. Затѣмъ мы добрались до города Эліотъ. По дорогѣ Джессъ объяснялъ мнѣ, что часто можно найти заработокъ, когда только не засиживаешься безконечно долго на одной какой-нибудь фермѣ. Передъ нами тутъ городокъ; можетъ быть, мы бы могли войти въ него, идя вдоль желѣзнодорожнаго пути.

„Я хочу завтра назадъ, на ферму", сказалъ я.

„Я знаю, что ты себѣ забралъ въ голову", сказалъ Джессъ. „Это все изъ-за той дѣвушки. Брось ты ее, ей Фрэдъ больше тебя нравится, и у него больше надежды, потому что у него наружность такая".

„Ну, ужъ я, право, не нахожу, чтобы Фрэдъ былъ красавецъ", замѣтилъ я.

На это Джессъ промолчалъ, но черезъ минуту онъ сказалъ:

„Не потому; эта дѣвушка и Фрэду не достанется".

„Да, неправда ли?" сказалъ я, и развеселился. „Ты, чортъ знаетъ, какъ все понимаешь, Джессъ; и ты, значитъ, думаешь, что она Фрэду не достанется?"

„Да, старикъ не допуститъ... А тебѣ я скажу, что тебѣ надо дѣлать, ежели ты имѣешь намѣреніе. Нѣкоторое время ты долженъ отсутствовать, а, вернувшись, тебѣ надо имѣть много денегъ въ карманѣ. Вотъ путь".

Съ тѣхъ поръ мнѣ загорѣлось добыть какъ можно больше денегъ.

Мы пошли въ одинъ кабакъ въ городѣ и велѣли себѣ подать вина. Я такъ не привыкъ къ крѣпкимъ напиткамъ, что въ мигъ пришелъ въ самое радужное, дурачливое настроеніе. Но длилось это не долго: когда вошли бродячіе музыканты и начали играть на арфѣ и скрипкѣ, я опять сдѣлался смиреннымъ и принялся внутренно рыдать. Женщинѣ съ арфой я далъ нѣсколько монетъ. Джессъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня.

„Ты влюбленъ, вотъ оно что", сказалъ онъ.

Мы пошли шататься изъ одного кабака въ другой, потому что у насъ не было никакого другого мѣстопребыванія. И всюду мы были желанны, такъ какъ шли съ Запада, и по нашему поведенію можно было заключить, что мы были при большихъ деньгахъ. Въ одномъ изъ питейныхъ заведеній мы встрѣтили и Хёнтли, который былъ уже сильно навеселѣ и пошелъ къ намъ навстрѣчу со своимъ перочиннымъ ножомъ, чтобы насъ зарѣзать. Мы тоже не хотѣли быть съ нимъ. Вечеромъ мы опять попали въ первый кабакъ. Въ то время какъ мы стояли у стойки, между хозяиномъ и однимъ желѣзнодорожнымъ рабочимъ изъ города, зашедшимъ сюда выпить виски, произошелъ разговоръ.

Хозяинъ сказалъ:

„Я видѣлъ, какъ мистеръ Хартъ съ женой шелъ сегодня на поѣздъ, куда это они?"

„Въ Чикаго", отвѣтилъ тотъ. „У него дѣла, какъ я слышалъ. А жена поѣхала съ нимъ изъ удовольствія".

„А банкомъ пока управляетъ Джоржъ?".

„Это я понимаю, Джоржъ совсѣмъ не плохъ, когда трезвъ".

Этотъ разговоръ былъ для меня вовсе неинтересенъ, но мой товарищъ усиленно прислушивался къ нему, и тотчасъ же пригласилъ меня выйти съ нимъ: ему надо со мной поговорить.

Мы медленно пошли опять назадъ въ городъ, и Джессъ все время о чемъ-то раздумывалъ. Мы подошли къ какому-то зданію, на вывѣскѣ котораго стояло: „Хартъ и К⁰. Фермерскій банкъ"; тутъ Джессъ попросилъ меня подождать минутку, и самъ вошелъ туда. Когда онъ вернулся, я спросилъ его:

„Что ты тамъ дѣлалъ?"

„Я размѣнялъ свою послѣднюю бумажку", отвѣтилъ Джессъ.

Мы пошли дальше и пришли къ окраинѣ города; тамъ мы сѣли около стрѣлки желѣзной дороги, гдѣ вдоль рельсовъ грудами былъ сложенъ строевой лѣсъ.

Прежде всего Джессъ обошелъ всѣ углы и удостовѣрился, что мы одни, потомъ онъ вернулся и сказалъ:

„Вѣдь ни у тебя, ни у меня нѣтъ денегъ, о которыхъ бы стоило говорить, неправда ли?"

„У меня есть еще нѣсколько долларовъ", сказалъ я и досталъ ихъ.

„Значитъ, у тебя однимъ долларомъ меньше, чѣмъ у меня. Ты этотъ долларъ далъ той женщинѣ, съ арфой. Это было самое глупое, что ты только могъ сдѣлать".

„Ну, а ходить по кабакамъ, да пропивать деньги не много умнѣе".

„А ты замѣтилъ, какъ я пью?" спросилъ Джессъ. „Я дѣлаю глотокъ, когда ты выпиваешь кружку. Каждый разъ".

„О чемъ ты, собственно, хотѣлъ со мной говорить?", спросилъ я.

„И кромѣ того, я бы не составилъ плана, который теперь у меня въ головѣ, если бы я не ходилъ по кабакамъ", продолжалъ Джессъ.

„Что это за планъ?"

„Мистеръ Хартъ и мистрисъ Хартъ уѣхали сегодня въ Чикаго", сказалъ Джессъ.

„Ну?"

„А банкомъ пока будетъ управлять Джоржъ".

„Да, я это слышалъ—?"

„Джоржъ—это братъ мистрисъ Хартъ, какъ я узналъ".

„Ну, да".

„Но Джоржъ извѣстный пьяница".

„Все это я знаю, Джессъ. Къ чему ты ведешь?"

Джессъ высказался нѣсколько опредѣленнѣе, и я понялъ, что онъ, просто на просто, въ эту или въ слѣдующую ночь хотѣлъ побывать въ банкѣ. Я долженъ былъ ему помочь.

„Я на это не рѣшусь", отвѣтилъ я.

„Тогда я возьму Хёнтли съ собой".

Этого я тоже не хотѣлъ, и сказалъ:

„Я этого еще никогда не дѣлалъ. А когда слушаешь, выходитъ какъ будто очень опасно. Но если ты научишь меня..."

„Опасности нѣтъ никакой", сказалъ Джессъ. „Если Джоржъ запьетъ, все остальное будетъ пустяки, я домъ изучилъ".

И Джессъ показалъ мнѣ, во-первыхъ, пилу, чтобы распиливать металлъ, а затѣмъ—отличнѣйшіе щипцы, чтобы срѣзать винты. Лезвія были остры, какъ два ножа.

„Ну, а потомъ", спросилъ я, „послѣ того?"

„Послѣ того мы далеко отсюда будемъ", возразилъ Джессъ. „Мистеру Харту нужно ѣхать туда три дня, и три дня обратно, итого шесть; въ Чикаго онъ останется четыре дня". И Джессъ прибавилъ еще: „Впрочемъ я не собираюсь совсѣмъ очищать банкъ. Возьмешь что тебѣ понадобится для той дѣвушки, это будетъ хорошимъ основнымъ капиталъцемъ; а потомъ ты себѣ еще накопишь денегъ".

Мы побродили еще нѣсколько часовъ взадъ и впередъ по улицамъ, лавки закрылись, и улицы оживились на нѣсколько мгновеній людьми, окончившими свой дневной трудъ. Только кабаки еще были открыты, а они были открыты, пока въ нихъ были гости.

„Ну, теперь все дѣло въ томъ, чтобы найти Джоржа и узнать, что онъ будетъ дѣлать", сказалъ Джессъ.

И мы переходили изъ кабака въ кабакъ, и пили виски и пиво, но среди гостей не находили никого даже похожаго на Джоржа. Мы пришли, наконецъ, въ одинъ изъ первыхъ кабаковъ. Здѣсь мы встрѣтили Джоржа.

VI.

Джоржъ нѣсколько часовъ выдержалъ характеръ и не хотѣлъ выходить кутить; онъ самъ это сказалъ, когда пришелъ. Но вѣдь такой чудный осенній день, прибавилъ онъ, и не все ли равно, гдѣ онъ проведетъ часокъ.

Это былъ маленькій, полный человѣкъ, лѣтъ, по крайней мѣрѣ, сорока, съ поразительно чувственнымъ лицомъ. Онъ былъ изящно одѣтъ, и у него были очень бѣлыя руки, потому что онъ всегда сидѣлъ и писалъ. На насъ онъ совсѣмъ не обратилъ вниманія.

Онъ тотчасъ же сталъ пить, люди входили съ улицы, и всѣ были съ нимъ знакомы, и вмѣстѣ съ ними онъ изъ этого вечера сдѣлалъ веселый праздникъ. Съ нимъ всѣ обращались съ величайшею вѣжливостью. Когда Джессъ подошелъ къ столу и пригласилъ его пить съ нимъ, Джоржъ отказался, именно потому, что онъ былъ важнымъ лицомъ въ городѣ, а Джессъ не болѣе, какъ бродягой.

„Выпейте же съ нимъ“, сказалъ хозяинъ. „У господъ этихъ карманы набиты деньгами“, прибавилъ онъ, указывая на Джесса и меня.

„У нихъ больше, чѣмъ у меня“, возразилъ Джоржъ и вытащилъ свой бумажникъ.

Въ немъ было нѣсколько бумажекъ. Съ этихъ поръ онъ взялъ на себя всѣ расходы и угощалъ каждаго, кто хотѣлъ пить. Хозяинъ всячески старался угождать ему.

„Я пойду, еще себѣ денегъ принесу“, сказалъ Джоржъ, „подождите меня здѣсь, ребята“.

Онъ вышелъ. Онъ былъ очень возбужденъ и пѣлъ.

„Молодчина!“ сказали вслѣдъ ему оставшіеся.

„Онъ такъ всю ночь напролетъ проведетъ“.

Джессъ не упустилъ ни словечка.

Когда Джоржъ вернулся, онъ сначала притворялся, какъ будто онъ не могъ больше найти денегъ; но онъ беззаботно заказывалъ одну круговую за другой и роскошно расплачивался бумажками. Такъ прошло нѣсколько часовъ.

„Ну, теперь мы пойдемъ въ Конвей“, объяснилъ Джоржъ.

Конвей былъ другой кабакъ.

„Онъ ужъ закрытъ“, сказалъ хозяинъ.

„Тогда мы вломимся туда“, сказалъ Джоржъ. „Пойдемте, ребята“. Джессъ и я держались позади, какъ будто мы были слишкомъ горды, чтобы идти съ другими.

„А вы оба не хотите идти?“ спросилъ Джоржъ. „Я васъ приглашаю“.

И мы дали себя уговорить.

Конвей не былъ еще закрытъ; и тамъ была веселая компанія, и Джоржа съ его спутниками радостно привѣтствовали. Джессъ, ради себя и ради меня, не хотѣлъ отставать отъ другихъ, онъ началъ свистать, какъ артистъ, и имѣлъ большой успѣхъ.

„Чортъ знаетъ, какъ онъ хорошо свисталъ“, говорили всѣ.

Мы оставались еще два часа тамъ и пили всякіе крѣпкіе напитки въ громадномъ количествѣ. Я все время пилъ маленькими глотками, какъ меня научилъ Джессъ, и на меня это больше не дѣйствовало, такъ какъ я былъ въ величайшемъ напряженіи отъ того, что мнѣ предстояло совершить.

Джоржъ счелъ свои деньги и сказалъ:

„Ну, а теперь я иду къ дѣвицамъ. Прощайте, ребята. Мнѣ еще за деньгами надо сходить“.

„Да съ тобою же масса денегъ“, замѣтили ему.

„Не хватитъ“, возразилъ Джоржъ.

Онъ шатаясь, вышелъ за дверь.

„Банкъ обѣднѣетъ еще сегодня ночью на нѣсколько сотъ долларовъ“, сказали молодцы.

„Да, похоже“, возразилъ Джессъ немедленно. „Онъ мастерски умѣетъ тратить деньги“.

Но такъ какъ никто не желалъ вступать въ разговоръ съ Джессомъ, который былъ и оставался бродягой, всѣ отъ насъ отошли.

Джессъ пошелъ къ ихъ столу и спрашивалъ каждаго отдѣльно, что онъ желаетъ выпить, но они всѣ сказали: нѣтъ, благодарю, они не хотятъ больше пить.

„Пойдемъ, я тебѣ поднесу стаканъ виски“, обратился онъ ко мнѣ.

Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

„Тебѣ это пригодится“, сказалъ Джессъ.

Я выпилъ два большихъ стакана виски, сдѣлался твердъ и непобѣдимъ, и могъ бы выбросить изъ кабака Конвея одного человѣка за другимъ.

Джессъ и я распрощались и вышли на улицу.

Мрачный и пустынный лежалъ предъ нами городъ. Джессъ велъ меня, и мы двигались по направленію къ банку. Въ окнахъ былъ свѣтъ, и изъ этого мы заключили, что Джоржъ былъ въ домѣ.

„Подожди меня здѣсь“, сказалъ Джессъ и сдѣлалъ пять безшумныхъ прыжковъ по направленію къ дому. Онъ исчезъ за калиткой сада.

„Куда это онъ пошелъ?“ подумалъ я.

Я подождалъ двѣ минуты, и Джессъ вернулся.

Онъ дѣлалъ тѣ-же самые прыжки.

„Гдѣ ты былъ?“ спросилъ я.

„Я тамъ былъ и понащупалъ у него замокъ въ двери“, отвѣтилъ Джессъ. „Подожди здѣсь немножко“.

Вдругъ Джессъ схватилъ меня за руку и прошепталъ: „Слышишь?“

Мы слышали какъ кто-то вертѣлъ и вертѣлъ ключемъ въ замкѣ и ругался все болѣе и болѣе несдержанно.

„Это Джоржъ“, сказалъ Джессъ.

Мы спрятались за одинъ изъ угловъ дома и ждали.

„Никакъ эту проклятую дверь не запрешь“, сказалъ Джоржъ и вышелъ на улицу. „Ну, да въ шкафу два замка!“

Джоржъ пошелъ къ дѣвицамъ, сильно пошатываясь.

„Ну, теперь сдѣлаемъ еще маленькую пробу, пока все не успокоится“, сказалъ Джессъ.

На ходу я замѣтилъ:

„Я все же думаю, что ты на это не осмѣлишься“.

„Конечно“, сказалъ Джессъ.

Онъ осмотрѣлъ дома, насколько это можно было сдѣлать въ темнотѣ, выбралъ лавку съ двойной дверью и сказалъ, что хочетъ покупать мнѣ кое-что. Онъ представился совсѣмъ пьянымъ, и ударился изо всѣхъ силъ о дверь, какъ будто по неловкости. Отъ этого во всемъ домѣ произошло сотрясеніе, и обѣ двери раскрылись.

Какой-то человѣкъ, сторожившій лавку, кричитъ изнутри.

„Какой чортъ тамъ!“

Джессъ, качаясь, останавливается въ дверяхъ, какъ будто онъ самъ не понимаетъ, какъ онъ сюда попалъ.

„Кто тамъ?“ спрашиваетъ человѣкъ изъ лавки. „Я стрѣлять буду, собака, если ты не отвѣтишь“.

„Это я“, говоритъ Джессъ, совершенно безпомощный, и падаетъ на землю.

Человѣку изъ лавки ко всему тому пришлось его еще стащить на тротуаръ. И такъ хорошо умѣлъ Джессъ, болтая, представлять пьянаго, что сторожъ долженъ былъ убѣдиться, что здѣсь не было преступнаго умысла. Онъ заперъ дверь въ бѣшенствѣ.

„Какая досада, что въ лавкѣ сторожъ оказался“, сказалъ Джессъ, когда онъ опять подошелъ ко мнѣ на улицѣ. „А то, быть можетъ, была бы намъ пожива“.

„Ну, теперь я вижу, что у тебя духу на все хватитъ“, сказалъ я.

И мы опять очутились передъ банкомъ. Джессъ сказалъ:

„Собери горсть песку здѣсь на улицѣ. Бросишь въ стекло, если кто-нибудь пройдетъ тутъ“.

„Хорошо“, сказалъ я, и слышалъ, какъ стучало мое сердце.

„Теперь я пойду“, сказалъ Джессъ.

Я постоялъ съ минуту и посмотрѣлъ, какъ онъ исчезъ за садовой калиткой. Если бы теперь кто-нибудь прошелъ и спросилъ, что я тутъ дѣлаю: Что я отвѣчу? Я собралъ горсть песку и выбралъ изъ него мелкіе камешки; улица была не мощеная, и сухого песку лежали кучи. Ничего не было видно, въ городѣ было тихо, только изрѣдка внизу на станціи раздавались свистки локомотивовъ, которые маневрировали съ вагонами пшеницы. Вдругъ я слышу шаги на тротуарѣ. Ужъ я хочу бросить песокъ въ окна банка, но вмѣсто этого я иду на встрѣчу проходящему, желаю ему добраго вечера и получаю то же въ отвѣтъ. И человѣкъ проходитъ своей дорогой. Теперь Джессъ отсутствуетъ уже минутъ пять.

Тутъ я ясно слышу одинъ разъ, другой разъ, тихій шорохъ въ банкѣ. Теперь Джессъ срѣзаетъ винты, думаю я, и дивлюсь его хладнокровію. Я зналъ, куда бы я побѣжалъ, если бы это было нужно: внизъ, къ желѣзной дорогѣ, гдѣ вдоль по рельсамъ было такъ много сараевъ.

Какъ долго это длится, цѣлую вѣчность. Джессъ тамъ внутри теперь распиливаетъ желѣзо, а я тутъ слышу то одинъ, то другой звукъ, я стою, какъ на угольяхъ, отъ его безпримѣрнаго нахальства. Если бы ему только, правда, удалось украсть что-нибудь настоящее! думаю я, и у меня является жадность къ моей долѣ. Чѣмъ дѣлалось позже, тѣмъ спокойнѣе былъ я, и я ходилъ взадъ и впередъ по тротуару и раздумывалъ. Думалъ я о той дѣвушкѣ на фермѣ, ее звали Алиса Роджерсъ.

Теперь ужъ навѣрно часъ, какъ ушелъ Джессъ, и все еще

не возвращался. И какъ разъ, когда я убѣдилъ себя войти въ садъ и посмотрѣть, гдѣ онъ, Джессъ появился. Онъ сбѣгаетъ впередъ меня внизъ, къ дровяному складу около рельсовъ.

„Вотъ проклятый чортъ!“ ругается онъ послѣ своей усердной работы.

„Что случилось?“, спросилъ я.

„Этотъ проклятый Джоржъ унесъ вѣрно съ собой весь банкъ къ дѣвицамъ“, сказалъ Джессъ. „Шкапъ оказался пустымъ. Тамъ остались одни протоколы“.

Я втайнѣ почувствовалъ удовлетвореніе отъ этого сообщенія, и я выдалъ себя тѣмъ, что я шутливо похлопалъ его по плечу и спросилъ:

„Значитъ, ты ничего себѣ не взялъ?“

„Что же мнѣ было брать, глупая скотина?“, озлобленно сказалъ Джессъ. „Я здѣсь не останусь“, продолжалъ онъ взволнованно, „намъ нужно попытать что-нибудь другое“.

Тутъ Джессъ пошелъ, онъ пошелъ вдоль рельсовъ къ станціи, я послѣдовалъ за нимъ. Я заморился тѣмъ, что такъ долго стоялъ насторожѣ и сказалъ:

„По правдѣ сказать, я думаю это ни къ чему. Лучше отказаться!“

„Попробуемъ еще одно“, сказалъ Джессъ.

Онъ пошелъ на станцію и спросилъ телеграфиста, когда уходитъ поѣздъ на Востокъ. „Черезъ полчаса“, сказалъ телеграфистъ и посмотрѣлъ на часы.

„Ничего нельзя сдѣлать, пока поѣздъ не прошелъ“, сказалъ мнѣ Джессъ.

Мы сѣли невдалекѣ отъ станціи и прождали полчаса, несмотря на то, что сильно зябли. Наступало утро.

Какъ только сталъ слышенъ приближающійся поѣздъ, Джессъ всталъ и сказалъ, чтобы я подождалъ его. Онъ опять пошелъ на станцію и долго оставался тамъ. Я ждалъ. Поѣздъ пришелъ, простоялъ свое время и опять ушелъ. Цѣлый часъ

я ждалъ напрасно. И на Востокѣ забрезжило утро. Онъ вѣрно ждетъ удобнаго случая, думалъ я про себя. Я пошелъ за нимъ на станцію и спросилъ, не видали ли моего товарища.

„Онъ съ поѣздомъ уѣхалъ“, отвѣтилъ телеграфистъ.

Да, онъ съ поѣздомъ уѣхалъ, сказалъ я, и не осмѣлился выказать больше удивленія. Во мнѣ начинало зарождаться подозрѣніе, что онъ все-же нашелъ что-нибудь другое, кромѣ протоколовъ. Онъ былъ какъ въ лихорадкѣ и такъ странно держался со мной.

Телеграфистъ спросилъ улыбаясь:

„Что, онъ сбѣжалъ отъ тебя?“

Я благоразумно отвѣтилъ ему такой-же улыбкой и сказалъ:

„Нѣтъ, я зналъ, что онъ уѣдетъ. Я его совсѣмъ не зналъ, и я какъ разъ сообщилъ ему, что я съ нимъ не желаю имѣть дѣла“.

Исполненный тысячью мыслей, я ушелъ со станціи. Я какъ съ неба свалился отъ такого нахальства со стороны моего товарища. Разумѣется, ему посчастливилось, этому мошеннику, и онъ нашелъ достаточно денегъ въ банкѣ. А мнѣ онъ не могъ удѣлить хотя бы самую малую часть. Чтобы чортъ его побралъ!

Я повернулъ по дорогѣ къ ночлежному дому, вывѣску котораго я сегодня замѣтилъ мимоходомъ, хотѣлъ переночевать тамъ. По дорогѣ я все больше и больше чувствовалъ удовлетвореніе отъ того, что я не замаралъ рукъ объ эти украденныя деньги. Какое, все же, наслажденіе жить на свѣтѣ такимъ удивительно чистымъ, незапятнаннымъ! думалъ я и ржалъ отъ удовольствія. Пусть лучше я буду бѣденъ и буду работать на другихъ до послѣдней капли крови!

Когда я дошелъ до ночлежнаго дома, я рѣшилъ лучше спуститься внизъ къ складу досокъ и тамъ выспаться даромъ. У меня было всего на всего два доллара, и мнѣ очень хотѣлось привезти Алисѣ Роджерсъ золотую ручку для пера,

которую я видѣлъ у одного золотыхъ дѣлъ мастера на окнѣ.

VII.

„Я думалъ, ты со своимъ товарищемъ на Востокѣ остался“, сказалъ фермеръ Роджерсъ, когда я вернулся. „Мнѣ нравится, что ты сдержалъ слово“.

„Я же сказалъ, что я сегодня вернусь“, возразилъ я. А что касается моего товарища, я разстался съ нимъ не въ ладахъ, я не захотѣлъ оставаться съ нимъ.

„Тебѣ холодно будетъ въ этихъ сапогахъ, когда ты на плугѣ будешь ѣздить. Тебѣ бы слѣдовало купить новые сапоги, потому какъ ты въ городѣ былъ, и при деньгахъ“, сказалъ мистеръ Роджерсъ.

Меня послали въ прерію выбрать для запряжки муловъ, которыхъ бы я пожелалъ. Я загналъ весь табунъ, посмотрѣлъ, какія животныя имѣли больше склонности другъ къ другу, и выбралъ себѣ пару для запряжки.

„Это моя запряжка“, сказала Алиса, когда я надѣлъ сбрую. „Смотри, береги ихъ“.

„Непремѣнно, миссъ“, отвѣтилъ я.

Я прибавилъ „миссъ“, какъ будто она была дама; обыкновенно мы такъ не говорили на фермѣ.

Недолго мнѣ пришлось пользоваться запряжкой Алисы. Какъ-то одинъ изъ муловъ нѣмца палъ отъ грыжи, и Фрэдъ предложилъ, что онъ будетъ пользоваться моей запряжкой. Я этому воспротивился, и даже старикъ Роджерсъ былъ на моей сторонѣ; но Алиса и Фрэдъ одержали побѣду надъ нами. Утромъ Фрэдъ всталъ раньше, чѣмъ обыкновенно, и когда я пришелъ въ конюшню, моей запряжки не было. Мнѣ этого было достаточно, чтобы покинуть ферму, но мистеръ Роджерсъ сказалъ, чтобы я не обращалъ вниманія на это, а выбралъ бы себѣ другую запряжку. Я отыскалъ

себѣ новую пару, которая была такъ же хороша, какъ первая, и еще болѣе вынослива. Такъ какъ я хорошо кормилъ своихъ животныхъ, головы имъ мылъ, чистилъ ихъ скребницею и утромъ и вечеромъ, мнѣ вскорѣ удалось обогнать со своимъ плугомъ Фрэда на добрый кусокъ.

Первую недѣлю на фермѣ я былъ въ постоянномъ страхѣ, что можетъ обнаружиться кража со взломомъ мошенника Джесса, и я боялся что меня впутаютъ въ это преступленіе; но когда на ферму пришли обѣ газетки города Эліотъ, и въ нихъ ничего не было объ ограбленіи банка, я опять пріободрился и сталъ жить безпечально. Или Джессъ и не взламывалъ вовсе денежнаго шкафа, а только мнѣ нахвасталъ, чтобы показать свою храбрость, или банкъ былъ ограбленъ, но Джоржъ изъ-за себя не посмѣлъ поднять дѣла. Позднѣе я узналъ, что Джоржъ былъ сынъ богатаго городского мельника, такъ что его отецъ вѣрно покрылъ могущій быть дефицитъ.

Фрэдъ ежедневно отдалялъ меня отъ Алисы. Что бы я ни дѣлалъ, онъ всегда стоялъ на моей дорогѣ, и побѣждалъ. Ужъ во время жатвы онъ очень холилъ себя, и наряжался больше всѣхъ насъ; передъ тѣмъ, какъ придти къ столу, онъ долго расчесывалъ свои свѣтлые волосы. Онъ печалился о томъ, что потерялъ одинъ глазной зубъ, что дыра была видна, когда онъ смѣялся. Что же долженъ былъ я сказать, потерявшій почти всѣ свои волосы въ преріи, и почти совсѣмъ оплѣшивѣвшій въ теченіи одного года! Кромѣ того, я пересталъ бриться, я отпустилъ жесткую бороду, и къ тому же солнце и непогода совсѣмъ стерли мои брови. Я не могъ равняться съ Фрэдомъ.

Наоборотъ, старикъ Роджерсъ и его жена были ко мнѣ ласковы и хорошо обходились со мной. Часто случалось, что мистрисъ Роджерсъ за столомъ говорила мнѣ, чтобы я взялъ побольше пуддинга или пирога. Иногда она, заинтересованная, спрашивала меня про тотъ или другой обычай

на моей родинѣ, а Фрэда она не спрашивала, такъ какъ онъ родился въ Америкѣ, въ городѣ Фарго, и былъ, слѣдовательно, горожаниномъ.

Какъ-то разъ утромъ Алиса нарядилась. Я думалъ, она собирается въ городъ, и старался изо всѣхъ силъ, чтобы мнѣ пришлось везти ее; но оказалось, что просто было воскресенье, и что она поэтому нарядилась. Я принялся за свою работу, какъ всегда, и не думалъ больше объ этомъ; но черезъ нѣсколько мгновеній, я вижу, какъ Алиса во всемъ своемъ парадѣ отправляется навѣстить Фрэда далеко въ преріи, а ко мнѣ она не пришла.

Такъ проходилъ день за днемъ. Я не имѣлъ ни малѣйшаго успѣха у Алисы, хотя не только называлъ ее миссъ, но и вообще былъ очень внимателенъ къ ней. Фрэдъ былъ гораздо естественнѣе, чѣмъ я, и нисколько не важничалъ. Вотъ увидишь, ты придаешь слишкомъ много значенія всему, думалъ я про себя. Но я уже избаловалъ Алису, и когда я пересталъ ей говорить миссъ и просто назвалъ ее Алиса, она истолковала это навязчивостью съ моей стороны и не отвѣтила мнѣ.

Однажды я продѣлалъ штуку, которую я уже давно придумалъ. Благодаря продолжительному ливню, стало невозможно пахать, поэтому мы распрягли и вернулись домой. У меня не было другой куртки для смѣны, но я надѣлъ сухую рубашку и сѣлъ въ одной жилеткѣ въ общую комнату, гдѣ было тепло. Я началъ писать письма, мнѣ хотѣлось показать мою ловкость въ писаніи, я сталъ писать золотой ручкой, какъ будто я привыкъ писать ею.

„Никогда я не видала человѣка“, сказала удивленная мистрисъ Роджерсъ, „который бы такъ умѣлъ писать!“

Алиса невольно посмотрѣла на меня; тутъ же находился Фрэдъ, и она съ нимъ говорила.

„У тебя золотая ручка?“ сказала она.

„Она вамъ нравится?“ спросилъ я.

„Да".

„Такъ вы можете получить ее, миссъ", сказалъ я и протянулъ ей ручку.

„Я? Я вовсе не желаю ея", отвѣтила она рѣзко. „Меня просто удивило, что ты пишешь такой дорогой ручкой".

„Пишутъ тѣмъ, что есть". Затѣмъ я сказалъ, что я эту ручку получилъ отъ кого-то, и я такъ говорилъ, что она могла подумать, что мнѣ подарила ее какая-нибудь дѣвушка. Но и это не произвело на нее никакого впечатлѣнія. Такъ мнѣ и не удалось отдать ей эту ручку, хотя я все подстроилъ для того.

Я старался изо всѣхъ силъ, и составлялъ одинъ планъ за другимъ. Одну недѣлю я пробовалъ быть молчаливымъ и сдержаннымъ, чтобы вызвать въ ней женское участіе, другую недѣлю всю я былъ веселъ и пытался блистать быстрыми, удачными отвѣтами. Алиса только сказала:

„Сколько ты времени теперь въ Америкѣ?"

„Болѣе шести лѣтъ, въ общемъ", отвѣтилъ я. „Я здѣсь уже во второй разъ".

„А ты, Фрэдди?"

„Я здѣсь родился", отвѣтилъ Фрэдъ.

„Вотъ видишь какая разница", сказала мнѣ Алиса.

Потому что самымъ благороднымъ было быть прирожденнымъ американцемъ. Она Фрэда потому и Фрэдди называла, чтобы это звучало по-американски, а не по-нѣмецки.

„Посмотри-ка на его волосы", сказала Алиса. Они какъ золото. А что ты со своими сдѣлалъ, Нутъ?"

„Я ихъ потерялъ въ преріи", сказалъ я. „Но теперь мнѣ кажется, какъ будто они становятся крѣпче и опять растутъ".

„Такъ, такъ", сказала Алиса.

VIII.

Но долженъ былъ настать день, когда дѣйствительно звѣзда моя поднялась высоко, и я на короткое время сдѣлался побѣдителемъ на фермѣ. Это были часы, исполненные гордости.

Къ Роджерсамъ пріѣхалъ погостить маленькій внукъ, его звали Эдвинъ. Мальчуганъ постоянно бывалъ со мной, выѣзжалъ со мною въ прерію, гдѣ я его сажалъ на плугъ, давалъ ему править. Однажды, когда онъ оставался дома, на фермѣ съ дѣдушкой, съ нимъ случилось несчастье. Старикъ пристраивалъ доски для амбара, спускалъ ихъ внизъ по лѣстницѣ; одна изъ нихъ пошла криво и угломъ попала ребенку поверхъ глаза. Эдвинъ упалъ и лежалъ какъ мертвый.

На дворѣ раздались вопли. Алиса позвала меня, такъ какъ я былъ ближе къ ней, чтобы я сейчасъ же возвращался домой. Я быстро отцѣпилъ муловъ отъ плуга, и пустивъ ихъ на волю, побѣжалъ домой. Алиса вѣрно нечаянно обратилась ко мнѣ; опомнившись, она позвала и Фрэда, потому что больше довѣряла ему. Она поручила ему запречь возможно скорѣй лошадей и ѣхать въ городъ за врачомъ.

Когда я прибѣжалъ, старики были въ полномъ отчаяніи, и сокрушались безъ конца. Мистеръ Роджерсъ каталъ ребенка взадъ и впередъ по полу, но ему не удавалось вернуть его къ жизни. Мнѣ помогло старое воспоминаніе изъ юности, я сразу понялъ, что̀ надо было дѣлать. „Снимите съ него куртку", сказалъ я. Моя бритва лежала подъ подушкой въ постели, я поспѣшилъ за ней; когда я вернулся, я разорвалъ на Эдвинѣ рукавъ рубашки, и началъ вскрывать жилу на его рукѣ.

Женщины испустили крикъ и, какъ сумасшедшія, бросились на меня, особенно усердствовала Алиса и говорила, что я хочу убить ребенка. Я затопалъ ногой и приказалъ ей отойти въ сторону, здѣсь идетъ рѣчь о жизни и смерти,

и я хочу спасти ребенка. Старикъ Роджерсъ подчинился убѣдительности моихъ словъ и помогъ мнѣ держать ребенка. „Хорошо ли только ему кровь изъ жилы пускать?“ спрашивалъ онъ.

Когда я надрѣзъ сдѣлалъ немного глубже, показалась кровь, сначала каплями, потомъ тонкой струйкой. Я разстегнулъ рубашку и послушалъ у Эдвина сердце; оно молчало. Тогда я схватилъ его за ноги и сталъ возить его взадъ и впередъ, держа его голову книзу. Это для того, чтобы привести его кровь въ движеніе. Потомъ я опять положилъ ребенка и послушалъ — сердце слабо билось. Это была чуднѣйшая операція, лучше которой я не могъ желать. Мы всѣ стояли кругомъ и смотрѣли на ребенка. Маленькіе пальцы на его рукѣ задвигались чуточку. „Онъ пальцами пошевелилъ“, сказалъ мистеръ Роджерсъ, задохнувшись отъ радости. „Онъ пошевелилъ пальцами“, сказала и бабушка, и рыдая вышла изъ комнаты. Вскорѣ затѣмъ ребенокъ открылъ блуждающіе глаза и опять закрылъ ихъ. „Онъ посмотрѣлъ!“ сказалъ мистеръ Роджерсъ, „онъ живъ“. И онъ позвалъ свою жену и повторилъ ей то же самое.

„Принеси-ка мнѣ кусочекъ полотна“, сказалъ я Алисѣ.

Алиса долго отсутствовала, а я внутренно дѣлался все рѣшительнѣе; я схватилъ то, что лежало у меня передъ глазами, это былъ кусокъ бѣлаго полотна, который былъ только что заготовленъ для работы. Я вырвалъ квадратный кусочекъ для корпіи, и оторвалъ себѣ еще длинную полосу для бинта.

Алиса вернулась и сказала:

„Это ты разорвалъ мое хорошое полотно?“

„Я вамъ заплачу за него“, возразилъ я и началъ щипать корпію.

Мистеръ Роджерсъ былъ совершенно уничтоженъ моимъ могуществомъ и сказалъ дочери:

„Замолчи ты, Алиса“.

Эдвинъ все чаще и чаще открывалъ глаза и жалобно стоналъ, подъ конецъ онъ хотѣлъ схватиться за рану въ головѣ, но я ему помѣшалъ. Тогда онъ посмотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза, и я видѣлъ, что онъ меня узналъ.

Я положилъ корпію на вскрытую жилу, забинтовалъ ему руку, что, быть можетъ, мнѣ нужно было сдѣлать раньше. Затѣмъ мы отнесли его въ постель и раздѣли. Онъ впалъ въ забытье; а я между тѣмъ промылъ ему рану на головѣ и наложилъ и на нее повязку.

„Теперь можетъ докторъ пожаловать“, сказалъ я.

И чувствовалъ я себя при этомъ какъ Богъ.

Но когда напряженіе кончилось, я совсѣмъ раскисъ и ослабѣлъ. Я упалъ на первый попавшійся стулъ. Затѣмъ я всталъ, и съ дрожащими колѣнами вышелъ изъ дому и сѣлъ гдѣ-то за конюшней; теперь ужъ я ничего не стоилъ. Я просидѣлъ, вѣрно, минутъ десять, потомъ опять нѣсколько пріободрился, и пошелъ разыскивать муловъ, запрегъ ихъ и началъ снова пахать. Я совсѣмъ засыпалъ на своемъ сидѣньѣ.

Я проѣздилъ съ плугомъ часа два, три. Затѣмъ ко мнѣ пришелъ старикъ Роджерсъ и сказалъ, что пріѣзжалъ врачъ, развязывалъ Эдвину рану и давалъ ему капель. Мистеръ Роджерсъ просилъ меня отпречь на сегодня.

Я такъ и сдѣлалъ и вернулся съ нимъ на ферму. Мы почти ни о чемъ не говорили съ нимъ, но я видѣлъ, какъ благодаренъ мнѣ этотъ старикъ.

Мистрисъ Роджерсъ вышла къ намъ навстрѣчу и сказала мнѣ.

„У насъ докторъ былъ, онъ думаетъ, что Эдвинъ это перенесетъ“.

„Онъ сказалъ, что ты хорошо сдѣлалъ, что вскрылъ ему жилу“, прибавилъ Роджерсъ.

„Онъ сказалъ, что ты спасъ ему жизнь“, добавила жена его.

И опять я почувствовалъ себя гордымъ, какъ Богъ и повелитель.

Остатокъ дня я шлялся взадъ и впередъ по фермѣ и не работалъ. Но это бездѣлье не доставило мнѣ удовольствія, и я ходилъ изъ угла въ уголъ и скучалъ; если бъ мнѣ не было стыдно, я бы охотно опять поѣхалъ съ плугомъ. Алисѣ подобало бы мнѣ сказать, по крайней мѣрѣ, нѣсколько сердечныхъ словъ, а вмѣсто того она подошла ко мнѣ и сказала злобно:

„Ты на меня ногой топалъ, Нутъ. Смотри, не сдѣлай этого еще разъ!"

Мнѣ не пришлось ни слова возразить ей на это. Такъ невозможна она показалась мнѣ въ ту минуту. А что касается стариковъ, то они забрали себѣ въ голову, что я какой-то замѣчательный человѣкъ и искусникъ во многихъ вещахъ; они внимательно прислушивались, если я что-нибудь говорилъ, и мнѣ казалось, какъ будто они начинали дѣлать маленькую разницу между Фрэдомъ и мной, и именно въ мою пользу. Напримѣръ, какъ-то разъ меня послали въ городъ за пшеницей и за разными покупками, и Фрэда со мной не было.

Но, если бы я былъ даже волшебникомъ, то все же однимъ чудодѣйственнымъ поступкомъ я не могъ продержаться цѣлую вѣчность. А между тѣмъ дни проходили, маленькій Эдвинъ поправлялся, и все стало какъ прежде, мой героическій поступокъ былъ преданъ забвенію, и я опять сталъ жить на фермѣ бѣднымъ и побѣжденнымъ. Въ этомъ не произошло никакой перемѣны.

Фрэдъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ:

„Скоро морозы начнутся, тогда пахотѣ конецъ. Что ты тогда будешь дѣлать?"

„Я, право, не знаю", отвѣтилъ я. „Что-нибудь придумаю".

Фрэдъ и я жили хорошо другъ съ другомъ, между нами не было соперничества, я не сердился на него за то, что онъ отнялъ мою запряжку. Въ этомъ Алиса была виновата.

Конечно, Фрэдъ былъ бродягой, но не изъ дурныхъ, и только въ этомъ году, когда онъ остался безъ работы, онъ сталъ бродяжничать. Напротивъ, онъ очень гордился своимъ красивымъ лицомъ, и, когда онъ смѣялся, онъ только немного открывалъ ротъ, чтобы скрыть недостающій зубъ. Благодаря этому, у него былъ видъ, какъ будто онъ смѣялся сквозь щелку въ губахъ. Но къ нему шло, когда онъ такъ мало раскрывалъ ротъ, такъ какъ у него губы отъ природы были нѣсколько толстыя. „Посмѣйся еще немножко", говаривала Алиса. Она была влюблена въ него по уши.

Хотя мнѣ приходилось гораздо хуже и мнѣ не отвѣчали на мою любовь, Фрэду тоже приходилось не сладко. Онъ разсказывалъ мнѣ, что Алиса говорила о немъ со своими родителями, и призналась имъ, что она его любитъ; но родители потребовали, чтобы она оставила его.

Фрэдъ сказалъ мнѣ:

„Ты долженъ намъ помочь, Нутъ".

Я почувствовалъ, что это желаніе меня нѣсколько приподняло, я спросилъ:

„Ты съ согласія Алисы меня просишь?"

„Да", сказалъ Фрэдъ, „это она пожелала".

Я сказалъ:

„Тогда я это сдѣлаю".

У меня пронеслась въ головѣ мысль, что быть можетъ мнѣ удастся вытѣснить Фрэда при помощи моего невѣроятнаго благородства. Старики были благосклонны ко мнѣ, и я спросилъ какъ-то мистриссъ Роджерсъ, откуда она родомъ, изъ города или съ фермы?

„Съ фермы", былъ отвѣтъ.

„Странная это должна быть жизнь для молодой дѣвушки, на одинокой фермѣ", продолжалъ я. „Какъ тамъ знакомятся съ людьми?"

Мистриссъ Роджерсъ возразила, что кругомъ есть фермы. И затѣмъ еженедѣльно бываешь въ городѣ. Но, конечно, не много людей встрѣчаешь.

„А какъ же съ замужествомъ“? спросилъ я. „Выходишь просто за проѣзжаго?“

Старики переглянулись. У нихъ была старшая дочь, которая сбѣжала съ кѣмъ-то, кто былъ у нихъ проѣздомъ. Но этой парѣ посчастливилось, молодые люди эти обзавелись землей, сдѣлались фермерами, маленькій Эдвинъ былъ ихъ сынъ.

„Все же всегда рискуешь“, продолжалъ я разсуждать. „Какъ легко могла молодая дѣвушка влюбиться въ недостойнаго, только потому, что она не знаетъ никого другого и у нея нѣтъ выбора“.

Да, въ этомъ я совершенно правъ. Такъ это.

„Несомнѣнно надо быть осторожнымъ относительно бродягъ, какими мы были“, сказалъ я въ заключеніе.

Опять старики переглянулись, и отлично меня поняли.

Этого мать не выдастъ дочери, подумалъ я. Хоть Алиса и не откажется отъ Фрэда, все же она получитъ представленіе о моей удивительной проницательности!

Но немного времени спустя, я самъ испугался за сказанное; я зашелъ слишкомъ далеко, Алиса узнаетъ, что я подкапываюсь подъ Фрэда. Я воспользовался слѣдующимъ случаемъ и сказалъ мистриссъ Роджерсъ, что Фрэдъ совсѣмъ другой, что онъ, вѣроятно, очень бравый парень, золотой человѣкъ, и что я непремѣнно бы его выбралъ, если бъ былъ дѣвушкой. И на этотъ разъ старики выслушали меня очень внимательно, и я замѣтилъ, что они прониклись тѣмъ, какой я безкорыстный.

Какъ-то вечеромъ я подстерегъ Алису въ темнотѣ и хотѣлъ заставить заговорить ее первую.

„Ты не другъ Фрэдди“, сказала она.

„Что я сдѣлалъ?“

„Ты про него дурно говорилъ“.

Тогда я повелъ Алису къ ея матери и спросилъ, что́ я сказалъ дурного о Фрэдѣ.

„Ты сказалъ, что нужно остерегаться бродягъ, но что Фрэдъ исключеніе, и что онъ золотой человѣкъ“, отвѣтила мать.

„Но ты мнѣ этого не сказала, мать!“ воскликнула Алиса. „Да благословитъ тебя Богъ, Нутъ!“

Я ушелъ гордый и взволнованный, и хорошо воспользовался своимъ выгоднымъ положеніемъ. Когда въ слѣдующій разъ Фрэдъ попросилъ меня, я возразилъ, что я не желаю больше имѣть съ нимъ дѣло, и что причиной этому поведеніе Алисы.

IX.

Въ слезахъ пришла ко мнѣ Алиса и просила меня поговорить съ родителями и побольше похвалить Фрэда. Это было вечеромъ, когда работа была кончена. Алиса близко подошла ко мнѣ и принялась вертѣть одну изъ моихъ пуговицъ на блузѣ, такъ что я былъ ближе къ ней, чѣмъ когда-нибудь, и чувствовалъ ея дыханіе. Это счастье вскружило мнѣ голову, я отвѣчалъ безсвязно.

„Фрэда? Хорошо. Что же мнѣ сказать? Да, я сдѣлаю все, что вы захотите“.

И я не зналъ, что Фрэдъ подслушивалъ; а онъ стоялъ въ конюшнѣ и слышалъ, что́ мы говорили.

„Что же мнѣ еще сдѣлать?“ спросилъ я. „Вы знаете, о чемъ вы меня просите? Вы вѣрно замѣтили, что я самъ люблю васъ“.

„Нѣтъ, я этого не замѣтила“, отвѣтила она. „Ты этого никогда не говорилъ“.

„Не говорилъ я этого, да. Я трезво смотрю на вещи. Я знаю, что я бродяга и недостоинъ васъ“.

„Впрочемъ, ни то, ни другое не важно“, сказала Алиса, „потому что я люблю Фрэдди“.

„И вы просите меня помочь вамъ?“

„Нѣтъ, нѣтъ", сказала она, „не будемъ больше говорить объ этомъ".

„Вамъ никогда не приходило въ голову, что я и безъ того былъ достаточно безкорыстенъ", сказалъ я. „Я ни одного слова благодарности отъ васъ не слышалъ. Но, если мнѣ теперь идти еще дальше, это превзойдетъ всякія человѣческія силы".

„Я знаю, что ты хорошій человѣкъ", сказала Алиса.

„Но не больше этого?"

„Нѣтъ, ты очень ученый человѣкъ, и обо всемъ у тебя есть понятіе. Ты, какъ молнія, пишешь быстро".

Но что я хотѣлъ услыхать—это, что я точно такъ же красивъ, какъ Фрэдъ, и такъ же очарователенъ, но этого Алиса не сказала.

„Я вамъ никогда не могу понравиться?" спросилъ я.

„Конечно", сказала Алиса", почему же, то есть..."

Я продолжалъ подольщаться къ ней и спросилъ:

„А вы не думаете, что я могъ бы нашу ферму поднять на большую высоту, и заработать много денегъ, и носилъ бы васъ на рукахъ? Ну, а что сдѣлаетъ Фрэдъ?"

Алиса молчала.

„Вы не знаете, что я за человѣкъ", сказалъ я мистично, и далъ ей понять, что она не подозрѣваетъ, какой я.

„Но я знаю!" закричалъ Фрэдъ и внезапно появился изъ-за конюшни. Въ рукахъ у него была вила. „Я то знаю, что ты негодяй и мошенникъ", сказалъ Фрэдъ въ бѣшенствѣ, „я тебя убью, какъ собаку".

Тогда на меня напалъ страхъ, и я поднялъ руку, чтобы защититься. „Успокойся, Фрэдъ, и дай мнѣ уйти", сказалъ я.

„Уйти! Я тебя убью тутъ на мѣстѣ", закричалъ Фрэдъ, и хотѣлъ меня заколоть вилой.

Алиса и не подумала разнять насъ. „Не убивай его", было все, что она сказала.

„Ты убійца", сказалъ я Фрэду. „И прошу тебя, оставь вилу, убійца".

Но Фрэдъ не хотѣлъ меня пощадить.

„Если ты тронешься съ мѣста, я тебя заколю", сказалъ онъ.

Я опустился на землю. Я видѣлъ, что Фрэдъ помѣшался, и я ничего не могъ съ нимъ подѣлать. Такой уколъ вилой извѣстенъ тѣмъ, что рана отъ него медленно заживаетъ, иногда и вовсе не заживаетъ, и я боялся за свою жизнь.

„Что ты старикамъ обо мнѣ говорилъ?" кричалъ Фрэдъ.

„Ты безсмысленное животное", сказалъ я, „и я тебѣ больше не сдѣлаю никакого одолженія".

Фрэдъ обернулъ вилу и другимъ концомъ ударилъ меня по головѣ. Было не особенно больно и я всталъ. Когда вила опять очутилась близь меня, я протянулъ руку и мнѣ удалось схватить ее. Въ ту же минуту Алиса поняла, что теперь есть опасность для Фрэда и она побѣжала въ домъ и вызвала отца.

„Тише, молодцы", сказалъ мистеръ Роджерсъ. „Что случилось?"

„Спросите Фрэда", отвѣтилъ я, онъ прибѣжалъ съ вилой.

„У нихъ у обоихъ была вила", сказала Алиса.

Теперь я понялъ, что Алиса была дурной человѣкъ, и хотя я тоже нехорошій, все же она была хуже меня. Разбѣшенный, я пошелъ своей дорогой и предоставилъ влюбленнымъ мириться и извиняться, и сдѣлать меня кругомъ виноватымъ. На другой день я пошелъ къ Фрэду, когда онъ пахалъ и приказалъ ему слѣзть съ плуга. Онъ этого не захотѣлъ, тогда я его ударилъ подъ подбородокъ, и такъ, что онъ закачался и упалъ съ сидѣнья. Чтобы отомстить мнѣ, онъ не могъ ничего придумать другого, какъ изрѣзать въ куски спину моей куртки въ одну ночь, когда я спалъ.

Мы пахали, пока ледяная кора не покрыла поля, до самаго того времени, когда земля стала промерзать. Тогда мистеръ Роджерсъ сказалъ:

„Ну, парни, теперь будетъ пахать".

Мы тотчасъ же отпрягли муловъ и отправились домой. И въ послѣдній разъ я чистилъ свою пару муловъ, мылъ имъ головы и кормилъ ихъ.

„Стемнѣло, скоро ночь, вы можете остаться до завтра", сказалъ мистеръ Роджерсъ.

Онъ расчелъ, сколько намъ приходится получить и выплатилъ намъ наши деньги. Я не бралъ денегъ впередъ, такъ что я получилъ больше, чѣмъ Фрэдъ, который забралъ впередъ, для покупки новаго платья и новой шляпы въ городѣ.

Мистеръ Роджерсъ предложилъ мнѣ одолжить для путешествія нѣсколько лучшую куртку, чѣмъ моя; я могъ ее оставить у его купца въ лавкѣ, сказалъ онъ. Я вывернулъ карманы въ его курткѣ, чтобы показать, что тамъ ничего не забыто. Это была совсѣмъ ненужная уловка съ моей стороны, долженствующая показать мою честность.

Ночью я проснулся оттого, что Фрэдъ всталъ со своихъ наръ и надѣлъ эту куртку.

„Куда это ты?" спросилъ я.

Онъ не отвѣтилъ мнѣ.

Фрэдъ ушелъ и не возвращался. Онъ что-то замышляетъ, подумалъ я, прокрался за нимъ къ двери и открылъ ее; на дворѣ было темно и холодно, на небѣ блестѣло нѣсколько звѣздъ. Подсматривать дальше я не рѣшился, вернулся назадъ; что бы ни случилось, самое лучшее было держаться вдали. Я продрогъ отъ стоянія въ дверяхъ, и заснулъ теперь крѣпчайшимъ сномъ. Проснулся я только утромъ.

Когда я всталъ и пошелъ къ старикамъ, Фрэда еще не было.

„Гдѣ Фрэдъ?" спросила мистриссъ Роджерсъ; завтракъ у нея былъ готовъ.

„Этого я не знаю", отвѣтилъ я.

Тогда она вышла и стала звать, но Фрэдъ ей не отвѣчалъ. Тутъ у старухи шевельнулось подозрѣніе, она раскрыла дверь

въ комнату Алисы и заглянула въ нее. Она была пуста. И она затворила дверь и сказала:

„Куда это Алиса дѣвалась?"

Ея лицо было сѣро.

Тогда мы стали искать обоихъ, искали всюду, но не нашли ихъ. Только въ конюшнѣ не хватало Алисиной запряжки, такъ что намъ стало ясно, что парочка сбѣжала.

„Точь-въ-точь какъ наша старшая дочь", сказала мистриссъ Роджерсъ, ошеломленная.

Старикъ Роджерсъ горевалъ и молчалъ, онъ принимался то за одно, то за другое, и нигдѣ не находилъ покоя. Его жена первая пришла въ себя и сказала, что ея другой дочери хорошо жилось, авось посчастливится и этой. И какъ водится у стариковъ, они на своихъ внучатъ стали смотрѣть какъ на самыхъ близкихъ ихъ сердцу, а не на своихъ взрослыхъ дѣтей.

Маленькій Эдвинъ сталъ самой большой радостью въ домѣ.

„Если ты когда-нибудь будешь проходить здѣсь, я охотно дамъ тебѣ работу", сказалъ мистеръ Роджерсъ. „Куда ты ѣдешь?"

„Дальше къ Западу", сказалъ я.

„Тебѣ бы не слѣдовало этого дѣлать", сказалъ Роджерсъ. „Тебѣ бы слѣдовало достать себѣ мѣсто здѣсь въ городѣ и остаться въ нашей мѣстности".

Но я уѣхалъ въ виноградники Калифорніи.

СОДЕРЖАНІЕ.

СТРАН.

МЕЧТАТЕЛЬ 7

ВОИНСТВУЮЩАЯ ЖИЗНЬ 103

Островъ Чернаго 105

Александръ и Леонарда 126

Среди животныхъ 135

Въ лѣтнемъ упоеніи 142

Женская побѣда 159

Дни бродяги 168

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ». СПБ., Б. КОНЮШЕННАЯ, 17.

КНУТЪ ГАМСУНЪ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

въ двѣнадцати томахъ.

Съ портретомъ автора и критико-біографическимъ очеркомъ.
Переводы исключительно съ норвежскаго.

ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ УЧАСТІИ:

К. Бальмонта, Ю. Балтрушайтиса и С. Полякова.

Томъ I. Духовная жизнь современной Америки. Голодъ.
„ II. Мистеріи.
„ III. Редакторъ Люнге.
„ IV. Новь.
„ V. Панъ. Сіеста.
„ VI. У вратъ царства. Драма жизни. Закатъ.
„ VII. Викторія. Въ сказочной странѣ.
„ VIII. Мункенъ Вендтъ.
„ IX. Поросль.
„ X. Царица Тамара. Дикій хоръ.
„ XI. Мечтатель. Воинствующая жизнь.
„ XII. Подъ осенними звѣздами.

Вышли: томъ V. Содержаніе: Панъ. Перев. С. Полякова.—Сіеста. Пер. С. Полякова. Цѣна 1 р. 25 к.

Томъ VI. У вратъ царства. Пер. Ѳ. Комиссаржевскаго.—Драма жизни. Пер. С. Полякова. — Закатъ. Пер. С. Городецкаго. Цѣна 1 р. 25 к.

Томъ VII. Содержаніе: Викторія. Пер. Ю. Балтрушайтиса.—Въ сказочной странѣ. Пер. Ю. Балтрушайтиса. Цѣна 1 р. 40 к.

Томъ IX. Поросль. Пер. К. Д. Бальмонта. Цѣна 1 р.

Томъ XI. Мечтатель. Воинствующая жизнь. Пер. К. Д. Бальмонта. Ц. 1. р. 25 к.

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ». СПБ., Б. КОНЮШЕННАЯ, 17.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ГАБРІЭЛЯ Д'АННУНЦІО

въ пер. Ю. Балтрушайтиса, Валерія Брюсова, М. Ватсонъ, Зин. Венгеровой, Вяч. Иванова, Конст. Эрберга и др.

Томъ I. Джованне Эпископо. Сонъ въ весеннее утро. Сонъ осенняго заката.

„ II. Невинная жертва.

„ III. Разсказы изъ Пескары.

„ IV. Наслажденіе.

„ V. Торжество смерти.

„ VI. Дѣвы горъ.

„ VII. Джіоконда. Мертвый городъ. Слава.

„ VIII. Пламя.

„ IX. Франческа да-Римини.

„ X. Корабль. Сильнѣе любви.

„ XI. Безумная мать. Огонь подъ спудомъ.

„ XII. Поэмы и стихи.

Вышелъ томъ III. Разсказы изъ Пескары. Пер. Зин. Венгеровой. Ц. 1 р. 25 к.

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ». СПБ., Б. КОНЮШЕННАЯ, 17.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Д. Г. УЭЛЛСА

въ 9 томахъ, подъ редакціей В. Г. ТАНА, съ портретомъ и предисловіемъ автора къ русскому изданію и вступительной статьей В. Г. ТАНА.

Переводы исключительно съ оригинала Н. А. Мэрозова, В. Г. Тана, К. Чуковскаго и др.

Томъ I. Странные разсказы.

„ II. Когда спящій проснется.

„ III. Грядущіе дни. Машина времени.

„ IV. Пища боговъ.

„ V. Борьба міровъ.

„ VI. Дни кометы.

„ VII. Первые люди на лунѣ.

„ VIII. Невидимка. Островъ д-ра Моро.

„ IX. Предвкушенія.

Вышелъ томъ I. Содержаніе: Біографія и вступ. статья. Странные разсказы. Пер. В. Г. Тана и К. Чуковскаго.

Томъ II. Когда спящій проснется. Пер. Ек. Прейсъ, подъ ред. В. Г. Тана. Цѣна 1 р. 25 к.

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ». СПБ., Б. КОНЮШЕННАЯ, 17.

„СѢВЕРНЫЕ СБОРНИКИ“

КНИГА ПЕРВАЯ.

(2-ое изданіе).

Іенсъ Петеръ Якобсенъ. Могенсъ. (пер. А. Острогорскій). Пусть розы здѣсь цвѣтутъ (пер. А. Блока). — **Зельма Лагерлёфъ.** Семь смертныхъ грѣховъ (пер. С. Городецкаго). — **Августъ Стриндбергъ.** Преступникъ (пер. С. Городецкаго). — **Германъ Бангъ.** Четыре бѣса. Ея Высочество (пер. Ѳедора Сологуба). — **Оскаръ Левертинъ.** Зельма Лагерлёфъ (статья). — **Теодоръ Вольфъ.** Іенсъ Петеръ Якобсенъ (статья).

Цѣна книги 1 рубль.

КНИГА ВТОРАЯ и ТРЕТЬЯ.

А. Купринъ. О Кнутѣ Гамсунѣ. **Кнутъ Гамсунъ.** Мистеріи. Пер. А. Острогорскій. **Ола Гансонъ.** Sensitiva amorosa. Пер. Ю. Балтрушайтиса. Цѣна 1 р. 50 коп.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Іенсъ Петеръ Якобсенъ. Нильсъ Люне. Романъ. Пер. С. Городецкаго. **Гаральдъ Геффдингъ.** Потомокъ Гамлета (статья о Киркегорѣ). **Серенъ Киркегоръ.** I. Несчастнѣйшій. II. Афоризмы. Пер. Ю. Балтрушайтиса. Цѣна 1 р. 20 к.

КНИГА ПЯТАЯ.

I. **Альмквистъ.** Мельница въ Шельнурѣ. **Августъ Стриндбергъ.** I. Высшая цѣль. II. Сказка о Сенъ Готардѣ. III. Полъ-листа бумаги. IV. Соната призраковъ. **Я. Седербергъ.** I. По теченію. II. Мелкій дождь. III. Сатана, маіоръ и придворный проповѣдникъ. IV. Воздаяніе за грѣхъ. V. Бездомная собака. VI. Тѣнь. Пер. Ю. Балтрушайтиса. Цѣна 1 рубль.

КНИГА ШЕСТАЯ.

Пѣснь Сигурды. Отрывокъ изъ Эдды. Гуннаръ Гейбергъ. Балконъ. **Его же.** Трагедія любви. **Іонасъ Ли.** Черная птица. **Петеръ Нансенъ.** Освѣщенное окно. **Амалія Скрамъ.** Лѣто Ея же. Страна Майка. **Дѣтство и юность Ибсена** (по Іегеру).

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.